

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 6 2020 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

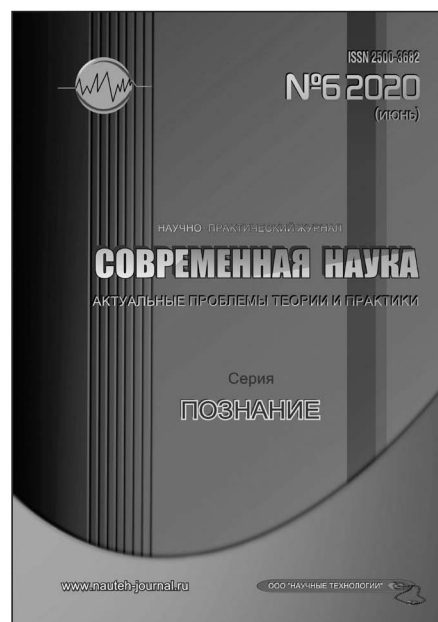
Подписано в печать 25.06.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 6 (июнь) 2020 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Енчинов Э.В.** – Ритуальная пища в алтайском календарном обряде «Зеленая листва» в начале XXI в.
Enchinov E. – Ritual food in the Altai calendar rite «Green Foliage» at the beginning of the XXI century 5
- Щербакowa Е.Н.** – Васнецовский след на Игринской земле: социокультурный анализ
Shcherbakova E. – Vasnetsov Igrinskaya mark on the land: a socio-cultural analysis..... 8

Психология

- Козлова Н.В., Ларионова А.В., Обуховская В.Б.** – Особенности взаимосвязи монетарного поведения и компонентов жизнестойкости молодежи
Kozlova N., Larionova A., Obukhovskaya V. – Features of the relationship between monetary behavior and components of youth resilience 12
- Макарова М.В.** – Психотерапевтическое консультирование клиентов, подверженных зависимости от виртуального секса
Makarova M. – Psychotherapy counseling for Clients who are addicted to virtual sex 18
- Максимова М.В.** – Теоретический обзор рефлексивности в контексте индивидуального стиля учебной деятельности
Maksimova M. – Theoretical review on reflectivity in the context of the individual style of educational activity 25

Философия

- Балонова М.Г.** – Хронотоп странничества в русской живописи второй половины XIX века
Balonova M. – Chronotope of wanderings in Russian painting second half of the XIX century 30
- Васильева Е.Н.** – Разработка концептуального подхода к созданию произведений искусства на основе метамодернистского понятия «осцилляция»
Vasileva Ye. – Development of a conceptual approach to the creation of works of art based on the metamodern concept of «oscillation»..... 34
- Григорьев А.В.** – Социальная самоидентификация личности как сфера риска
Grigoriev A. – Social self-identity of personality as a sphere of risk 39
- Данилкина Д.С.** – Нейропсихоанализ – новый взгляд на природу человека или подмена смысловых платформ?
Danilkina D. – Neuropsychanalysis - a new look at human nature or a substitution of meanings?..... 43
- Дятко А.И.** – Миф и кино: опыт русскоязычной теоретической рефлексии рубежа XX-XXI веков
Dyatko A. – Myth and cinema: experience of Russian-language theoretical reflection of the turn of the XX-XXI centuries..... 49
- Лунев В.В., Мусат Р.П., Лунева Т.А., Князев Н.А., Нескрябина О.Ф., Рахинский Д.В.** – К вопросу о философском осмыслении роли культурной памяти в общественном развитии
Lunev V., Musat R., Luneva T., Knyazev N., Neskryabina O., Rakhinsky D. – On philosophical thinking on the role of cultural memory in social development..... 55

Минеев М.В. – Границы и перспективы институциональной теории	
<i>Mineev M.</i> – The frames and prospects of institutional theory	60
Монгуш С.О. – Межэтническое взаимодействие и формирование русского населения в Туве	
<i>Mongush S.</i> – Interethnic interaction and formation of the Russian population in Tuva	65
Салахова Д.Ф. – Концепт религиозности и структурный анализ религиозной конверсии	
<i>Salakhova D.</i> – Concept of religiosity and structural analysis of religious conversion	71
Сирин С.А. – Философские основания современного российского нигилизма	
<i>Sirin S.</i> – The philosophical foundations of modern russian nihilism	74
Ястреб Н.А. – Этические и Социальные последствия технологий четвертой промышленной революции	
<i>Yastrebn N.</i> – Technologies of the fourth industrial revolution: ethical and social issues	79
Информация	
Наши авторы. Our Authors	82
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	83

РИТУАЛЬНАЯ ПИЩА В АЛТАЙСКОМ КАЛЕНДАРНОМ ОБРЯДЕ «ЗЕЛЕНАЯ ЛИСТВА» В НАЧАЛЕ XXI В.

RIEAL FOOD IN THE ALTAI CALENDAR RITE «GREEN FOLIAGE» AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

E. Enchinov

Summary: The article discusses the traditions of ritual food in the Altai culture. Altai cuisine was based on dairy, meat and vegetable foods. In the course of historical development during the twentieth century, the consumption of food industry products increased, but in the Altai ceremonies the norm of ritual offerings to spirits was preserved only with traditional products. Ritual food before being delivered to the recipient goes through a number of stages in its preparation, this is the preparation of the basic ingredients, the preparation of food in special ways, the offering in the appropriate ritual action. Through offerings between man and the sacred world, a dialogue is established whose purpose is to ask for well-being and fertility for people, land, animals.

Keywords: altaians, ethnography, traditions, custom, rite, ritual, food.

Енчинов Эркин Валериевич

К.и.н., с.н.с., БНУРА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»,
г. Горно-Алтайск
enchinov_e@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются традиции ритуальной пищи в алтайской культуре. Основу алтайской кухни составляли молочная, мясная и растительная пища. В ходе исторического развития в течение XX в. росло потребление продуктов пищевой промышленности, но в обрядах алтайцев сохранилась норма ритуальных подношений духам только традиционными продуктами. Ритуальная пища, прежде чем будет доведена до адресата, проходит ряд этапов в своем приготовлении, это подготовка базовых ингредиентов, приготовление пищи особыми способами, подношение на соответствующем обрядовом действии. Посредством подношений между человеком и сакральным миром устанавливается диалог целью которого является спрашивание благополучия и плодородия для людей, земли, животных.

Ключевые слова: алтайцы, этнография, традиции, обычай, обряд, ритуал, пища.

В современной алтайской культуре с наступлением теплого времени года и началом нового сельскохозяйственного цикла, как на общественном, так и на семейно-родовом уровнях проводятся обряды и ритуалы весенних молений Зеленой листвы – *Дьяжыл бюр*. Призванные подготовить людей, скот и землю к наиболее ответственному времени – теплому сезону, т.к. от его качества, успешности сельскохозяйственных работ зависит в каком состоянии хозяйства войдут в зимний период.

В масштабах годового календаря, помимо обряда *Дьяжыл бюр* (май-июнь), общественностью проводятся обычаи и ритуалы осеннего моления *Сары бюр* (сентябрь-октябрь), встречи нового года *Чагаа-Байрам* (январь-февраль) и праздника прихода весны и обновления – *Дьылгайак* (март). Как видим время в алтайском народном календаре строго сегрегированно, каждому периоду соответствуют свои обычаи и обряды.

Проблематикой календарной обрядности алтайцев в разное время интересовались такие ученые и общественные деятели, как В.И. Вербицкий, В.В. Радлов, А.Г. Данилин, Л.П. Потапов, С.А. Токарева и др.

С конца XX в. тема календаря, обрядов и ритуалов с ним связанных стали объектом интереса исследователей алтайцев, носителей культуры, это З.С. Казагачева,

К.Э. Укачина, Е.Е. Ямаева, В.А. Муйтуева, М.П. Чочкина, С.П. Тюхтенева, Н.Р. Ойноктинова, Э.В. Енчинов и др.

При этом при описании и анализе собственно календарной обрядности в меньшей мере исследователями уделяется внимание таким традиционным категориям как одежда и пища. В данной работе, на примере весенних молений Зеленой листвы, мы бы хотели только обозначить контуры проблематики ритуальной пищи, описать ритуальный пищевой набор, который используется в современной алтайской календарной обрядности.

Коротко скажем о генезисе алтайского народного календаря. Алтайский календарь по системе летоисчисления входит в систему центрально-азиатских календарей, состоящих из 12-летнего животного цикла. Существуют две точки зрения по поводу появления данного типа календаря. Первая, то что предположительно данная система была привнесена на территорию Горного Алтая хуннами во II в. до н.э. – I в. н.э., которые заимствовали в свою очередь у китайцев [3, с. 4]. Вторая, что данный календарь возник именно среди кочевников Центральной Азии, и большое влияние на это оказал их образ жизни. Так, например, по мнению В.В. Цыбульского, «есть основание предполагать, что идея создания юпитерного календаря с небесной символикой 12-летнего животного цикла была воспринята Восточной Азией от кочевников Центральной Азии» [2, с. 79].

Обряды и ритуалы календарного цикла помимо того, что могут проводиться на семейно-родовом уровне, они также отправляются коллективно, когда несколько селений или даже целый район проводят совместное моление. Местом совершения обряда, в частности весенних и осенних молений является общеизвестное сакральное место того или иного района. Отправлять культы может не каждый человек, эту роль могут выполнять своего рода «специалисты» по обычаям, в эту категорию входят «знающий» человек – *неме билер кижги*, шаман – *кам* или служитель культа белой веры бурханизма – *дьарлыкчы*, каждый из них может быть ведущим и распорядителем ритуальных действий. Всю необходимую помощь во время совершения обрядов ведущему оказывает группа его помощников *шабачы*.

Обряды календарного цикла в виду своей массовости, участия разнополых и разновозрастных людей требуют тщательной подготовки. При этом одному человеку и даже одной отдельно взятой семье не по силам провести всю подготовительную часть мероприятия [1, с. 195]. Подготовка к весеннему молению начинается с прихода тепла, что соответствует середине апреля, началу мая.

За время подготовительных мероприятий, ведущий должен успеть определить точное время, место и день совершения обряда, также подготовить материальную базу молений.

В перечень подготовки материальной базы входит, подготовка священных атрибутов, приготовление ритуальной пищи, обустройство священного места для проведения обряда.

Подготовка ритуальной пищи является чуть ли не самой сложной частью всего подготовительного комплекса. В комплекс ритуальной пищи входит жертвенное мясо, мясной бульон, молочные и злаковые продукты.

На моление *Дьяжыл бюр* забивается жертвенный баран, реже лошадь. Жертвенное животное обычно выделяют частные фермерские, личные подсобные хозяйства, иногда то или иное поселение данного района, также не редко животное предоставляет отдельно взятый человек от своего имени.

Забивают животное за день до моления, считается, что жертвенное мясо должно остыть. При этом в день проведения обряда мясо привозят заранее и приступают к варке ранним утром, чтобы к восьми утра мясо было уже готово. Варят непременно в больших котлах, нужно чтобы было достаточное количество бульона – *мюн*, который также является подношением духам, особенностью ритуального *мюн*, является отсутствие соли, считается, что соль может обжечь рот духа и такое подношение не будет принято.

Помимо мяса, также готовят молочные и злаковые подношения. Обязательным подношением, которым проводят окропление, огня, сторон света, жертвенников является молоко. Для ритуальных целей используется только свежее, еще никем не испробованное молоко. При этом важным является то, что в ритуалах *Дьяжыл бюр* духам преподносится молоко нового весенне-летнего сезона, по сути речь идет о семильной магии, когда подобное порождает подобное, так свежее, с хорошей жирностью молоко нового цикла на обряде должно способствовать хорошим урожаям на протяжении всего весенне-летнего сезона.

В качестве подношений также используются традиционные продукты, являющиеся производными из молока, как: кисломолочный сырчик – *курут*, пресный сыр – *быштак*, топленое масло – *сардью*, засушенные кисломолочные творожные массы – *аарчы*, *эдьигей*.

Из злаковых подношений, которые также готовятся без использования соли и сахара, это лепешки – *те-ертлек*, жареные пончики – *боорсок*, которые, в свою очередь, бывают разных форм, от круглых шариков, до сплетений, повторяющих плетение аркана и растительных узоров. Ритуальные лепешки и жареные пончики готовятся без соли и без использования ножа. Так отверстие в середине лепешки, необходимое для того, чтобы она равномерно прожарилась, проделывают пальцами. В противном случае такая лепешка не будет «живой». Также в качестве подношения используются жареные и измельченные в зернотерке зерна ячменя – *талкан*. Злаковые блюда также должны быть свежими, не засохшими, поэтому обычно их готовят за день до обряда [1, с. 195–196].

Категорически запрещено в ритуальный набор брать алкогольную продукцию, исключение делается для традиционного алтайского молочного самогона *сют аракы*, крепость которого в среднем 3–4°, самогоном *алкышчы* производит кропление духам.

Относительно процесса совершения ритуального подношения пищи мы только обозначим, что процедура подношения условно делится на две части, первая, когда подношения делает ведущий обряда, главное ответственное лицо начинающий весь комплекс ритуалов, и вторая, когда свои подношения делают все остальные участники моления.

Ритуальная пища во время совершения обряда кладется в горящий костер на специальных каменных жертвенниках *тагыл*, которые представляют собой прямоугольные или круглые каменные сооружения в высоту от 50 см до 1 метра. Весь обряд занимает около 3–4 часов и заканчивается коллективной трапезой участников.

Обобщая контуры темы ритуальной пищи в современной алтайской культуре, нужно отметить что, не смотря на рост культуры массового потребления, относительной доступности продуктов пищевой промышленности, в обрядовой жизни коренные жители Горного Алтая придерживаются строгих канонов традиционной пищи, как и способов его приготовления. Так пищевой набор для подношений включает мясные, молочные и

злаковые продукты. Хорошая сохранность ритуальной пищи отчасти объясняется потребностью людей заручиться поддержкой сверхъестественных сил в сохранности и росте плодородия домашних животных, полей, здоровья человека. Также с конца XX в., ростом процессов возрождения культуры и традиций, традиционная пища вообще, как и ее ритуальная часть, стали выражением этнической идентичности носителей культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Коллективная монография / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова»; Редколлегия: Екеев Н.В. (отв. ред.), Кузьмина Е.Н. (науч. ред.), Конунов А.А., Тадышева Н. О. – Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», 2019. – 704 с.
2. Цыбульский В.В. Календари и хронология стран мира. – М.: Изд-во «Просвещение», 1982. – 128 с.
3. Ямаева Е.Е. Астральная мифология и традиционный календарь алтайцев. – Горно-Алтайск, 2004. – 56 с.

© Енчинов Эркин Валериевич (enchinov_e@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВАСНЕЦОВСКИЙ СЛЕД НА ИГРИНСКОЙ ЗЕМЛЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Щербакowa Елена Николаевна

Преподаватель, Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко
Sherbakova120559@mail.ru

VASNETSOV IGRINSKAYA MARK ON THE LAND: A SOCIO-CULTURAL ANALYSIS

E. Shcherbakova

Summary: The article examines how the history and culture of the small Motherland are preserved in the scale of one rural Igrinsky district of the Udmurt Republic in the conditions of multi-ethnicity of its population, distributed among small villages and villages. How to solve spiritual and moral problems of modern society through the implementation of projects: "Vasnetsovo multicolored" and "Vasnetsovo symbols of eternity", the essence of which is to promote the heritage of the talented Vasnetsov family, whose clergy served in Udmurtia. The result of the projects is shown—a spiritual ascent based on the symbols of art and Orthodox values.

Keywords: art, culture, heritage, Orthodox values, race, homeland, family, priest.

Аннотация: В статье рассматривается, как в масштабах одного сельского Игринского района Удмуртской республики (бывшая Вятская губерния) в условиях полиэтничности его населения, распределенного по небольшим деревням и селам, сохраняются история и культура малой родины. Как решаются духовно-нравственные проблемы современного общества через реализацию проектов: «Васнецовское разноцветье» и «Васнецовские символы вечности», суть которых – популяризация наследия талантливого рода Васнецовых, священнослужители из которого служили в Удмуртии. Показан итог проектов – духовный подъем на символах искусства и православных ценностях.

Ключевые слова: искусство, культура, наследие, православные ценности, род, малая родина, семья, священник.

Проследить историю рода Васнецовых, документально подтвержденную в клировых ведомостях, метрических книгах, исповедальных росписях, ставленных делах, ревизских сказках, памятных книжках и ежегодных календарях Вятской губернии, достоверно можно со второй половины XVII века. Корнем рода является Дмитрий Васнецов, бывший дьячком в деревянной Спасской церкви вятского села Ошети [1]. Все Васнецовы, начиная с Дмитрия Игнатьевича Васнецова, в подавляющем большинстве представители сельского духовенства Вятской губернии.

В десяти районах современной Кировской области есть места, связанные с деятельностью этого славного рода: г. Вятка, села: Кстинино, Кырчаны, Лопьял, Ошеть, Рябово, Талоключинное и др. В тридцати трех приходах Удмуртии трудились около пятидесяти священнослужителей из династии Васнецовых. Служили Васнецовы и на Игринской земле.

Игринский след Васнецовых – села Русская Лоза, Чумой, Зура, где начиналась и проходила деятельность Николая Федоровича Васнецова (1867-1941), священнослужителя и учителя, связанного узами родства в шестом поколении с известными художниками Виктором Михайловичем Васнецовым (1848-1926) и Аполлинарием Михайловичем Васнецовым (1856-1933) [3].

Васнецов Николай Федорович, священнослужитель,

родился 4 февраля 1867 года в селе Сезенево Слободского уезда, в семье священника Васнецова Федора Гавриловича (1822-1905). В 1887 году окончил Сарапульское уездное училище. Духовное служение начал учителем в селе Русская Лоза в 1894 году. В том же году определен псаломщиком к Чумойской церкви Сарапульского уезда. Николай Федорович сразу включается в обучение служительских и крестьянских детей, становится учителем организованной церковно-приходской школы. В 1905 году посвящен в сан дьякона с оставлением на том же месте. В 1907 году, согласно прошению, перемещен в село Зуру Глазовского уезда. Педагогическую ниву он и после перевода к Митрофановской церкви не оставил. С 1910 года допущен Уездным Отделением к преподаванию Закона Божьего в Зуринской церковно-приходской школе, а с 1913 года – в Квадровозском земском училище. Известно, что он понимал разговорную речь удмуртов и сам немного говорил на их языке.

Его отец, Федор Гаврилович Васнецов (1828-1901), из духовного сословия, родом из Вятского уезда Вятской губернии. После окончания Вятской духовной семинарии с аттестатом второго разряда около двадцати лет прослужил священником в Тихвинско-Богородицкой церкви села Паздеры Сарапульского уезда, имеет канонические и литургические награды (набедренник, скуфья) и многочисленные духовные поощрения. Именно с села Паздеры, откуда берет свое начало священнический путь на Удмуртской земле Ф.Г. Васнецова, начинается

изучение генеалогического древа Васнецовых на Игринской земле.

Мать, Александра Павловна (1830 г.р.), из духовной семьи, родом из Вятского уезда Вятской губернии, получила домашнее начальное образование. В разных документах встречается отчество разное: Павловна, Анисимовна, Петровна.

В их семье было пятеро детей: Илья (1895 г.р.), Михаил (1860 г.р.), Клавдия (1864 г.р.), Николай (1867-1941), Владимир (1871-1901). Все сыновья получили духовное образование в Сарапульском уездном училище, содержание которого ложилось на приходы: церковь обязана была делать денежное отчисление, следовательно, считать обучение бесплатным можно лишь относительно. А так как семья была многодетная, то и учить детей пришлось всех сразу. Поэтому Сарапульское уездное училище Николай Васнецов окончил только в 1887 году (к двадцати годам) и был направлен учителем в село Русская Лоза. Будучи учителем, он знакомится с Юлией Никаноровной Шкляевой, дочерью дьякона села Чутыря. Выбор священнического служения Николай Федорович делает осознанный, поскольку он женится одновременно с определением его псаломщиком в село Чумой.

В семье Васнецовых Николая Федоровича и Юлии Никаноровны родилось шестеро детей: Василий (1895-1915), Агния (1896-1899), Мария (1899-1983), Серафима (1901-1902), Людмила (1903 г.р.), Капитолина (1905 г.р.). Родители прикладывали все усилия к тому, чтобы дети получили образование.

Сын, Василий, получив начальное образование в Чумойской церковно-приходской школе, обучался в Сарапульском духовном училище на подготовительном отделении, в Глазовском духовном училище, Базинском двухклассном училище, Сосновской двухклассной учительской школе. Затем состоял церковником при церкви Трудолюбия в г. Вятке. Когда началась Первая мировая война, Василий был призван в ряды действующей армии, а 16/23 сентября 1917 года погиб. Похоронен в церковной ограде Митрофановской церкви села Зуры.

Дочь, Мария, в 1916 году окончила Вятское епархиальное женское училище. В 1921 году венчалась с Кузнецовым Алексеем Васильевичем (1898-1949), начальником почты, воспитала троих сыновей: Николая (1922-2008), Виктора (1925-1991), Василия (1927-2007). Посвятила всю жизнь учительскому труду. Имеет правительственные награды: орден Ленина, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», ветеран саракташской средней школы. Похоронена на краснодарском военном почетном кладбище.

Младшая дочь, Людмила, в 1915 году поступила в

Вятское епархиальное училище. В 1916 году закончила первый класс первого отделения, но окончить училище из-за его упразднения ей не удалось.

Не посчастливилось учиться в этом училище и самой младшей дочери, Капитолине.

О том, как сложились судьбы Людмилы и Капитолины неизвестно.

В селе Чумое семья Васнецовых Николая Федоровича и Юлии Никаноровны прожила тринадцать лет, с июля 1894 года по май 1907 года. Жили в новом доме, построенном на церковной земле.

За период тринадцатилетней жизни в селе Чумое псаломщику Николаю Федоровичу Васнецову пришлось служить со многими священниками. Послужные характеристики всех священников безупречны. На их счету многочисленные проповеди собственного сочинения. Все исполняли должности заведующих и законоучителей Чумойской церковно-приходской школы, имеют первые награды, благодарности. Практически одного возраста, все семейные, с пониманием вятского языка и знанием фраз разговорного языка. Ревностные сторонники образования и просвещения, развития культуры в своем приходе. Отсутствие дел по различного рода спорам, ссорам, недоразумениям, оскорблениям и проступкам свидетельствует о благоприятном психологическом климате в приходе между членами причта и причта с прихожанами.

Обживаясь в селе Чумое, обучая детей, выполняя обязанности псаломщика, а затем дьякона, деля все тяготы жизни с прихожанами, тесно общаясь с меняющимися друг друга священниками, помогая последним быстрее адаптироваться к новым условиям, к новому месту, Николай Федорович приобретал авторитет среди прихожан, их доверие и поддержку. Люди, обретая веру, тянулись в церковь. Церковь становилась центром жизни прихода. Росло материальное благосостояние церкви и причта.

В жизни семьи Васнецовых были свои радости, но была и боль горьких утрат: смерть отца Юлии Никаноровны, смерть отца Николая Федоровича. Гораздо более тяжелой утратой стала смерть дочерей: Агнии и Серафимы.

Таким образом, начало нового столетия для семьи, с одной стороны, складывалось благополучно: посвящение отца, Николая Федоровича, в сан дьякона, относительное материальное благополучие, уважение прихожан, стабильность жизни; с другой – цепь трагических событий.

В мае 1907 года Николай Федорович Васнецов пода-

ет прошение о переводе в село Зуру. 22 мая 1907 года, согласно прошению, Николай Федорович перемещен к Митрофановской церкви села Зуры. Семья Васнецовых поселилась в церковном доме, построенном для причта на церковной земле. Недвижимого имущества у семьи по-прежнему не было. Хотя и материальный доход семьи вырос, но объем работ возрос.

Педагогическую ниву он и после перевода к Митрофановской церкви не оставил. Сначала преподавал Закон Божий в Зуриной церковно-приходской школе, а затем и в Квадровозском земском училище.

Семья Васнецовых проживала в Зуре до июля 1927 года.

На сегодняшний день неизвестно, как сложилась дальнейшая судьба Васнецовых Николая Федоровича и Юлии Никаноровны.

В истории Игринского района есть еще след Васнецовых:

Алексей Алексеевич Васнецов – с 1906 по 1912 гг. работал начальником Зуриного почтового отделения. Чина не имел, но свой след в истории развития почтового дела на Игринской земле оставил. Тоже выходец из священнической династии Васнецовых.

Псаломщик Михаил Иванович Васнецов – с 1889 по 1892 гг. служил в селе Зуру, умер 25 сентября 1898 года.

Вышедший из народа, не потерявший связи с народом представитель династии Васнецовых, Николай Федорович Васнецов, вступил на путь священничества по призванию, по велению души. Он заботился о посильном христианском просвещении, грамотности людей, оказывал врачебную помощь советом и делом, знакомил крестьян с усовершенствованными способами ведения сельского хозяйства, по пчеловодству, огородничеству, садоводству, земледелию.

Николай Федорович не имел глубокого богословского образования, его священнический путь был тернистым, основанным на его исключительном трудолюбии и усердии, стремлении к знаниям. И своих, и крестьянских детей наставлял к получению образования либо в богословских, либо в светских учебных заведениях. Николай Федорович не лишен был певческого дарования [3].

Как и все представители священнической династии Васнецовых Николай Федорович делил с народом все тяготы жизни. И даже в годы революционной стихии, начавшейся братоубийственной войны, когда падала религиозность, нравственность, когда замечалось охлаждение к Вере, когда материальное существование

духовенства становилось все ничтожнее, он прикладывал все свои усилия к тому, чтобы не допустить невнятного, невыразительного чтения, чтобы с великим терпением выстоять церковную службу и поддержать в себе и в прихожанах молитвенное настроение, что не может не вызывать нашей благодарной памяти о нем и о роде. И сейчас, когда в обществе возникает опасность утраты духовных идеалов, мы обращаемся к духовному завещанию, оставленному талантливым родом Васнецовых.

Род Васнецовых оставил духовное завещание потомкам через культурное наследие, ставшее символом национальной идентификации. Сегодня интерес к классическому наследию угас. Массовая культура заполнила все пространство. Настоящее искусство, как говорят профессионалы, становится делом дилетантов. В условиях подмены истинных ценностей на «глянец» ослаб и духовный стержень у населения Игринского района. К тому же территория Удмуртии особо пострадала в годы гонений на Церковь. Как следствие – многоликий сельский кризис. В «древе» проблем – инвалидизация населения, которая создает нагрузку на органы соцзащиты, гражданский ресурс поддержки инвалидов ослаб. Другая проблема: истощается культурный пласт, таланты и способности не востребованы. Более перспективная молодежь уезжает, не видя применения способностям. Все меньше детей занимается творчеством, да и мастера становятся редкостью, скоро некому будет передавать опыт. Главная причина этих проблем – принятие ценностей «общества потребления», утрата родовой памяти, «зазор» между поколениями [6].

В целях решения данных проблем в районе были реализованы проекты, суть которых – популяризация наследия рода Васнецовых, священнослужители из которого служили в Удмуртии. Эпицентром проектов стало село Чумой, где на десятилетие обрел родину священнослужитель Н. Ф. Васнецов.

Так, к 340-му юбилею села Чумой, который отмечался в июне 2018 года, был реализован проект «Васнецовское разноцветье», посвященный восстановлению родника в селе, сохранению старинных Васнецовских лип, растущих в бывшей усадьбе священников, посадке новой липовой аллеи, созданию местного памятника природы.

В год же празднования ста семидесятилетия великого русского художника Виктора Михайловича Васнецова (1848-1926) был реализован проект «Васнецовские символы вечности», получивший грант международного конкурса «Православная инициатива – 2017-2018» по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Цель проекта – популяризация наследия талантливого рода Васнецовых, представители которого служили

в храмах Удмуртии, была достигнута через несколько проектных линий. Первая линия – реабилитация детей и взрослых с ограниченными возможностями здоровья средствами культуры и искусства. Вторая – развитие творческих способностей учащихся общеобразовательных школ и школ искусств, их преподавателей, мастеров декоративно-прикладного искусства путем вовлечения в круг мероприятий Васнецовской тематики. Третья линия – благоустройство природных уголков в поселке Игре и селе Чумое.

Были проведены арт-терапевтические занятия для людей с ограниченными возможностями.

Комплексы традиционных форм работы дополняли инновационные. Например, конференция «на колесах» под названием «Не зарастет тропинка к храму». Мероприятие было организовано в форме «духовных кругов», которые прошли в селах, где Н.Ф. Васнецов служил псаломщиком и дьяконом в православных храмах: Свяителя Митрофана Воронежского села Зуры, Богоявления

Господня села Чумоя и Иоанна Предтечи села Русская Лоза. Участники конференции «на колесах» совершили экскурсии в храмы, познакомились с их историей, приобщились к православной культуре, почувствовали гостеприимство местных жителей.

Были использованы и другие, не менее интересные, инновационные формы: инклюзивная арт-терапия, театр-антреприза, создание арт-объектов, арт-зон, пленэр. Итог – духовный подъем на символах искусства и православных ценностях.

Таким образом, главный результат реализованных в районе проектов – воодушевление местных жителей теми вековыми ценностями, которые, оказывается, находятся рядом и в повседневности будней не всегда оценимы. Произошло духовное прозрение, просветление сознания жителей Игринского района. И это серьезный результат проектов «Васнецовское разноцветье» и «Васнецовские символы вечности», повлиявших на формирование национальной идентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. [Электронный ресурс]. URL: vasnetsov.foundation (дата обращения 12.03.2020).
2. Васнецовы. Предки и потомки – переплетение судеб: сб. / МБВК «Игоинская ЦБС», Игринская центральная районная библиотека им. Кедр Митрея; сост. Н.В. Дубовцева; техн. ред. А.В. Хохрякова. – Игра, 2017. – 52 с. : фот.
3. Васнецовы и Шкляевы на Игринской земле / МБУК «Игринская централизованная библиотечная система»; составитель Е.З. Абрамович; компьютерная верстка Н.В. Дубовцева; обложка, технический редактор А.В. Хохрякова. – Игра, поселок (Удмуртская Республика): Игринская центральная районная библиотека, 2020. – стр. : фот. ; 21 см.
4. Гордеюк В.Г., Скопкарева С.Л. Васнецовы на Игринской земле: научное издание. Ижевск, 2018.
5. Дубовцева Н.В. Чумой украсили Кедрами. // Светлый путь. 2018. № 41 (9771).
6. Иднакар: методы историко-культурной реконструкции [Текст]: научно-практ. журн.: Васнецовский альманах / МБУК «Игринская ЦБС». – 2018. - № 2 (37). – 162 с.: ил.

© Щербакоева Елена Николаевна (Sherbakova120559@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ МОНЕТАРНОГО ПОВЕДЕНИЯ И КОМПОНЕНТОВ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ МОЛОДЕЖИ¹

FEATURES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN MONETARY BEHAVIOR AND COMPONENTS OF YOUTH RESILIENCE

*N. Kozlova
A. Larionova
V. Obukhovskaya*

Summary: The subject of the study is the features of monetary behavior of young people (avoiding money, money as a status, money worship, vigilance about money) in relation to the components of resilience (involvement, control, acceptance/readiness for risk, the General indicator of resilience). The study of the relationship between monetary behavior and the resilience of young people is an urgent problem that reflects the ability to cope with life circumstances, the desire to overcome difficulties in the financial sphere. As a result of the study, it was found that young people who are characterized by an attitude to money as a status, are more prone to stressful situations and a critical attitude to monetary interactions. Young people who treat money as a savings resource are more prudent and cautious in financial matters. Comparative analysis revealed that the inconsistency in monetary behavior—the desire to accumulate money and risky behavior in relation to money—is more characteristic of the female part of the sample.

Keywords: monetary behavior, hardiness, monetary attitudes, attitudes of the monetary behavior, risk-readiness, money, young people.

Козлова Наталья Викторовна

*Д.псих.н., профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск
akme_2003@mail.ru*

Ларионова Анастасия Вячеславовна

*К.псих.н., доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»; г. Томск
vktusur@mail.ru*

Обуховская Виктория Борисовна

*К.псих.н., старший преподаватель, «Национальный исследовательский Томский государственный университет»; «Сибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Томск
diada1991@gmail.com*

Аннотация: Предметом исследования являются особенности монетарного поведения молодежи (избегание денег, деньги как статус, поклонение деньгам, бдительность относительно денег) во взаимосвязи с компонентами жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие/готовность к риску, общий показатель жизнестойкости). Изучение особенностей взаимосвязи монетарного поведения и жизнестойкости молодежи является актуальной проблемой, которая отражает способность справляться с жизненными обстоятельствами, стремление к преодолению трудностей в финансовой сфере. В результате исследования было выявлено, что молодым людям, для которых характерно отношение к деньгам как к статусу, в большей мере свойственна подверженность стрессовым ситуациям и критическое отношение к денежным взаимодействиям. Молодые люди, которые относятся к деньгам как накопительному ресурсу, более предусмотрительны и осторожны в финансовых вопросах. Сравнительный анализ позволил обнаружить, что противоречивость в монетарном поведении – стремление к накоплению денег и рисковое поведение в отношении денег – больше свойственна женской части выборки.

Ключевые слова: монетарное поведение, жизнестойкость, монетарные attitudes, деньги, готовность к риску, молодежь.

Современная молодежь является наиболее креативной и динамичной частью современного общества. Её отношение к деньгам является фактором, влияющим на конкурентоспособность и динамичность как экономической, так и социальной сферы. Развитие заинтересованности молодежи в достижении максимально возможного дохода, умения критически анализировать свои сильные и слабые стороны, возможности

и ограничения, используя современные инструменты экономики, формирование эффективного монетарного поведения в целом является важной задачей региона и страны [5].

На сегодняшний день изучение монетарного (денежного) поведения представляет собой развивающуюся и востребованную в теоретическом и практическом плане

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-413-700003 p_a

отрасль психологии, экономики и социологии [15]. Интерес к данной тематике связан с переходом к смешанной экономике, несоответствием между материальными возможностями, ментальными особенностями и содержанием современной экономической жизни, невысоком уровне финансовой грамотности и т.д. [2]. Системообразующим фактором монетарного поведения человека является его отношение к деньгам [9], обусловленное его установками, позицией по отношению к деньгам, то есть денежными установками как личностными переменными людей, их психологическими особенностями. А.А. Письменова в своих исследованиях рассматривает монетарное поведение как «конативный компонент ценностно-смысловых отношений личности к деньгам, которое проявляется в совокупности действий с деньгами или потенциальной готовности к этим действиям» [12]. Монетарное поведение является структурной составляющей экономического поведения, которое рассматривается как специфический компонент отношений человека к деньгам [7, 12, 13], характеризующийся индивидуальным, субъективно-оценочным, избирательным подходом к обращению с деньгами, экономической идентичностью и экономическим сознанием.

Психологические факторы монетарного поведения указывают на различные адаптационные возможности человека и предусматривают воздействие на личностные переменные человека. В социально-психологическом исследовании С.Т. Джанерьян, А.А. Письменова рассматривали монетарное поведение во взаимосвязи с такими особенностями личности, как система ценностей, самосознание и волевые качества. Было установлено, что монетарное поведение связано с решительностью, самостоятельностью, ответственностью, целеустремленностью и самооценкой [6]. Результаты исследования взаимосвязи монетарного поведения и личностных особенностей способствовали пониманию детерминантов экономического благополучия личности и типологий отношения к деньгам, а изучение монетарного поведения во взаимосвязи с жизнестойкостью человека с учетом склонности и готовности к риску в условиях неопределенности позволит прояснить особенности поведения человека в трудных жизненных ситуациях (например, экономический кризис, социальные катаклизмы и т.п.). С.А. Богомаз и Д.Ю. Баланев отмечают, что в стрессовых ситуациях жизнестойкость напрямую влияет на успешность человека в разных сферах деятельности, его стратегии справляться с возникшими трудностями, а уровень развития компонентов жизнестойкости характеризует способность человека сохранять внутреннюю сбалансированность, не снижая успешность своей деятельности, находить и использовать новые возможности, обеспечивающие его продвижение к намеченным целям [3].

Жизнестойкость рассматривается в контексте таких психологических категорий как психическое здо-

ровье, стрессоустойчивость, эмоциональная стабильность, совладание, копинг-стратегии, адаптивность. В зарубежных исследованиях проблема жизнестойкости изучается, в основном, в условиях риска нарушения безопасности, который является значимым фактором, влияющим на психическое здоровье человека, пребывающего в небезопасных условиях. С. Мадди жизнестойкость (hardiness) определяет как внутренний ресурс, который препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях, а также способствует совладанию со стрессом, позволяя превращать стрессовые ситуации в новые возможности личностного развития [17, 18]. В эту структуру входят установки включенности (участие в социальном взаимодействии, постоянный контакт с окружающими, что задает позиция сотрудничества), контроля (стремление влиять на жизненные события в противовес ощущению беспомощности, что задает ценность надежности) и вызова (принятие жизненного риска в противовес безопасности и снижение напряжения, что порождает ценность творчества) [18]. Жизнестойкость, как базовая характеристика, позволяет опосредовать негативные стрессовые факторы посредством убеждений личности о возможности совладания с жизненными обстоятельствами, способности преодолеть трудности, которые рассматриваются как условие развития личностного потенциала [4, 10]. Анализ исследований, посвященных монетарному поведению и компонентам жизнестойкости, показал, что проблема выявления особенностей монетарного поведения и жизнестойкости молодежи требует совмещения подходов, разрабатываемых в социально-психологических науках, что обусловлено современной научной тенденцией к образованию новых, основанных на синтезе научных трендов с ранее сформировавшимися подходами.

В основу исследования, результаты которого представлены в данной статье, легло предположение, что для молодежи с выраженными компонентами жизнестойкости свойственны более эффективные стратегии монетарного поведения. Цель исследования - выявление особенностей монетарного поведения молодежи во взаимосвязи с компонентами жизнестойкости.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняло участие 235 человек, возраст респондентов – от 17 до 35 лет (средний возраст $26,5 \pm 5$ лет). Из них 146 человек – женского пола, 88 – мужского, 1 - не указал свой пол. Высшее образование имеют 148 респондентов, неоконченное высшее – 35, среднее специальное – 19, среднее – 17, не указали уровень образования – 16.

Для выявления особенностей монетарного поведения и компонентов жизнестойкости использовались следующие методики:

1. Опросник «Шкала монетарных аттитюдов» Б. Клонц и Т. Клонц (2011) [17] в адаптации Д.А. Баязитовой и Т.А. Лапшовой (2017) [1], предназначенный для изучения денежных установок личности. Методика включает в себя 4 шкалы: 7 Избегание денег (money avoidance), Деньги как статус (money status), Поклонение деньгам (money worship), Бдительность относительно денег (money vigilance).
2. Опросник «Тест жизнестойкости» С. Мадди (1994) [18] в адаптации Осина Е.Н., Рассказовой Е.И. (2013) [12]. Методика содержит 4 шкалы: Вовлеченность, Контроль, Принятие риска и Общий показатель жизнестойкости.
3. «Диагностика уровня личностной готовности к риску» («PSK» А.М. Шуберта, 1999) [19] в адаптации Ильина Е.П. (2012) [8], позволяющая оценить степень готовности к риску. Степень готовности оценивается по пятибалльной шкале (от полного согласия до полного несогласия).
4. «Шкала поиска ощущений» М. Цуккермана (1964) [15], направленная на исследование личностных факторов, лежащих в основе склонности к риску. Методика состоит из одной шкалы и предназначена для изучения жажды острых ощущений в качестве характеристики, лежащей в основе склонности к риску.

Математико-статистическая обработка данных производилась с помощью программного пакета Statistica 10. Для достижения цели исследования использовались статистические методы: методы описательной статистики, коэффициент ранговой корреляции Спирмена и критерий значимости Манна-Уитни.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе осуществлялась оценка степени

выраженности монетарного поведения – показателей денежных установок, склонности к риску, готовности к риску, и жизнестойкости с помощью методов описательной статистики по 10 показателям (таблица 1).

Результаты описательной статистики и анализ средних, представленные в таблице 1, указывают, что показатели соответствуют нормативным значениям шкалам методик.

Нормативные значения по шкалам «Избегание денег» (M=2,16), «Деньги как статус» (M=2,43), «Поклонение деньгам» (M=3,46), «Бдительность относительно денег» (M=3,44), свидетельствуют о том, что респонденты демонстрируют критическое отношение к денежным взаимодействиям и финансовым институтам, неготовность к чрезмерным тратам и рисковому вложению средств, отсутствие склонности к расстройствам в сфере финансового поведения. Молодые люди не склонны разделять людей исходя из их экономического статуса и осторожны в манипуляциях собственными накоплениями.

Выявлены нормативные показатели по шкале «Вовлеченность» (M=19,05), «Контроль» (M=13,96) и «Принятие риска» (M=10,41), то есть для молодых людей характерна заинтересованность в выполняемой деятельности, получение определенного удовольствия от неё и ощущение возможности влияния на результат даже в случае отсутствия гарантий успеха, неудачи же воспринимаются как возможность развития через приобретение нового опыта. Совокупность данных компонентов (M=43,44) позволяет молодежи сохранять оптимальный уровень работоспособности в стрессогенных условиях.

Наблюдается умеренная готовность к риску, особенно в пределах неопределенности и ситуаций, требующих нарушения норм или правил (для шкалы «Личностная готовность к риску» M=-2,36). Респонденты проявляют

Таблица 1.

Описательная статистика показателей монетарного поведения и компонентов жизнестойкости

Показатели методик	Количество	Среднее	Ст. отклонение	Минимум	Максимум
«Избегание денег»	234	2,16	0,7	1	4,5
«Деньги как статус»	234	2,43	0,76	1	4,57
«Поклонение деньгам»	233	3,46	0,91	1,17	6
«Обеспокоенность деньгами»	233	3,44	0,92	1	5,67
«Личностная готовность к риску»	235	-2,36	15,75	-41	40
«Поиск ощущений»	234	8,03	3,2	0	15
«Общий показатель жизнестойкости»	235	43,44	13,67	0	69
«Вовлеченность»	235	19,05	6,46	0	30
«Контроль»	235	13,98	4,69	0	24
«Принятие риска»	235	10,41	3,65	0	20

Таблица 2.

Корреляционный анализ между показателями методики «Шкала монетарных аттитюдов», «Тест жизнестойкости», «Диагностика уровня личностной готовности к риску», «Шкала поиска ощущений»

Показатели методик	Шкала деньги как статус	Шкала обеспокоенность деньгами	Диагностика уровня личностной готовности к риску
«Общий показатель жизнестойкости»	-0,26*	-0,11	0,13
«Вовлеченность»	-0,22*	-0,06	0,1
«Контроль»	-0,28*	-0,13	0,19
«Принятие риска»	-0,24*	-0,15	0,15
«Личностная готовность к риску»	-0,06	-0,29*	1
«Поиск ощущений»	-0,08	-0,28*	0,48*

* в таблице представлены значения с уровнем значимости $p < 0,01$, $N=235$

как наличие готовности к реализации рискованного поведения, так и чрезмерную тревожность, осторожность. Это подтверждается результатами исследования по шкале «Поиска ощущений» ($M=8,03$), что свидетельствует об открытости респондентов новому опыту, при этом рассудительности и умении контролировать собственные потребности.

На следующем этапе анализа данных был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена (r -Спирмена, r_s) с целью выявления взаимосвязей между шкалами методики «Шкала монетарных аттитюдов» и компонентами жизнестойкости молодежи (табл. 2).

Результаты, представленные в таблице 2, демонстрируют взаимосвязь между показателями «Шкала деньги как статус» со шкалами «Общий показатель жизнестойкости» ($r_s=-0,26$), «Вовлеченность» ($r_s=-0,22$), «Контроль» ($r_s=-0,28$), «Принятие риска» ($r_s=-0,24$). Полученные взаимосвязи свидетельствуют о том, что отношение к деньгам как к социально-экономическому статусу, показателю положения человека в обществе взаимосвязано с внутренним напряжением в стрессовых ситуациях, с ощущением себя не вовлеченным в жизненные события, с чувством беспомощности, с потребностью в надежных гарантиях успеха в деятельности, то есть для молодежи финансовый статус и наличие материального благополучия необходимо для ощущения уверенности и безопасности.

Обратная взаимосвязь между показателями «Шкала обеспокоенность деньгами» со шкалами «Диагностика уровня личностной готовности к риску» ($r_s=-0,29$) и «Шкала поиска ощущений» ($r_s=-0,28$) свидетельствует о том, что молодежь демонстрирует финансовое поведение, для которого характерно накопительство, взаимосвязано с предусмотрительностью и осторожностью. Молодые люди, которые убеждены, что все проблемы можно решить с помощью денег, предпочитают стабильность и упорядоченность в жизнедеятельности.

В результате корреляционного анализа была обнаружена прямая взаимосвязь между показателями «Диагностика уровня личностной готовности к риску» и шкалой «Поиск ощущений» ($r_s=0,48$). Полученные данные свидетельствуют о том, что склонность к риску взаимосвязана с потребностью в новых впечатлениях, часто экстремального характера. Подобная склонность свойственна для молодых людей в силу их возрастных особенностей.

Следующим этапом анализа данных являлся сравнительный анализ монетарного поведения молодежи в зависимости от пола, возраста и уровня образования при помощи U -критерия Манна-Уитни. В таблице 3 представлены полученные достоверные различия.

В результате сравнительного анализа были получены достоверные различия только в зависимости от пола. Отсутствие различий в зависимости от возраста и уровня образования может свидетельствовать о необходимости и расширения выборки исследования

Таблица 3.

Сравнительный анализ показателей монетарного поведения и склонности к риску в мужской и женской выборке

Показатели	Rank Sum - М	Rank Sum - Ж	U	Z	p-level	Valid N - М	Valid N - Ж
«Обеспокоенность деньгами»	9024	18004	5196	-2,25	0,02	87	145
«Личностная готовность к риску»	12639	14856	4125	4,580	0,00	88	146

для окончательных выводов. Как видно из таблицы 3, в женской выборке молодежи показатели по шкалам «Обеспокоенность деньгами» и «Личностная готовность к риску» выше по сравнению с мужской. Это указывает на то, что финансовое поведение девушек, с одной стороны, характеризуется стремлением к накопительству денег, а с другой, сопровождается риском, который может проявляться в различных аспектах, например, риск ради финансового успеха или чрезмерная трата денег. Такой результат может быть обусловлен особенностями культурных представлений о гендерных ролях мужчин и женщин в обществе, например, как представление об обязанности мужчины зарабатывать и обеспечивать семью, которое может детерминировать более осторожное и рациональное отношение с деньгами.

Выводы

Монетарное поведение человека является междисциплинарной проблемой, которая требует интеграции различных направлений науки – психологии, экономики и социологии. Изучение монетарного поведения молодежи с психологической точки зрения позволяет прояснить особенности отношения молодежи к деньгам, выявить паттерны монетарного поведения, изучить стратегии и способы оптимизации денежных установок, направленных на снижение рискованного финансового поведения молодежи, выявить адаптационные механизмы человека в условиях экономической нестабильности. Изучение особенностей взаимосвязи монетарного поведения и жизнестойкости молодежи является актуальной проблемой, которая отражает способность справляться с жизненными обстоятельствами, стремление к преодолению трудностей в финансовой сфере.

По результатам диагностики монетарных установок, жизнестойкости, уровня личностной готовности к риску и поиска ощущений были количественно и качественно про-

анализированы особенности монетарного поведения молодежи во взаимосвязи с компонентами жизнестойкости:

1. Большая часть респондентов демонстрирует критическое отношение к денежным взаимодействиям и финансовым институтам, неготовность к чрезмерным тратам и рисковым вложениям, отсутствие разделения людей по экономическому статусу. Для молодых людей характерна заинтересованность в выполняемой деятельности, удовольствие от неё и ощущение возможности влияния на результат.
2. Молодым людям, для которых характерно отношение к деньгам как к статусу, в большей мере свойственна подверженность стрессовым ситуациям, вызванным отсутствием безопасности и гарантий успеха в какой-либо деятельности, связанной с финансовыми рисками.
3. Молодым людям, которые относятся к деньгам как накопительному ресурсу, свойственны предусмотрительность и осторожность в вопросах обращения с деньгами.
4. Сравнительный анализ мужской и женской выборки молодежи позволил выявить, что для женской выборки, чем для мужской выборки, больше свойственна противоречивость в монетарном поведении. Для девушек характерно как стремление к сохранению и накоплению денег, так и рисковое поведение в отношении денег (чрезмерные траты, спонтанные инвестиции и т.д.).

Дальнейшее изучение различных особенностей монетарного поведения молодежи позволит выявить уровень финансовой культуры в современном обществе и впоследствии разработать рекомендации по формированию эффективного монетарного поведения молодежи, направленные на повышение их финансового благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баязитова Д.А., Лапшова Т.А. Адаптация опросника монетарных установок Б. и Т. Клонц на русскоязычной выборке // Петербургский психологический журнал. – 2017. – №19. – С. 112-132.
2. Белехова Г.В., Гордиевская А.Н. Финансовое поведение населения: демографические особенности // Проблемы развития территорий. – 2018. – Вып. 1 (93). – С. 133-150.
3. Богомаз С.А., Баланев Д.Ю. Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сибирский психологический журнал. – 2009. – №32. – С. 23-28.
4. Будакова А.В., Сметанова Ю.В., Богомаз С.А. Психологическая безопасность как условие развития личностного потенциала // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 338. – С. 156–159.
5. Данченко Е.А., Шлыкова И.А. Проблемы и перспективы повышения финансовой грамотности молодежи // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16. – № 6. – С. 1041-1051.
6. Джанерьян С.Т., Письменова А.А. Особенности монетарного поведения студентов-психологов в связи с их экономическим статусом // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2008. – №1. – С. 83-87.
7. Евдокимова А.С. Психолого-экономические аспекты отношения к деньгам студенческой молодежи (на примере обучающихся Забайкальского края) //

- Психология и Психотехника. – 2019. – № 4. – С. 57 - 65.
8. Ильин Е.П. Психология риска / Е.П. Ильин. – СПб: Питер, 2012. – 267 с.
 9. Маленко В. И. Статистическое исследование финансового поведения молодежи в контексте отношения к деньгам // Финансовые исследования. – №3. – 2013. – С. 68-84.
 10. Одинцова М.А. Психология жизнестойкости : учебное пособие / М.А. Одинцова. – М. : ФЛИНТА ; Наука, 2015. – 296 с.
 11. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия №14. Психология. – 2013. – № 2. – С.147-165.
 12. Письменова А.А. Особенности монетарного поведения субъектов в связи с конфликтностью их ценностно-смысловых отношений к деньгам: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.01 / Письменова Анастасия Александровна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2011. – 315 с.
 13. Семенов М.Ю. Психосемантическое исследование понятия «деньги»: гендерный и возрастной аспекты // Омск. науч. вестн. Сер.: Общество. История. Современность. – 2009. – № 3 (78). – С. 124–127.
 14. Цукерман М. Шкала поиска ощущений // Альманах психологических тестов. М., 1995, С.187-189.
 15. Шабунова А.А. Экономическое поведение населения: теоретические аспекты : препринт / А.А. Шабунова, Г.В. Белехова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – 136 с.
 16. Klontz B., Britt S.L., Mentzer J., Klontz T. Money Belief and Financial Behaviors: Development of the Klontz Money Script Inventory // The Journal of Financial Therapy. – 2011. – Vol.2.– Is. 1.– P.22.
 17. Kobasa S.C., Maddi S.R., Zola M.A. Type A and Hardiness // Journal of Behavioral Medicine. – 1983. – Vol. 6, № 1. – P. 41–51.
 18. Maddi S. Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness // Encyclopedia of Mental Health. – San Diego (CA): Academic Press, 1998. – P. 323–335.
 19. Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and Mental Health //Journal of Personality Assessment. – 1994. – Vol.63.– N.2.– P.265-274.
 20. Schubert R., Brown M., Gysler M., Brachinger H.W. (1999) Financial Decision-Making: Are Women Really More Risk-Averse? // American Economic Review (Papers and Proceedings). – 1999. – Vol. 89 (2). – P. 381-385.

© Козлова Наталья Викторовна (akme_2003@mail.ru), Ларионова Анастасия Вячеславовна (vktusur@mail.ru),
Обуховская Виктория Борисовна (diada1991@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КЛИЕНТОВ, ПОДВЕРЖЕННЫХ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВИРТУАЛЬНОГО СЕКСА

PSYCHOTHERAPY COUNSELING FOR CLIENTS WHO ARE ADDICTED TO VIRTUAL SEX

M. Makarova

Summary: The article identifies the main directions of sexual behavior in modern society, which is necessary to present to a specialist in psychotherapeutic counseling. The analysis of prerequisites, types and features of virtual sex is carried out. The description of a potential Client and a typology of virtual sex adherents, as well as a description of psychotherapeutic directions suitable for the request for dependence on virtual sex are made.

Keywords: virtual sex, virtual sex addiction, sexual behavior, virtual relationships, psychosexual disorders.

Макарова Мария Владимировна

психолог-консультант, Телефон Доверия Кризисного центра «812», Санкт-Петербург
maria.makarova.mow@gmail.com

Аннотация: В статье обозначаются основные направления сексуального поведения в современном обществе, необходимого для представления специалисту по психотерапевтическому консультированию. Проведён анализ предпосылок, видов и особенностей виртуального секса. Составлено описание потенциального Клиента и типология приверженцев виртуального секса, а также описание психотерапевтических направлений, подходящих под запрос о зависимости от виртуального секса.

Ключевые слова: слова: виртуальный секс, зависимость от вирта, сексуальное поведение, виртуальные отношения, психосексуальные расстройства.

ВВЕДЕНИЕ

В силу исторических российских реалий, открыто заговорили о сексе и всевозможных около сексуальных тем не так давно. Сейчас с определенной точностью можно утверждать, что мы живем в эпоху нового сексуального поведения наших соотечественников. Многое пока не ясно, одна часть общества сильно продвинулась вперед, а другая часть остается адептами консервативного подхода к сексуальной жизни. Всё чаще в прессе возникают дискуссии на тему сексуального этикета: что приемлемо, а что нет? Что вызывает отторжение, а что можно принять? В этой связи, всё чаще на приём к психологу попадают люди, имеющие новые формы зависимости, так или иначе, связанные с темой секса, например, зависимость от виртуального секса.

Таким образом, целью статьи является подготовка и моделирование приёма Клиента, запрос которого касается проблематики зависимости от виртуального секса.

Основными задачами работы видятся следующие направления:

1. обозначение основных направлений сексуального поведения в современном обществе, необходимого для представления специалисту по психотерапевтическому консультированию; анализ предпосылок, видов и особенностей виртуального секса;
2. описание потенциального Клиента и типология приверженцев виртуального секса;

3. описание психотерапевтических направлений, подходящих под запрос о зависимости от виртуального секса;

В работе использовались исследования и материалы российских и западных психотерапевтов, сексологов, специалистов в указанной теме. Также для подготовки рабочего материала и осмысления теоретических знаний была проведена супервизорская встреча с известным российским сексологом, сексопатологом, психотерапевтом, к.м.н. Ю.П. Прокопенко.

Особенности сексуального поведения. Виртуальный секс

В первую очередь необходимо отметить, что сексуальное поведение исключительно индивидуально: от пансексуализма до полного отказа от секса. Как пишет профессор Кашенко Е.А., «истина, как всегда, посередине – в социокультурном подходе, в гармоничном единении между «верхом» и «низом», душой и плотью. А этот подход предполагает формирование сексуального (и не только) поведения посредством всего многообразия мер, средств, форм и способов, которые выработало человечество в ходе исторического развития.»[11]. Таким образом, жизнь без секса так же нормальна, как и жизнь с сексом. Разумеется, каждый индивид разрешает одну или несколько психосексуальных задач, которые отвечают его собственным целям (тем не менее, стоит перечислить все цели сексуальной активности человека: релаксация, прокреация, рекреация, познание, комму-

никация, самоутверждение, достижение внесексуального самоутверждения (получение статуса, брак по расчету), проведение ритуала, компенсация недостающих форм деятельности, созидание (искусство, культура).). Здесь также необходимо упомянуть о том, что каждому возрастному периоду необходим свой определенный секс [11]. При этом есть существенная разница в телесном, психологическом и социальном восприятии половой жизни у мужчин и женщин. В этой связи, напрашивается вывод о том, что тема регулярности половой жизни партнеров весьма дискуссионна и не подлежит среднестатистическому оцениванию. Здесь и далее мы будем отталкиваться именно от этой позиции – индивидуальных предпочтений, субъективных переживаний и ожиданий клиентов.

Тем не менее, рассуждая о формах полового удовлетворения, нельзя не сказать о людях с иной манерой сексуального поведения – сексуальных девиациях (Они могут получить сексуальное удовлетворение только совершенно определенными способами, которые основаны, например, на визуальном восприятии: эксгибиционизм, вуайеризм, нарциссизм, пигмалионизм.). Если речь идет о реально девиантном поведении, которое подлежит уголовной ответственности, то подход к таким пациентам иной (что лежит за рамками исследования). И подобные девиации не всегда имеют патологический характер: чаще встречаются какие-то отдельные проявления или их совокупность, которые не вредят. Когда встает вопрос что есть норма, а что болезнь, психотерапевты отталкиваются от переживаний конкретного человека, который испытывает палитру негативных эмоций из-за отсутствия секса, или от такого параметра как дисгармония непосредственно в паре. Наравне с психологической, нельзя полностью отметить физиологическую составляющую сексуальной жизни. Существуют удивительные кейсы, когда половое влечение снижается только с конкретным партнером (селективные расстройств), или, допустим, на сессии выясняется, что для конкретной женщины оргазм, как таковой, не представляет интереса – ей приятен и важен сам процесс [5].

Желание реализовать свой сексуальный потенциал (при гиперэротизме (гиперэротизм – аномально повышенное половое влечение у женщин (нимфомания) и мужчин (сатириаз)) любыми доступными формами полового общения, особенно в условиях сегодняшней технической возможности, рано или поздно могут привести любого человека к виртуальному сексу. Также некоторые используют новые экзотические способы, чтобы вылечить свою фригидность (у женщин), или с целью нащупать новые экстремальные сексуальные стимулы для затухающего полового влечения (мужчины). Здесь и далее с точки зрения классификации полового влечения мы будем говорить об экстрагенитальной форме [2].

В соответствии с общепринятым представлением «Виртуальный секс (также вирт) — процесс, во время которого два или более человека взаимодействуют в виртуальном пространстве, при помощи какого-либо коммуникационного оборудования (телефон, программа мгновенного обмена текстовыми сообщениями, видеосвязь), с целью сексуального удовлетворения друг друга при помощи отправления соответствующих стимулирующих сообщений, как текстовых, так и мультимедиа. Для частных разновидностей существуют свои названия: секс по телефону, киберсекс, эротический видеочат и пр.» [3]. Для уточнения специфической терминологии необходимо выделить «Сетевой секс», как экстрагенитальный род некой суррогатной половой активности, синоним «вирта», и предполагающий наличие компьютерных технологий и Интернета.

Для виртуального (суррогатного) мира интимных отношений следует выделить некоторые особенности. Например, «секс по телефону», который практически полностью изжил себя, передал свои особенности общению сетевому сексу: вульгарная и стилистически сниженная лексика виртуального общения, а также желание мужчин сначала пожаловаться на жизнь, познакомиться ближе и перевести всё в реальную плоскость. Особенностью веб-пространства является возможность описательного характера секса онлайн между реально существующими партнерами. Времени между написание сообщения, его прочтением и ответом хватает на возбуждение. Со стороны такая переписка покажется недостаточно интересной, но в процессе партнеры получают всё, что нужно: возможность представлять и фантазировать, позволять себе то, что невозможно представить в реальной жизни. Помимо этого, это безопасно, доступно, экономично, анонимно, есть возможность самостоятельного выбора или отказа от чего-то неподходящего. Здесь создаются роли: обычная домохозяйка представляется секс-бомбой, мужчина может стать женщиной, женатый – холостяком. Это невероятное поле для удовлетворения любых впечатляющих фантазий.

Статистика этому подтверждение: огромное количество кликов по ключевым запросам: вирт, секс, знакомства, флирт и т.д. Огромное количество сайтов, форумов, чатов по пристрастиям: игры, соблазнения, развратные девчонки, некто.ми, мэйл.ру и многие другие. Контекстная всплывающая реклама – предложений на рынке очень много.

От увлечения виртуальным сексом появляется масса негативных последствий: усугубление собственных комплексов личностного общения, формирование и поощрение сексуальной пассивности, деградация или зависимость от определенных сексуальных стимулов и эротических раздражителей [6]. К этому стоит добавить самую важную проблему пристрастия – со временем интерес к реальному сексу и к реальному партнеру утрачи-

вается. Отсюда и начинаются межличностные и другие проблемы, с которыми потом обращаются за психотерапевтической помощью. В особо сложных случаях виртуальный секс может настолько сильно деформировать и разрушить психику, что человек в конечном итоге теряет всякую способность к сексуальной жизни и сосредоточен только на мире своих фантазий. Мастурбация, как результат занятий виртуальным сексом, в процессе самого ритуала (специфическая поза перед экраном с мышью и клавиатурой) приобретает иной смысл. Это суррогатное половое удовлетворение становится единственным способом вообще удовлетворить себя. Недостаточность эмоций (шизоидный тип), отстраненность, страх ожидания, сомнения приводят к психосексуальным отклонениям. В случаях навязчивого желания заниматься мастурбацией в этих условиях, затуханием половой активности, ощущением всепоглощаемой потребности, страха невозможности самостоятельно преодолеть недуг – требуется психотерапевтическая консультация.

Описание клиента

Эксперты и специалисты по-разному оценивают количество пристрастившихся к виртуальному сексу Интернет-пользователей. По некоторым оценкам, порядка трети активных пользователей практикуют виртуальный секс постоянно (данные на основе супервизорской консультации). Безусловно уже сейчас можно отметить наличие разных категорий пристрастившихся пользователей: есть те, кто занимаются исключительно сетевым сексом, а есть те, кто активно назначают свидания и желают увидеться в реальной жизни. Существует и виртуальная проституция. Потребностей много, как и самих активных пользователей. Нельзя точно определить соотношение мужчин и женщин, но существует гипотеза, что пристрастившихся мужчин больше, чем женщин. По мнению большинства женщин, виртуальным сексом больше склонны заниматься мужчины, поскольку это очень удобно для ленивых, инфантильных и неуверенных в себе (данные на основе супервизорской консультации). У мужчины среднего возраста, который чаще всего подвержен зависимости от виртуального секса, возникает ощущение, что он находится в «замкнутом круге», пагубная привычка овладевает им. Примерно у 50% любителей виртуального секса есть опасность попасть в зависимость от него [8].

Клиент может по-разному проецировать себя в сети: если вирт – это средство связи (мессенджер, почта, телефон, сообщения), то его поведение незначительно отличается от реального в жизни. Если же Клиент активно преображается: играет, флиртует, преследует иные цели, то его манеры могут быть весьма полярными. Интернет-пространство даёт множество способов проявить себя: быть романтичным, пошлым, развратным, свободным. От этих «выпуклых» проявлений зависит тип участника

этого процесса. Но проблему необходимо рассматривать ещё шире – в основе злоупотребления виртуальным сексом лежат отклонения в психике: зависимость от нетипичных стимулов сексуального возбуждения, и, как следствие, сексопатологические расстройства. Если один Клиент стремится решить свои конкретные задачи через виртуальный секс, то другой Клиент может усугубить уже имеющиеся. Например, при злоупотреблении появляется пренебрежительное отношение к романтическим отношениям, развитие парафилий и фобий [5]. Все эти проявления требуют оценки профильных специалистов.

По степени пристрастия к виртуальному сексу можно выделить четыре основные группы виртуалов [6]. Первая, это «Любопытные». (1) Склонные к новизне – у них есть тяга к исследованию, моде, экзотике, способ разнообразия своей сексуальной жизни. Но они быстро остывают, потому что не удовлетворяется главная потребность – реальная любовь. (2) Любители эротических фантазий – желание испытывать гамму разных эмоций и фантазий; нередко переносят опыт с вирта в реальность и тем самым усиливают свои сексуальные переживания. Также это способ пережить навязчивую сексуальную фантазию, не быть невротизированным. (3) Склонные к познанию – поиск новых знаний, способов, опыта. Осведомленность для них – это способ повысить собственный уровень сексуальной культуры

Вторая группа – «Озадаченные». Для этой категории вирт – это способ приспособиться к жизненным трудностям: например, физическое отсутствие возможности секса. Или узкий круг друзей и знакомых, где возникает чувство одиночества. Также сюда относятся люди с семейными проблемами, разрывами в коммуникации. Эта группа уже задается вопросом: а не слишком ли я часто сижу в Интернете? Не пристрастился ли? Если они начинают посвящать виртуальному сексу больше 12 часов в неделю, то они переходят в следующую категорию.

Третья группа «Зависимые» – это уже прямая зависимость от новых сексуальных стимулов. Желание постоянно сидеть в чатах настолько сильное, что приводит к раздражительности, неряшливости, невнимательности к окружающим. Их ведет импульсивное желание заниматься виртом в ущерб другим важным делам. Возникает чувство вины с низкой самооценкой после акта виртуального секса. В этой группе уже нет реального секса, есть уже конкретные сексуальные отклонения с разной этиологией: половая дисфункция, депрессия, тревожность и др.

Последняя группа «Озабоченные» представляют собой болезненное пристрастие к виртуальному сексу (парафилии), где вирт становится единственным источником удовлетворения их нетипичного влечения. Можно говорить о виртуальной мании «виртуафилии», они уже

не готовы к живому общению вообще. Здесь требуется медикаментозное лечение (психотропные препараты) в сопровождении психотерапии, при полном запрете пользоваться Интернетом и компьютером. В этой группе выделяются: (1) Контакт с определенным партнером (зоофилы, педофилы, насильники, пр.), (2) Исключающие телесный контакт с другим человеком (копрофилы, фетишисты, садисты, мазохисты и пр.), (3) Удовлетворение от видеообраза (вуайеристы, кандаулестисты, нарциссисты (как разновидность сексуального фетишизма), скоптофилы, эксгибиционисты и пр.), (4) Удовлетворение от аудиоинформации (нарратофилы, уролаллисты, эксаудиристы и др.).

Безусловно многие заболевания существовали и до появления злополучного Интернета и виртуального секса. Но сейчас у этого огромного количества потенциальных пациентов есть специальное место, где они могут виртуально встречаться, общаться, смотреть, играть. На таком широком активном диапазоне мы говорим о шведских парах, триолизме, групповом сексе, манилизме (одновременный контакт множества людей). Для таких людей виртуальный секс – это отдушина. Они выходят в свой мир, понимая социальную неприемлемость своего поведения. Они чувствуют вину и стыд за свои импульсивные сексуальные желания, и, конечно, имеют неудовлетворенные отношения со своими реальными постоянными партнерами.

Тем не менее, приверженность виртуальному сексу наносит большой ущерб общей культуре сексуального общения, как, например, неконтролируемое распространение порнографии [5]. Актуальная проблема – это половое просвещение подростков, которые не всегда могут правильно отличить плохое от хорошего. Третьей проблемой можно назвать усиливающий эффект уже имеющихся психосексуальных расстройств у отдельных категорий пользователей. Также немаловажно – это возникающие депрессии на фоне разочарования реальными сексуальными контактами после созданной иллюзии в рамках виртуального секса.

Направления психотерапевтического консультирования

Различия в подходах к терапии является естественным продолжением различия в философском обосновании разных медицинских, психологических и социологических школ. Подходы у врачей-сексологов и секс-терапевтов отличаются по клиническому мышлению и поиску заболевания, с одной стороны, и симптоматическому лечению с другой. В этой связи, необходимо отметить важность комплексного подхода к терапии – нельзя игнорировать психологические аспекты личности пациента или клиента, а также взаимоотношения партнеров в целом.

В основе любого подхода лежит всесторонняя оценка как самого Клиента, так и его партнера, а также их межличностных отношений. Ценность диагностики и лечения подкрепляется тщательным сбором информации. Терапия зависимости от виртуального секса может уложиться в краткосрочный курс (от 6 до 15 недель) и должна преследовать совершенно конкретные цели, связанные именно с интимной стороной отношений пары. Таким образом, цели подобной терапии можно установить на двух уровнях:

1. изменение сексуального поведения для более свободного проявления личных запросов в области интимных отношений;
2. налаживание между партнерами отношений, включающих больше доверия, понимания, поддержки, принятия.

В данном случае терапия является стратегией для лечения сексуальных дисфункций при отсутствии медицинской этиологии, то есть функциональных, или в качестве дополнения к медикаментозному лечению. Общий психологический подход – научить Клиента испытывать чувственность, радость, удовольствие от реального сексуального взаимодействия. Поэтому психолог или сексолог помогает осознать, какие именно запреты и тревоги (эмоциональные, поведенческие, когнитивные, межличностные, микросоциальные) мешают Клиенту находить удовольствия в реальном сексе. Несмотря на высокую эффективность терапии, не все случаи сексуальных нарушений, которые лежат в основе зависимости от виртуального секса, могут быть охвачены и излечены. Но более детальная аналитика выходит за рамки рассматриваемой тематики. Так или иначе, существует несколько основных подходов, которые стоит рассмотреть более подробно.

Психоаналитическая терапия

Психоаналитический подход предполагает раскрытие ранних причин сексуальных расстройств и их проработку с последующей дисквалификацией. В ходе длительного курса психоанализа с Клиентом проводятся постоянные, регулярные и активные занятия. Но здесь необходимо отметить ограниченное применение к решению практических сексуальных проблем человека, вследствие длительного курса лечения. Но, если нет необходимости быстрого достижения результатов, то этот подход часто применяется.

В соответствии с позицией Зигмунда Фрейда о сексуальных отклонениях, виртуальный секс, где партнер ищет партнера, можно отнести к первой группе – отклонения в отношении сексуального объекта [11]. Но если говорить о разрядке сексуального влечения, как об основной цели, то получается, что виртуальный секс имеет отклонения от сексуальной цели, поскольку ограничивается мастурбацией. А Фрейд считал, что совокупление

ем называется акт непосредственно соединения гениталий. То есть у партнеров нет привычного полового акта, есть замена мастурбацией.

Форму виртуального секса с видеосвязью можно назвать более «открытой», поскольку есть возможность видеть партнера, степень его сексуального возбуждения. Здесь подмешиваются такие ощущения, как подглядывание, ощущение того, что смотреть можно, а трогать руками нельзя – такой способ виртуального секса похож на вуаеризм с одной стороны и эксгибиционизм с другой. «Виртуальный секс вытесняет нормальную сексуальную цель, оставляя, как писал Фрейд, возможность «показать свои гениталии для того, чтобы в награду получить возможность увидеть гениталии других» [12]. Мы можем сказать, что цель такого виртуального секса, это разглядывание и показывания себя.» Но, на самом деле, именно наблюдение и сексуальное возбуждение выплескиваются в оргазм. Во время виртуального секса с видеосвязью партнеры стимулируют свои эрогенные зоны, что приближает их к акту мастурбации.

В случае виртуального секса без визуального ряда, эти ограничения позволяют достраивать сексуальный образ, действия, половой акт в воображении партнеров. Эрогенная зона тоже переносится в область воображаемого. Это удовольствие в чистом виде, без переноса на партнера и всего остального в реальный мир. «Сексуальный партнер по другую сторону монитора всегда будет идеальным, помогающим перевести иллюзию в возбуждение и разрядку. Эту форму виртуального секса, можно назвать секс со своей психической реальностью. Несмотря на присутствие сексуального партнера, важным остается не он, а сам процесс фантазирования, то есть сексуальная цель, это «придумывание» самой сцены коитуса» [12].

В обоих случаях занятия виртуальным сексом мы видим человека, который, по сути, занимается мастурбацией. Таким образом, при высокой насыщенности в психическом пространстве, секс в реальности обедняется. Эти две формы, преследуют разные цели (разглядывание и показывание; фантазирование о коитусе), что, по мнению Фрейда, является перверсией и характерно для инфантильной сексуальности. При этом способе разрядки предварительное наслаждение становится основным и делает невозможным наступление большего наслаждения – уже от удовлетворения. Подготовительный акт занимает место сексуальной цели. Уже эти наблюдения приводят нас к мысли об определенной степени невротичности Клиента. Тем не менее, психоаналитический подход призывает нас не считать перверсии отклонением, и виртуальный секс, как таковой. Отклонением считается полное замещение сексуальной жизни: когда никакой иной формы разрядки сексуального возбуждения, чем через виртуальный секс, нет.

Семейная терапия

Данный подход является весьма успешным, если мы рассматриваем зависимость от виртуального секса в контексте семейно-сексуальной дисгармонии. Супружеское расстройство представляет собой несоответствие между текущим воспроизведением ранее приобретенных навыков и идеальной моделью «здоровых» и «функциональных» супружеских отношений. Клинически расстройства проявляются в виде конфликта из-за разногласий (1) или как недостаток комплементарности (2).

1. В основе конфликта из-за разногласий лежит заблуждение, что стремление к определенному образу жизни исключает возможность существования альтернативного. Каждая из сторон старается привносить свои ценности и цели в отношения. Проявлениями являются: нарушение эмпатии и общности, деструктивные и безосновательные споры, расстройство коммуникации, отсутствие способов восстановить равновесие, прогрессирующее отдаление партнеров. Разрешение такого конфликта лежит только в способах его преодоления (а не в природе), то есть только при совместных усилиях на межличностном и внутреннем уровнях.
2. Снижение качества комплементарности обусловлено несостоятельностью паттернов, что проявляется нарастающей ригидностью отдельных элементов общения. Они становятся автоматическими, бесполезными, пустыми, что не отвечает совместным задачам семейной жизни.

В книге известных отечественных сексологов «Супружеская секс-терапия» [7] в рамках семейной терапии предлагается использовать известный подход к диагностике семейно-сексуальной дисгармонии Натана Акермана. Он выделяет три уровня диагностики: описательный, динамический, генетический. Первые два характеризуют качество семейной адаптации как «здоровых» и «нездоровых» тенденций и особенностей. Описательный предполагает классифицирование расстройств супружеского партнерства в границах симптомных кластеров, отражающих девиантные паттерны взаимодействия, в том числе, сексуальную неудовлетворенность. Динамический выявляет основные конфликты, способы их преодоления, паттерны комплементарности или отсутствие таковых, искажение функций взаимодействия, реализм, зрелость, стабильность и потенциал роста этих отношений. Генетический же осмысливает динамику эволюции отношений на протяжении добрых и брачных отношений.

Психотерапевтическое консультирование выявляет реальное содержание конфликта и подводит супругов к обоюдному пониманию сути проблемы. Необходимо стимулировать эмпатию и коммуникацию, которая будет способствовать осмысленному, честному и оживленно-

му обмену эмоциями, что, в конечном итоге, приведет к спонтанной и искренней духовной общности. По мере того, как супруги начинают «разворачивать» своё общение на психотерапевтических сессиях, они несомненно становятся ближе друг другу.

Поведенческая терапия

В данной концепции отдельные симптомы, вне зависимости от их природы и связи с какой бы ни было болезнью, рассматриваются как неправильное поведение, которое необходимо исправить специальными побуждающими приемами. Для лечения эмоциональных и сексуальных проблем Клиента используются методы оперантного обусловливания и разобусловливания. Терапия построена на подкреплении того спонтанного поведения, которое расценивается как желательное. При этом подкрепляется и случайное поведение, нужное нам – инструментальное научение, так и при осознании поисковой творческой активности – творческое научение. Кроме этого, некоторые специалисты используют также систематическую десенсибилизацию, аверсивное обусловливание и тренировку навыков. Например, нежелательное сексуальное поведение, такое как занятие мастурбацией при проигрывании в уме эпизодов ранее имевшего место эксгибиционизма, неоднократно сопровождается аверсивным стимулом. Это может быть, к примеру, болезненный, но безопасный для здоровья удар током, или вызывающий тошноту препарат, или очень неприятный запах. Точно так же аверсивный стимул может предъявляться человеку во время просмотра им фотографий или цветных слайдов, изображающих парафилическое поведение [1].

Сексуальная дисфункция в рамках поведенческой концепции рассматривается как обученное дезадаптивное поведение, по принципу фобии. Таким образом, можно предположить, что Клиент боится сексуального взаимодействия. Используя различные методы, специалист создаёт в сознании иерархию этих тревожных ситуаций – от менее угрожающих до более угрожающих. Например, легкая тревога может соответствовать ситуации перед поцелуем, а сильная о представлении секса, где пенис проникает во влагалище. Также можно научить Клиента справляться с тревогой через стандартную программу систематической десенсибилизации (или десенсилизации), при которой тормозятся реакции, присущие обученной тревожности, путем выработки поведения, прямо противоположного тревоге. Вначале Клиент учится справляться с ситуациями, где тревога менее выражена, и постепенно переходят к более сложным моментам. При этом подход необязательно может быть чисто психотерапевтическим, сюда можно добавить гипноз, аутогенную тренировку, специальные упражнения для расслабления, лекарственные препараты.

Приобретение уверенности в себе позволяет Клиен-

ту открыто и без страха выражать, осуществлять свои сексуальные потребности. По мнению сексологов, именно эти упражнения в сочетании с секс-терапией дают максимальный эффект: Клиент последовательно обучается выдвигать свои сексуальные требования и одновременно отвергать выполнение тех, которые считает некомфортными для себя [7]. Разумеется, участие основного партнера для Клиента повышает ценность предлагаемой терапии.

В настоящее время, существует множество психотерапевтических направлений, которые можно было применить в работе по зависимости от виртуального секса. К уже выше рассмотренным необходимо добавить следующие: бихевиоральный подход, телесно-ориентированная терапия, когнитивная терапия, нарративная терапия, транзакционный анализ, позитивная психотерапия, использование восточных методик, гипнотерапия, групповая секс-терапия, секс-терапия с суррогатным партнером.

Таким образом, практически все сексуальные проблемы, с которыми сталкиваются сексологи, лежат отнюдь не в области «ниже пояса», а на практике являются следствием сочетания физических, психических, психологических факторов, которые требуют комплексной многокомпонентной терапии. Поэтому, сталкиваясь и работая с подобными случаями, целесообразно применять весь спектр психотерапевтического инструментария – применять все удачные методики и наблюдения независимо от академической направленности; другими словами, применять интегративный подход в работе над стратегией и тактикой консультирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Виртуализация сексуальной культуры наравне с отчуждением секса от эмоциональной составляющей межличностного взаимодействия являются характеристиками неограниченного сексуального поведения как феномена современного общества [10]. Тем не менее, психологическую зависимость от виртуального секса скорее следует рассматривать, как один из вариантов невротического расстройства, возникшего вследствие интенсивного технологического развития. Человеком овладевает навязчивое стремление совершать один и тот же ритуал, что в итоге превращается в самоцель. Тогда уже сам процесс приносит какое-то временное удовлетворение, которое никак не может быть насыщено. При этом страдают другие стороны жизни: социальная жизнь, профессиональная, семейная, интимная. Потихоньку виртуальный секс со своим насыщенным эмоциональным пространством вытесняет секс реальный и, по сути, прерывает социальные контакты с окружением.

Сам по себе виртуальный секс, как неотягощенное явление, может иметь и достоинства, и недостатки. По-

мимо уже описанных ранее в работе таких аспектов, как лучшая форма удовлетворения эротических фантазий; познавательные возможности; стимулирование сексуальной активности; компенсация недостающих реальных отношений и т.д., есть ещё аспект, когда мы рассматриваем виртуальный секс, как терапию для нейтрализации отклоняющихся от нормы сексуальных интересов. Например, когда психолог или сексолог назначают пациенту проводить какое-то время в чатах с подобным контентом (данные на основе супервизорской консультации). К недостаткам относятся: обесценивание интимных эротических отношений; разжигание половых инстинктов, приводящих к насилию; провоцирование сексуальных расстройств; замещение реального секса и разрыв отношений с постоянными партнерами и т.д. Получается, что наверняка нельзя оценить пользу или вред от занятий виртуальным сексом. Всё зависит от конкретного человека, стадии его психосексуального развития, его семейной интимной ситуации, его социальных трудностей и физиологических особенностей. Сами по себе сексуальные расстройства часто приводят к развитию ситуативных психических расстройств невротического или депрессивного плана, которые возникают точно так же, как в ответ на любое другое стрессовое воздействие [7].

Один из известных специалистов в области сексологии И.С. Кон считает, что виртуальный секс сам по себе не страшен, а скорее расширяет границы сексуального

опыта. В отличие от физической измены, виртуальный секс не рассматривается как нарушение партнерских обязательств. Но если объем виртуального секса чрезмерен, и партнеры скрывают этот опыт друг от друга, это неизбежно подрывает их связь, поскольку честность лежит в основе партнерских отношений [9]. Поэтому всё же удовлетворение или недовольство в паре обоих партнеров является лучшим критерием оценки сексуального поведения и дисфункции.

Каждый сексолог знает, что поводом для разрушения партнерских отношений могут быть и ещё более «ничтожные» (по сравнению с зависимостью от виртуального секса) отклонения от субъективных представлений о «правильном» интимном поведении (данные на основе супервизорской консультации). Четкое понимание непосредственно индивидуальности представлений и восприятие происходящего является показателем того, что они относятся к структуре личности и носят поведенческий, социальный характер. Для исследований этих конкретных событий в жизни клиентов в нашем распоряжении имеется огромный выбор психотерапевтического инструментария: психоаналитическая терапия, семейная терапия, поведенческая и многие другие. В каждом из подходов есть свои плюсы и минусы, многое также зависит от клиента – целесообразно выбирать именно комплексный интегративный подход, который наилучшим образом будет отвечать рассмотренному запросу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверсивное обусловливание. Определение. Психологос: Энциклопедия практической психологии http://www.psychologos.ru/articles/view/aversivnoe_obuslovlivanie
2. Васильченко Г.С. Материал Википедии https://ru.wikipedia.org/wiki/Сексуальное_поведение_человека#cite_note-14
3. Виртуальный секс. Определение. Материал Википедии https://ru.wikipedia.org/wiki/Виртуальный_секс
4. Йоффе Е.В. Сексуальная культура и трансгрессия сексуальности: анализ конфликта // Гендерные разночтения: Материалы IV межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные отношения в современном обществе: глобальное и локальное» (22-23 октября 2004 г.) / Отв. ред. М.В. Рабжаева. - СПб.: Алетей, 2005. - 384 с. С.160-168
5. Йоффе Е.В. Эксплуатация образов сексуальности в СМИ, рекламе и PR-технологиях // Вариации на тему Гендера: Материалы межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные отношения в российском обществе: история и современность» / Отв. ред. Т.А. Мелешко, М.В. Рабжаева. - СПб.: Алетей, 2004. - 316 с. С. 127-137
6. Кащенко Е.А. Секс: реальный и виртуальный. Изд. стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2014. – 192 стр.
7. Кибрик Н.Д., Прокопенко Ю.П. Супружеская секс-терапия. – Москва: Книгоизд. «АБВ», 2015. – 224 стр.
8. Кириллов В. Виртуальный секс. Зависимость. 2012 <http://www.medpulse.ru/health/prophylaxis/psychotherapy/12488.html>
9. Кон И.С. Сексология. Учебное пособие. – М., Изд.центр «Академия», 2004. – 384 стр.
10. Коница М.А., Холмогорова А.Б., Сорокова М.Г. Феномен неограниченного сексуального поведения в современном обществе: патологические тенденции культуры или патология личности? // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Том 22. № 2. С. 88–118.
11. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. – М., Эксмо-пресс, 2017. – 352 стр.
12. Штырбу Е.Е. Виртуальный секс, психоаналитический взгляд 2009 <http://psyfactor.org/lib/virtual-sex.htm>

© Макарова Мария Владимировна (maria.makarova.mow@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР РЕФЛЕКСИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Максимова Мария Васильевна

аспирант, Башкирский государственный университет

Maksimova8531@gmail.com

THEORETICAL REVIEW ON REFLECTIVITY IN THE CONTEXT OF THE INDIVIDUAL STYLE OF EDUCATIONAL ACTIVITY

M. Maksimova

Summary: The article considers the basic approaches to the study of the individual style of educational activity and reflexivity. Theoretical foundations of research in the field of psychophysiological components of a successful activity and the importance of reflexivity in the process of human interaction with the environment.

Keywords: reflexivity, individual style of educational activity, Kolb D., Learning Styles Inventory, A.V. Karpov, situational reflection.

Аннотация: В статье рассмотрены базовые подходы к изучению индивидуального стиля учебной деятельности и рефлексивности. Даны теоретические основы исследований отечественных и зарубежных учёных на предмет психофизиологических компонентов успешной деятельности и значимости рефлексивности в процессе взаимодействия индивидуума с окружающей средой.

Ключевые слова: рефлексивность, индивидуальный стиль учебной деятельности, Перечень стилей обучения Д. Колба, А.В. Карпов, ситуативная рефлексия.

Введение

Наша современная жизнь ознаменовалась крупными переменами в политической, экономической отраслях, в социальной сфере. Всё это, безусловно, наложило отпечаток на требования к учащимся, предъявляемые в процессе освоения ими необходимых навыков, а также на систему образования в целом.

Индивидуализация процесса обучения позволяет наилучшим образом раскрыть потенциал учащегося, максимально развить его способности, и удовлетворить его познавательные потребности.

В структуре индивидуального стиля учебной деятельности особое место занимает рефлексивность, как способность к переработке собственного и чужого опыта. Именно она позволяет учащимся выработать оптимальные способы к приспособлению к учебным ситуациям.

Актуальность исследования

К проблематике индивидуального стиля деятельности в отечественной психологии обращались многие ученые, среди них В.С. Мерлин, Е.А. Климов, М.Б. Прусакова, А.Н. Леонтьев, Н.С. Лейтес и др. Данный термин традиционно понимался как устойчивая система приемов, способов, методов деятельности, обусловленная индивидуально-специфическими качествами человека и являющаяся средством эффективного приспособления к объективным обстоятельствам. Индивидуальный стиль деятельности определяется своеобразием действий, применяемых для осуществления цели. [9]

В зарубежной психологии понятие стилевых свойств личности, когнитивного стиля или реактивного стиля вытекает из противопоставления формально-динамических свойств содержательным. Реактивный стиль, в свою очередь, (как например, импульсивность или рефлексивность) является одним из существенных проявлений темперамента.

На сегодняшний день наибольшую популярность имеет теория модели обучения, основанного на опыте, Дэвида Колба, которым также был разработан опросник «Перечень стилей обучения – ПСО» (с англ. «Learning Styles Inventory», LSI) для оценки индивидуальных стилей обучения. Концепция Колба отражает влияние Пиаже (исследования развития), Дьюи (обучение на основе опыта), Левина (диалектическое напряжение между аналитическим мышлением и конкретным опытом), Юнга (идеи типов и непредпочтительных форм обучения). Модель опытного обучения (МОО) предполагает, что человек обучается путём прямого познания мира, отражения своего собственного опыта, составления представлений и абстрактного мышления о мире и активного участия в нем. Обучение, по Колбу, – это процесс, посредством которого знание создаётся через преобразование опыта. Данный процесс опосредован четырьмя компонентами, включая следующие: (1) аффективный (ощущения, чувства), (2) символический (познание, навыки размышления), (3) поведенческий (свершения) и (4) перцепционный (восприятие, навыки наблюдения). Постулируя эволюционную теорию обучения, Колб предусматривает эти четыре компонента как основания конуса, где четыре компонента создают вершину по мере того, как индивид развивается, а стиль обучения становится более сложным.

Колб определяет четыре способа обучения, которые соответствуют данным компонентам. Их понимают как способности к обучению и определяют следующим образом: (1) конкретный опыт (КО) – чувства, (2) рефлексивное наблюдение (РН) – рефлексия, (3) абстрактная концептуализация (АК) – абстракция, размышление, (4) активное экспериментирование (АЭ) – действие, выполнение. Согласно модели, обучающиеся должны решить диалектическое напряжение между непосредственным конкретным опытом и аналитической отрешённостью. В модели Колба существуют два учебных континуума. Обучающиеся должны выбрать положение между АК и КО в одном континууме и между АЭ и РН – в другом. Эти два учебных континуума или учебные компоненты являются полярными друг к другу (т.е. формируют биполярные континуумы). Сочетание выборов, сделанных одним человеком между способностями, показывают, как преобладание одной способности над другой, так и предпочтение особого конструкта или сочетания способностей, а именно, стиля обучения.

Стиль обучения, в свою очередь, заключается, по Колбу, в том, как человек обходится с идеями и каждодневными ситуациями. Он утверждает, что обучение – это процесс развития, который происходит по часовой стрелке циклически от КО к РН, АК, АЭ и обратно к КО, откуда процесс продолжается по кругу. Диалектическая напряжённость между полярными способностями требует от обучающегося постоянного решения конфликтов между способностями и интеграции их в более сложные навыки. Со временем обучающиеся развивают предпочтение либо к АК (абстрактность) и КО (конкретность), либо к АЭ (действие) и РН (рефлексия). Специфическая комбинация данных предпочтений раскрывает четыре стиля обучения: дивергеры, ассимиляторы, конвергеры и аккомодаторы. Каждый стиль обучения имеет характерные формы отношения к идеям и каждодневным ситуациям. Дивергеры заинтересованы в людях, генерируют идеи и имеют склонности к богатому воображению. Дивергеры предпочитают рефлексивное наблюдение (РН) активному экспериментированию (АЭ) и конкретный опыт (КО) абстрактной концептуализации (АК). Конвергеры, напротив, отдают предпочтение скорее вещам, чем людям, относительно неэмоциональны и хорошо проявляют себя в логических умозаключениях. Конвергеры – индивиды, делающие выбор в пользу АК над КО и в пользу АЭ над РН. Зато у ассимиляторов доминируют рефлексивное наблюдение (РН) и абстрактная концептуализация (АК). Такие люди прекрасно проявляют индуктивное мышление и хорошо усваивают информацию, они менее заинтересованы в людях, чем в вещах, и склоняются к логике, нежели к точности правильности и прилежанию. И наконец, аккомодаторы выбирают конкретный опыт (АК) и активное экспериментирование (АЭ). Такие индивиды легко сходятся с людьми и наслаждаются новыми ощущениями. Считается, что они те, кто

берут на себя риск и решение проблем. Если на этапе критической рефлексии человек рассматривает новый опыт с точки зрения предшествующего опыта, то на этапе абстрактной концептуализации он, используя логику, пытается искать ответы: формирует гипотезы, делает обобщения и выводы. [4]

В этой связи особый интерес представляет рефлексивность как универсальное и системообразующее качество психики, способствующее успешному усвоению, расширению и преобразованию социального опыта.

Основная часть исследования

В западной психологии к вопросам рефлексии обращались Дж. Холмс, Ч. Кули, Т. Ньюком, чьи эксперименты проводились для изучения диад – парных субъектов, задействованных в каком-либо общем процессе в условиях лабораторного эксперимента. Джон Холмс стремился определить степень влияния социума на способность к рефлексии. Он описал три составляющих «Я», где «Я – реальное» – то, что мы представляем собой на самом деле; «Я – идеальное» – идеализированный образ человека, нарисованный им самим. И третий вид – это «Я», каким человека воспринимает его окружение. Приверженцам теории Холмса такое растроение личности показалось недостаточным, и они предложили добавить еще одно «Я»: наше представление о том, как именно мы выглядим в чужих глазах. Рефлексия напоминает комнату с зеркалами, где один образ человека отражается несколько раз. Чаще всего отражение, увы, оказывается искаженным. [2]

Философ и педагог Джон Дьюи в своих работах приводил доводы к положениям рефлексивного обучения. Рефлексия, по его мнению, характеризуется двойственным положением, представляющим дилемму. Потребность в разрешении сомнения является постоянным и руководящим фактором во всём процессе рефлексии. Где нет вопроса, или проблемы для разрешения, или где нет затруднения, которое нужно преодолеть, поток мыслей идет наобум. Проблема устанавливает цель мысли, а цель контролирует процесс мышления. [3]

Дж. Дьюи рассматривает цельный акт рефлексивного мышления с выделением пяти частных логических ступеней, первым среди которых выступает чувство затруднения. За этим следует исследование его границ, и выявление вероятного решения. После происходит развитие за счёт выявления способов действия. Ну, и в заключение, дальнейшие наблюдения, с целью выработки новых алгоритмов действия.

Среди отечественных учёных вопрос рефлексии поднимали С.Л. Рубинштейн, Г.П. Щедровицкий, А.А. Бодалёв, В.В. Знаков, Д.А. Леонтьев, Г.М. Андреева, А.В. Россохин,

А.М. Матюшкин, А.С. Шаров, В.А. Петровский, М.С. Егорова, И.Н. Семёнов, С.Ю. Степанов и многие другие. Г.П. Щедровицкий рассматривает рефлексивность в качестве базового свойства личности, которое делает возможным осознание и регуляцию собственной деятельности субъектом рефлексии. М.С. Егорова отмечает большое значение рефлексивности в процессе формирования межличностных взаимодействий и индивидуальных стилей деятельности. [13]

Большой вклад в исследование проблемы рефлексивности сделал ярославский психолог А.В. Карпов. В своих работах он рассматривает рефлексивность как психическое свойство особой природы, имеющее направленность (интра-, интерпсихическая рефлексия), а также классифицирует рефлексивность на три вида по «временному» принципу: ситуативную (актуальную), ретроспективную и перспективную рефлексии. [6]

Отечественные исследователи, в частности Г.М. Андреева, указывает на необходимость изучения рефлексии не на диаде, но на более крупных реально существующих общностях людей, связанных коллективной деятельностью, для оптимального изучения явления.

В последней трети XX в. учёные отходят от использования рефлексии как одного из принципов, объясняющих функционирование психических процессов, и начинают выделять рефлексии уже как особый предмет изучения.

С.Л. Рубинштейн дополняет понятие рефлексии аксиологическим аспектом. Он выделил два преимущественных способа человеческого существования: это 1) жизнь, которая не выходит за пределы непосредственных отношений человека (что представляет собой естественный процесс с очевидными целостностью и непосредственностью человека); и 2) способ рефлексии, позволяющей прервать процесс жизни и как бы выйти за его пределы. Что само по себе без сомнения является поворотным моментом для индивида. Здесь начинается либо путь к душевной опустошенности, к нигилизму, к нравственному аскетизму, к цинизму, к моральному разложению (или в менее острых случаях к моральной неустойчивости), или другой путь – к построению нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе. С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни. [10]

Рефлексия представляется комплексным, многогранным, процессом, через который субъект может получить знания о самом себе, а также о том, каким он видится другому индивиду. Рефлексия, таким образом, — это процесс удвоенного, зеркального взаимоотображения субъектами друг друга, содержанием которого выступает воспроизведение, воссоздание особенностей друг друга. [12]

Множество талантливых отечественных учёных занимались исследованием и разработкой проблемы рефлексии.

И.Н. Семёнов и С.Ю. Степанов выделяют 4 подхода (или же аспекта) изучения рефлексии.

1. Кооперативный (А.В. Карпов, Г.П. Щедровицкий, В.А. Лефевр). Применяется при рассмотрении анализируемых видов деятельности типа субъект-субъект, а кроме этого и при планировании коллективной деятельности с условием определения внутригрупповых ролей субъектов и их профессиональных позиций.
2. Коммуникативный / социально-психологический (А.А. Бодалёв, Г.М. Андреева). Здесь рассмотрение рефлексии ведётся как уже неотъемлемого элемента высокоразвитого общества и восприятия личностями друг друга, как особой черты познавательной способности человека человеком.
3. Когнитивный / интеллектуальный (А.В. Брушлинский, И.Н. Семёнов, А.М. Матюшкин). Исследователи, придерживающиеся этого подхода, рассматривают рефлексии как способность субъекта выявлять, проводить анализ и соотносить с предметной ситуацией свои поступки. Помимо этого, учёные разрабатывают проблему связи рефлексии с механизмами мышления (в особенности – теоретического).
4. Личностный / общепсихологический (Д.А. Леонтьев, В.В. Знаков, Н.И. Гуткина, В.А. Петровский, И.Н. Семёнов, С.Ю. Степанов, А.С. Шаров). Приверженцы этого подхода делают упор на построение новых образов себя через коммуникацию с окружением и активную деятельность. Кроме прочего, вырабатываются новые знания о мире.

Рефлексия раскрывается как особая функция, обеспечивающая осознанное планирование и регулирование собственных действий, а также мыслительных операций.

В исследованиях С.Ю. Степанова и И.Н. Семенова даётся концепция двух видов рефлексии: кооперативная и коммуникативная. В контексте индивидуального стиля учебной деятельности для нас имеет большее значение первая, так как именно за счёт нее происходит структурирование и координирование совместных действий в коллективе. При этом рефлексия рассматривается как «высвобождение» субъекта из процесса деятельности, его «выход» во внешнюю, новую позицию как по отношению к прежним, уже выполненным действиям, так и по отношению к будущей, проектируемой деятельности с целью обеспечения взаимопонимания и согласованности действий в условиях совместной деятельности. [11]

Такое направление как личностная рефлексия опре-

деляет восприятие человеком собственных поступков, а также образ «Я» как индивидуальности. Можно выделить три этапа протекания личностной рефлексии: 1) переживание ситуации или задачи как неразрешимой; 2) тестирование стереотипов действий и отказ от тех, что не прошли проверку; 3) переоценка стереотипа, наряду с проблемной ситуацией и своего места в ней. Процесс переосмысления выражается, во-первых, в изменении отношения субъекта к самому себе, к собственному «Я» и реализуется в виде соответствующих поступков, а, во-вторых, в изменении отношения субъекта к своим знаниям и умениям. При этом переживание конфликтности не подавляется, а обостряется и ведёт к мобилизации ресурсов «Я» для достижения поставленной цели. [1]

Отечественный учёный Ю.М. Орлов считает, что личностный тип рефлексии несет функцию самоопределения. Он утверждает, что личностный рост возможен только тогда, когда индивид переживает осознание смысла. А процесс самопознания, в виде постижения своей Я-концепции, включающей воспроизведение и осмысление того, что мы делаем, почему делаем, как делаем и как относились к другим, и как они относились к нам и почему, посредством рефлексии ведет к обоснованию личностного права на изменение заданной модели поведения, деятельности, с учетом особенностей ситуации. [8]

Кроме указанных аспектов можно выделить также экзистенциальную (где объектом выступают глубинные смыслы личности), культуральную и саногенную рефлексии. Последняя возникает как результат переживания глубоких негативных эмоций (таких как вина, гнев, обида, стыд и т.д.) Её основная функция – контроль и регуляция эмоциональных состояний человека.

Н.И. Гуткина выделяет следующие виды рефлексии: 1). Логическая - рефлексия в области мышления, предметом которой является содержание деятельности индивида. 2). Личностная - рефлексия в области аффективно-потребностной сферы, связана с процессами развития самосознания. 3). Межличностная - рефлексия по отношению к другому человеку, направлена на исследование межличностной коммуникации. [1]

Е.В. Лушпаева описывает следующий тип - «рефлексия в общении», который представляет собой сложную систему рефлексивных отношений, возникающих и развивающихся в процессе межличностного взаимодействия. Она выделяет следующие компоненты в структуре данного типа: личностно-коммуникативная рефлексия (рефлексия «Я»); социально-перцептивная (рефлексия другого «Я»); рефлексия ситуации или рефлексия взаимодействия. [7]

В исследованиях А.В. Карпова рефлексия предста-

ёт как особая синтетическая психическая реальность, дифференцированная по классической триаде на психические процессы, психические свойства и психические состояния. При этом она не сводится единственно ни к одному из них.

Рефлексия - это одновременно и уникальное свойство, присущее лишь человеку, и состояние осознания чего-либо, и процесс репрезентации психике своего собственного содержания. Именно такое понимание, позволяя дифференцировать основные модусы рефлексии и тем самым конкретизировать предмет психологии рефлексии, обеспечивает и сохранение того единства, в котором в психике представлены процессы, свойства и состояния. [6]

Для нашего исследования представляет интерес категория «психическое свойство», т.е. рефлексивность как качественно новое свойство индивида.

Опираясь в своей классификации на «временной принцип», А.В. Карпов определяет ситуативную (актуальную), ретроспективную и перспективную рефлексии.

Ситуативная рефлексия заключается в самоконтроле человеком своего поведения в какой-либо актуальной ситуации, а также осознании и анализе происходящего с последующей координацией дальнейших действий с учётом изменения ситуации.

Поведенческими проявлениями и характеристиками этого вида рефлексии являются, в частности, время обдумывания субъектом своей текущей деятельности; то, насколько часто он прибегает к анализу происходящего; степень развернутости процессов принятия решения; склонность к самоанализу в конкретных жизненных ситуациях. [5]

Ретроспективная рефлексия характеризуется склонностью к постоянному прокручиванию информации, имевшей место в прошлом, анализу собственных действий и произошедших событий. Предметами рефлексии здесь становятся ошибки личности, итоги деятельности и причины и следствия случившегося. Этот вид рефлексии проявляется в длительности и частоте переживаний по поводу того, что случилось или не случилось.

Перспективная рефлексия представляет собой анализ будущей деятельности и собственного поведения в моделируемой ситуации. Тщательное планирование и детальное прогнозирование являются неотъемлемой частью этого вида рефлексии. А также стоит отметить ориентацию на будущее как характерную черту данного типа.

Кроме прочего, в соответствии с критерием направ-

ленности А.В. Карпов производит деление рефлексии на «интра- и интерпсихическую».

Первая соотносится с рефлексивностью как способностью к самовосприятию содержания своей собственной психики и его анализу, вторая со способностью к пониманию психики других людей, включающей наряду с рефлексивностью как способностью «встать на место другого» также и механизмы проекции, идентификации, эмпатии. [5]

Отсюда следует, что общее свойство рефлексивности вбирает в себя оба выделенных типа, при том, что уровень развития этого свойства представляет собой производное от них обоих одновременно.

Помимо прочего А.В. Карпов выделяет уровни рефлексии исходя из степени сложности рефлектируемого содержания. На первом уровне происходит разноплановая оценка человеком собственных чувств (относитель-

но конкретной ситуации) и поведения других людей. На втором уровне субъект производит суждение о чувственном опыте другого человека, оказавшегося в похожей ситуации. Третий уровень подразумевает моделирование субъектом представления о восприятии своего мнения другим человеком. И четвертый, заключительный, уровень отражает восприятие субъектом мнения другого человека о своем поведении.

Выводы

Рефлексивность является универсальным и системообразующим качеством личности, которое делает возможным успешное освоение, расширение и преобразование социального опыта. В рассмотрении способности индивида к рефлексии в контексте индивидуального стиля учебной деятельности заложен объяснительный и развивающий потенциал, что в свою очередь может стать стартовой базой для повышения эффективности обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуткина Н.И. Личностная рефлексия в подростковом возрасте: Дис. на соиск. уч. степени канд. психол. наук / Академия педагогических наук СССР. — М., 1983. — 176 с.
2. Данилин К.Е. Диада или триада. Рига. 1974. — 76 с.
3. Дьюи, Дж. Психология и педагогика мышления. — М., 1999. — 192 с. 14с., с.60.]
4. Ишков А.Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности: Монография. - М.: Издательство АСВ. - 224 стр., 2004
5. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. — 424с.
6. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики// Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45-57.
7. Лушпаева Е.В. Развитие рефлексии в общении средствами социально-психологического тренинга. Дис. на соиск. уч. степени канд. психол. наук — М., 1989.]
8. Орлов Ю.М. Самопознание и самовоспитание характера. М.: Просвещение, 1987. -224 с.
9. Психология индивидуальных различий. / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 2000. С. 128-139
10. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. - М., 1973. - С. 351, 352. 320
11. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексивная психология и педагогика творческого мышления. Запорожье. ЗГУ. 1992
12. Словарь практического психолога. — М.: АСТ, Харвест. С.Ю. Головин. 1998.
13. Щедровицкий Г.П. Рефлексия и ее проблемы. — М., 1975.

© Максимова Мария Васильевна (Maksimova8531@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХРОНОТОП СТРАННИЧЕСТВА В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

CHRONOTOPE OF WANDERINGS IN RUSSIAN PAINTING SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

M. Balonova

Summary: The goal of this article consists in examination of the archetype and the chronotype of wandering in Russian pictorial art of the second half of the XIX century is regarded. The special attention is given to the works of Peredvizhniki (the Itinerants). Based on historical, comparative, typological and semiotic research methods the author explores the formal and content features of the chronotype of wandering. It is concluded that this chronotype becomes a frame thanks to which the artists and viewers search for their self-identity.

Keywords: chronotype of wandering, Russian pictorial art of the second half of the XIX century, Peredvizhniki (the Itinerants), motif of the road, archetype, identity.

Балонова Марина Григорьевна

*к.филол.н., доцент, Российская академия государственной службы и народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, г. Москва
balonova76@mail.ru*

Аннотация: Целью статьи является исследование архетипа и хронотопа странничества в русской живописи второй половины XIX века, при этом особое внимание уделяется творчеству представителей Товарищества передвижных художественных выставок. Формально-содержательные элементы хронотопа странничества в живописных произведениях анализируются на основе исторического, сравнительно-типологического и семиотического методов. Делается вывод о том, что хронотип странничества, воплощенный в пейзажах представителей ТПХВ, становится фреймом, посредством которого как художник, так и зритель осуществляют поиск самоидентичности и идентичности своего отечества.

Ключевые слова: хронотип странничества, русская живопись второй половины XIX века, передвижники, мотив дороги, архетип, идентичность.

Феномен странничества получил широкое распространение в отечественной культуре в силу многих причин, среди которых «...и географические (необъятные просторы отечества), и геокультурные (расположение на стыке Востока и Запада), и геополитические (необходимость осваивать и отстаивать территории в сложных климатических условиях и в противостоянии с внешними конкурентами), и религиозные (путешествия к святым местам), и социальные (поиски места приложения своих сил, "лучшей доли")...» [2, с. 33].

Интерес к теме и мотиву странничества в произведениях русского искусства ярко выражен в XIX веке, особенно в его второй половине, когда актуализируется рефлексивное начало российской культуры. Наиболее акцентировано эта тенденция проявилась в живописи указанного периода в творчестве членов Товарищества передвижных художественных выставок (ТПХВ), а также художников, близких им по духу. Сами передвижные экспозиции были элементом страннической культуры. Странничество в Российской империи, по справедливому наблюдению И.П. Смирнова, «отнюдь не исчерпывалось одной эстетической сферой... превращалось в жизненный жест (уход Толстого из Ясной Поляны, инсценировка бездомности Набоковым на склоне лет); обуславливало инновативно-организационную практику деятелей искусства ("Товарищество передвижных выставок", турне, затеянные футуристами)...» [4, с. 242].

Феномен странничества привлекает внимание отечественных исследователей последних десятилетий, что неудивительно, так как странничество аккумулирует в себе многие сущностные черты русского народа и является во многом специфическим российским явлением. «В русской культуре феномен странничества, – пишет Д.Б. Дорофеев, – представлен не так разнообразно, как в западной, но именно поэтому его значение более велико: оно не расплывается в множестве форм, но являет собой целостный тип, крайне существенный для русского сознания...» [3, с. 71]. В работах на эту тему ученые преимущественно обращаются к анализу странничества либо в широком философско-культурологическом, либо в литературоведческом аспектах; рассматривая же ее воплощение в изобразительном искусстве, прежде всего ориентируются на произведения, в которых мотив странничества представлен эксплицитно – через образы скитальца, богомольца, странствующего певца, сказителя, нищего и т.д.

Эти образы становятся сюжетобразующими в живописи многих отечественных художников второй половины XIX в. Это творения В.Г. Перова (работы под названием «Странник» 1859, 1869 и 1870 гг.; «Чаепитие в Мытищах», 1862; «Прием странника», 1874; «Странница в поле», 1879; «Блаженный», 1879), М.Н. Крамского («Со-зерцатель», 1876), Н.А. Кошелева («Странница, 1876), И.М. Прянишникова («Калики перехожие», 1870 (Рисунок 1)), Н.А. Ярошенко («Слепые калики под Киевом», 1879), В.М.

Васнецова («Нищие певцы», 1873), В.Д. Поленова («Сказитель былин Никита Богданов», 1876), этюды и наброски В.И. Сурикова и И.Е. Репина и другие. К ним примыкают работы, в которых в качестве странника выступает воин, защитник Отечества («Богатыри», 1898, «Витязь на распутье», 1882, В.М. Васнецова) и т. п. Кроме фигуры человека (часто с сумой, посохом, в дорожной одежде), являющегося инвариантом странника, в этих работах также присутствуют формально-содержательные элементы и атрибуты хронотопа странничества, но они лишь задают сюжетный фон картины: основным действующим лицом, несущим смысловую нагрузку странничества, остается человек.

Рис. 1. И.М. Прянишников. Калики переходящие. 1870. Х., м. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Однако мотив странничества в отечественной живописи и графике нуждается также в рассмотрении не столь буквальном, и, следовательно, избирательном. Данное явление, на наш взгляд, представляет собой архетип, который в произведениях изобразительного искусства реализуется чаще всего в соответствующем хронотопе. Во многом благодаря определенному пространству-времени, ставшему одной из парадигм отечественной культуры, в них воплощается идея поиска человеком самого себя и идентичности России в целом. Актуальность анализа этого хронотопа состоит в том, что он позволяет глубже понять особенности формально-содержательной структуры произведений русского изобразительного искусства, а также выйти на исследование проблем идентичности русской культуры с точки зрения ее отражения в живописи.

Многие отечественные пейзажи рассматриваемого периода, на которых нет изображения странствующего человека или его фигура имеет стаффажный характер, пропитаны духом странничества часто даже в большей степени, чем вышеперечисленные. Это целый ряд произведений И.И. Левитана, А.И. Куинджи, творения И.И. Шишкина («Рожь», 1878; «Кама близ Елабуги», 1895), Ф.А. Васильева («Оттепель», 1871; «Перед грозой», 1868-

1869 (Рисунок 2)), Г.Г. Мясоедова («Дорога во ржи», 1881; «Зреющие нивы», 1892), М.К. Клодта («Большая дорога осенью», 1863; «Лесная даль в полдень», 1876) и других художников.

Рис. 2. Ф.А. Васильев. Перед грозой. 1868-1869. Х., м. Нижегородский государственный художественный музей

Основными формально-содержательными скрепами хронотопа странничества в живописи этих авторов являются: дорога, река, тропинка, выступающие на холстах в качестве центрального образа; отсутствие прямых направлений; далекий горизонт; церковь, монастырь и другие приметы христианской и богомольческой культуры (голубец, кресты, погост). Важную роль в создании пространства странничества играет небо, которому, как правило, отводится значительная или большая часть холста как символу вечности и восхождения к Царству Божьему. В пейзажах с данным хронотопом преобладают горизонтальности (и здесь уместно вспомнить «бесконечную равнину» О. Шпенглера, которую он считал прасимволом русской культуры).

На этих холстах пространство, как правило, открыто во всех направлениях; первый план, лишенный каких-то преград, приглашает зрителя в долгое путешествие. Четкое разделение на планы, кулисное построение композиции, присущие пейзажам классицизма, им чуждо. Дорога (вариант – река) обладает в пейзажах передвижников семантикой, актуальной именно для живописи второй половины XIX века, – семантикой духовного поиска. Это становится очевидным, если сравнивать изображение дороги в творчестве мастеров ТПХВ с этим же мотивом и в работах отечественных художников Серебряного века (А.Н. Бенуа, Е.Е. Лансере, К.А. Сомова, В.Э. Борисова-Мусатова и др.).

Передвижникам интересен эпичный, естественный (природный) ландшафт, не структурированный человеком. Дорога в их произведениях – извилистая, уводящая в неопределенном направлении – придает пейзажам повествовательный характер, предлагает бесконечный временной и пространственный вектор движения, при-

зывает зрителя к неторопливым размышлениям о себе, мире и о своем месте в нем. Для работ же мастеров Серебряного века преимущественно свойственны заданные направления, замкнутые и обустроенные человеком камерные природные пространства, прямые дороги и дорожки. Мирискусники чаще всего предпочитают культурные (искусственные) ландшафты, организованные по законам театральной сцены. Функции мотива дороги в произведениях представителей «Мира искусства» прежде всего композиционные и декоративные, тогда как в творчестве передвижников на первый план выступает его смыслообразующая функция.

Коннотации странничества в пейзажах передвижников воплощаются также благодаря особым временным характеристикам произведений. Повествовательность, заданная берущей начало из ниоткуда и вдаль уходящей дорогой, делает время в этих произведениях разомкнутым в обоих направлениях. Леса и поля, реки, луга и озера, культовые архитектурные сооружения, фигурки людей, видимые в основном издали, – эти образы не имеют конкретной хронологической привязки.

Таким образом, хронотоп подобных произведений открыт и с точки зрения пространства, и с точки зрения времени. Вследствие этого создается своеобразный фрейм их рецепции, а именно: формированию ощущения бесконечного путешествия без какой-либо рационально поставленной цели способствует зритель, наполняя пейзаж своими воспоминаниями и эмоционально окрашенными ассоциациями. В процессе восприятия этих произведений на уровне подтекста в работу включаются пласты исторической, коллективной и индивидуальной памяти.

Историческую память мы определяем в качестве объективного (или признаваемого таковым на определенном этапе) исторического знания, по возможности очищенного от субъективных оценок. На уровне исторической памяти на актуализацию семантики странничества в пейзажах передвижников работают знания зрителей об исторических событиях, происходивших на обширной российской территории (набеги кочевников; великие сражения; вынужденные переселения по воле правителя или в поисках лучшей доли; покорение новых земель по типу завоевания Сибири Ермаком Тимофеевичем и пр.)

Коллективная память – «память о событиях, фактах, по-разному окрашенная в воспоминаниях представителей определенных групп; закреплённая в традиции, сознании и подсознании группы; коннотации на факты, события; общие для какой-либо группы ценностные (этические и эстетические) суждения, способствующие формированию социальной идентичности» [1, с. 40]. Пласт коллективной памяти позволяет наполнить лишённые

событийности пейзажи повествовательностью и ассоциациями со странничеством как духовным явлением, связанным с поисками идентичности. Открытый хронотоп пейзажей передвижников на этом уровне рецепции заполняется разделяемыми народом представлениями о добре и зле, судьбе, предназначении человека и о его жизненном пути, подчеркнутыми из фольклора, эпоса, православной культуры, русского классического искусства и т. п., – всего того, что формирует и воплощает нравственный и духовный код нации.

Помимо исторической и коллективной памяти, на обогащение восприятия пейзажей с мотивом странничества работает и индивидуальная память человека, а именно те ее аспекты, что связаны с родной русской природой, домом, детством, семьей.

Например, «Владимирка» И.И. Левитана, 1892 (Рисунок 3), наполняется для зрителя подлинным смыслом лишь тогда, когда он осведомлен о том историческом факте, что по этому тракту проходил отрезок пути в Сибирь заключенных-каторжан. Именно это знание позволяет воспринимать шедевр Левитана как «исторический пейзаж» (выражение художника М.В. Нестерова). Кроме того, рецепция этого холста значительно обеднена в случае, если человек не знаком с классическими произведениями отечественного искусства и заложенным в них культурным кодом, а также с героями и сюжетами русских сказок и былин, православной богомольческой культурой и ее историей; не имеет опыта эмоциональной сопричастности русской природе. Именно за счет хронотопа, обогащенного этими и подобными коннотациями, в пейзажах передвижников «аккумулируются размышления о прошлом и неопределенном будущем России» [2, с. 34].

Рис. 3. И.И. Левитан. Владимирка. 1892. Х., м.
Государственная Третьяковская галерея, Москва

Итак, живописные произведения художников-передвижников, в которых воплощен мотив странничества, можно уверенно подразделить на две группы. В работах первой группы тема странничества представлена

эксплицитно за счет их центрального образа – богемца, странствующего певца, нищего, калики перехожего и т. д. Произведения второй группы представляют собой пейзажи, в которых феномен странничества отражен имплицитно, на уровне подтекста. Архетип странничества передается в данных пейзажах за счет определенного хронотопа, разомкнутого как в аспекте пространственных, так и временных характеристик. Этот хронотоп с точки зрения смыслообразующей представляет собой фрейм восприятия, который обогащается за счет исторической, коллективной и инди-

видуальной памяти зрителя, погруженного в русскую природу, историю и культуру. Именно его, зрителя, эмоциональные коннотации делают данные пейзажи повествовательными, заставляют размышлять о прошлом, настоящем и будущем как самого себя, так и своего отечества. Так живописные пейзажи членов ТПХВ в образной форме представляют собой поиск ответа на вопросы об идентичности России, о месте человека на ее бескрайних просторах и о его роли в ее многовековой истории, становясь своеобразным «Камо грядеши» на русской почве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балонова М.Г. Memory studies: аспекты применения в искусствоведении // Вестник Нижегородского института управления: электронное научное издание. — 2016. — № 3. — С. 39-45. — URL: http://old.niu.ranepa.ru/nauka/?page_id=7158 (дата обращения: 02.05.2020)
2. Балонова М.Г. Странничество в русской живописи второй половины XIX века (к постановке проблемы) // Вестник Нижегородского института управления: электронное научное издание. — 2020. — № 1. — С. 32-35. — URL: http://services.niu.ranepa.ru/nauka/?page_id=8472 (дата обращения: 02.05.2020)
3. Дорофеев Д.Б. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Вестник культурологии. — 2010. — № 1. — С. 63-87.
4. Смирнов И.П. Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности. — СПб.: Алетейя, 2006. — 288 с.

© Балонова Марина Григорьевна (balonova76@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия государственной службы и народного хозяйства
при Президенте Российской Федерации

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОДХОДА К СОЗДАНИЮ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА НА ОСНОВЕ МЕТАМОДЕРНИСТСКОГО ПОНЯТИЯ «ОСЦИЛЛЯЦИЯ»

Васильева Евгения Николаевна

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
deminmikhail@live.com

**DEVELOPMENT OF A CONCEPTUAL
APPROACH TO THE CREATION OF WORKS
OF ART BASED ON THE METAMODERN
CONCEPT OF «OSCILLATION»**

Ye. Vasileva

Summary: The article presents the main concepts of the metamodern philosophy, which formed the basis of the author's artistic project. The article considers the method of creating a work of art based on the reinterpretation of the metamodern philosophy and the transfer of the oscillation principle into artistic practice.

Keywords: metamodernism, philosophy, modern art, method, oscillation.

Аннотация: В статье представлены основные положения философии метамодерна, которые легли в основу художественного проекта автора статьи. Статья рассматривает метод создания художественного произведения, основанного на переосмыслении философии метамодерна и переноса принципа осцилляции на художественную практику.

Ключевые слова: метамодернизм, философия, современное искусство, метод, осцилляция.

Введение

Концептуальное искусство сформировалось как художественное направление на рубеже 60-х и 70-х годов прошлого века [1, с. 237]. Отличительная особенность данного направления в том, что идея произведения искусства играет более важную роль и несет более значительную смысловую нагрузку, чем физическая репрезентация, полученная в ходе художественной деятельности [2, с. 18]. Так как цель концептуального искусства состоит в передаче идеи, то и концептуальные объекты могут существовать в виде фраз, текстов, схем, графиков, чертежей, фотографий, аудио- и видеоматериалов. Поскольку концептуальное искусство представляет собой чистый художественный жест, его объектом может стать любой предмет, явление, процесс.

Концептуальное искусство обращается не к эмоциональному восприятию, а к интеллектуальному осмыслению результата. Поэтому оно может стать формой выражения не только эстетического переживания художника, но и интеллектуального высказывания или анализа.

Концептуальное искусство не привело к возникновению и развитию четко очерченной визуальной формы, которую можно было бы охарактеризовать как «концептуализм». Концептуальное искусство скорее представляет собой исторический феномен, характерный для эпохи постмодерна. Концептуализм отличается от таких течений как формализм, институционализм, экспрессионизм, поскольку не делает различия между

искусством и не искусством и не устанавливает критерии для эстетической оценки произведения искусства [3, с. 42].

Невозможность существования концептуализма, как визуально-обособленного течения, доказывается через силлогизм: 1) Все искусство в той или иной степени концептуально. 2) Ни одно искусство не может быть полностью концептуальным. Из чего следует, что 3) не может быть отдельного вида, называемого концептуальным искусством, в то время как одно искусство может быть более концептуально, чем другое [4, с. 3].

Первый тезис говорит о том, что любое искусство подразумевает процесс создания концепта (замысла), наделенного композицией, формой, посылом и так далее.

Второй тезис, согласно которому любое искусство не может быть полностью концептуальным, объясняется тем, что ни одно произведение не может быть чистым концептом, обобщенной идеей. Любое искусство обретает форму только в каком-либо воплощении – будь то краски, глина, музыка, слова, письмо или движение. Художественное выражение, облеченное в конкретную форму, является одной из определяющих особенностей произведения искусства. Иными словами, искусство подразумевает создание объекта – пусть и не обязательно физического. Если идея существует лишь в форме концепта, то ее следует относить к сфере философии, а не искусства [4, с. 4].

Таким образом, концептуальный подход к искусству характеризуется вовсе не наличием замысла (так как замысел существует в любом искусстве), но особым отношением к воплощению. Искусство концепта призвано создавать и развивать нетрадиционные и нетривиальные идеи и практики (в том числе лингвистического характера), а также эксперименты по соединению различных практик в одном произведении.

Все эти особенности концептуального искусства нашли свое отражение в произведении автора проекта, для которого ведущую роль играла идея, нашедшая свое отражение в формировании принципа создания произведения искусства. Основой для проекта послужила философия метамодерна. Причина обращения к этой философской парадигме, которая находится в процессе формирования и не имеет четко определенных границ, состоит в желании выявить новый подход к созданию произведений искусства, который отразил бы современные течения в обществе и философии.

Основы философии метамодерна и понятия «ОСЦИЛЛЯЦИЯ»

Термин *метамодернизм* был введен голландскими философами Тимотеусом Вермюленом и Робинотом ван ден Аккером в 2010 году [5, с. 238]. Метамодернизм переосмысливает основы классического романтизма и возрождает интерес к поиску универсальной истины [6, с. 1]. Таким образом, метамодернизм утверждает, что мироощущение современного человека находится в состоянии колебания между культурами модернизма и постмодернизма [7, с. 92]. Метамодернизм – это сочетание просвещенной наивности, прагматического идеализма, умеренного фанатизма и колебаний между иронией и искренностью, конструкцией и деконструкцией, апатией и влечением ради достижения состояния превосходства (трансцендентности). Поколение метамодернизма осознает, что можно быть ироничными и искренними одновременно – при этом одно необязательно должно вытеснять другое [8, с. 327].

Использование приставки «мета» происходит из платоновского термина *metaxis*, описывающего колебание между двумя абсолютно противоположными понятиями. Согласно идеям Вермюлена и ван дер Аккера, колебания метамодернизма не должны рассматриваться как некий баланс. «Скорее, это маятник, раскачивающийся между множествами полюсов. Каждый раз, когда энтузиазм метамодернизма качается в сторону фанатизма, серьезность направляет его обратно к иронии. В тот же момент ирония колеблется в сторону апатии, и тогда серьезность (равновесная сила) движет ее обратно в сторону энтузиазма» [9].

Сегодня, когда постмодернистское мышление сменя-

ется на новую парадигму под названием метамодернизм, наблюдается импульс к возрождению трансцендентного и архетипического [10, с. 24]. Миф и великие нарративы получают вторую жизнь, интерес к «вечному» и «универсальному» снова становятся актуальными.

Для описания современного социума философия метамодерна выработала ряд терминов. *Осцилляция* – это колебание между максимумами [11, с. 202]. По выражению создателя концепции метамодерна Робина ван ден Акера, «осцилляцию общества и личности можно сравнить с колебанием маятника, который, достигнув одного края, устремляется в противоположный, обеспечивая тем самым непрерывное движение и обновление» [12].

Поэтому метамодернизм объединяет иронию и прагматизм постмодерна, искренность романтизма, рациональность и иррациональность. Несмотря на парадоксальность совмещения противоположных понятий или явлений, осцилляция становится источником движения вперед и достижения нового уровня восприятия реальности.

Само понятие «осцилляция» (колебание) заимствовано из научной терминологии. У растений осцилляция проявляется в виде циркадного ритма (колебания концентрации молекул, связанные со сменой дня и ночи), который позволяет растительному организму балансировать между светлым и темным временем суток [13, с. 3]. Скрытый молекулярный механизм, работающий секундно и реагирующий на все происходящее вовне, помогает растению развиваться и двигаться вперед на протяжении многих лет. Схожие процессы осцилляции наблюдаются и в человеческом мире (чередование экономических кризисов, войн, волн миграций и изменения экологии) [14, с. 24].

В основу художественного метода, разработанного в данной статье, был взят изложенный принцип осцилляции. Однако такие ключевые характеристики метамодерна как возвращение к универсальным идеям модернизма и классическому искусству также нашли отражение в разработанном автором подходе.

Разработка подхода к созданию нового произведения искусства

В рамках работы над проектом был разработан подход к созданию произведений искусства, который можно свести к следующему алгоритму:

1. Анализ философского концепта «осцилляция» и его схематизация;
2. Выбор темы будущей работы и подбор готовой художественной работы автора с целью её дальнейшего развития;
3. «Осцилляционный» анализ работ мастеров, вдох-

новивших автора, при работе над выбранным произведением;

4. Поиск нового источника вдохновения, в работах которого можно найти новые осциллирующие элементы, не заложенные в предыдущей авторской работе;
5. Выбор материалов для символического выражения отобранных осциллирующих элементов;
6. Создание финальной работы, включающей как старые, так и новые противоположности.

Этап 1

Первым шагом в создании произведения искусства стала схематизация философского принципа осцилляции (рис. 1). Как было сказано ранее, осцилляция становится источником движения вперед и достижения нового уровня восприятия реальности через парадоксальность совмещения противоположных понятий.

Поэтому новое произведение или новая ступень развития достигается путем анализа противоположностей на существующем этапе (уже созданном произведении) и добавления новых противоположностей, не существовавших ранее. Иными словами, создание произведения искусства построено на дополнении существующего набора характеристик новой парой осциллирующих понятий, которые модифицируют изначальное произведение и вносят новый смысл.

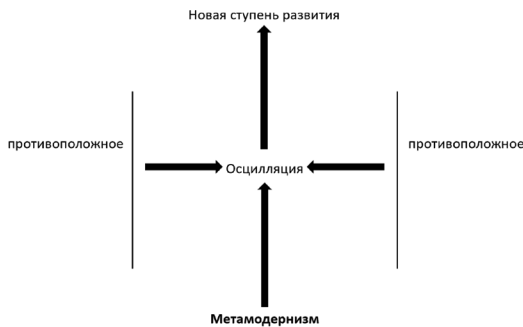

Рис. 1. Схематичное представление принципа осцилляции в философии метамодерна

Этап 2

Для создания нового произведения автор выбрал тему «По ту сторону». В качестве отправной точки было взято уже имеющееся собственное произведение из проекта «To the wonder» (рис. 2). Данное произведение, построенное на визуальном совмещении противоположностей – черного и белого цветов. Используется цветовая символика, в которой белый выступает символом доброго и невинного, в то время как черный цвет выражает чувство бесперспективности и зла. Человеческие

фигуры находятся на грани двух противоположностей, осциллируя между добром и злом в поисках правды.

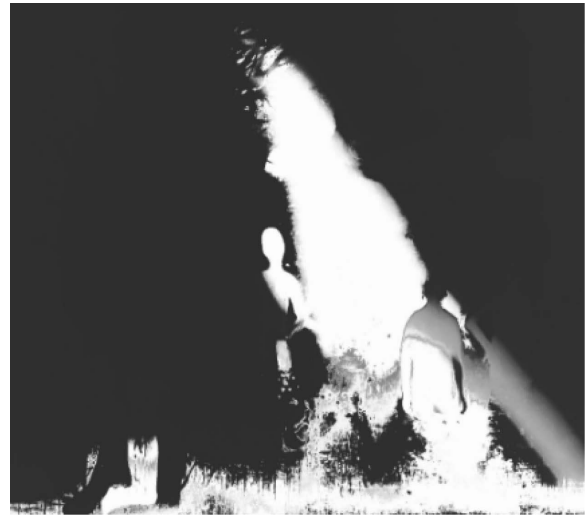

Рис. 2. Eva. To the wonder (2017)

Поиск осциллирующих друг с другом противоположностей в произведениях искусства можно назвать «осцилляционным анализом». В рамках данного проекта сначала были проанализированы картины мастеров прошлого, которые вдохновляли на создание выбранной работы из проекта «To the wonder».

Данный анализ позволил выделить следующие противоположности, заключенные в работах мастеров:

1. Бог – Человек (Микеланджело. Сотворение Адама);
2. Свет – Тьма (Ансельм Кифер. Человек в лесу);
3. Духовное – Материальное (Вильям Блейк. Великий архитектор);
4. Фантазия – Реальность (Сальвадор Дали. Падший ангел);
5. Смерть – Жизнь (Луи Буржуа. Клетка);
6. Рай – Земля (Ансельм Кифер. Зимний пейзаж);
7. Наслаждение – Боль (Лучио Фонтана. Concetto spaziale).

Все найденные в работах мастеров противоположности можно найти в работе «To the wonder», так как данная работа во многом вдохновлялась темами, идеями и парадоксами рассмотренных картин. Все перечисленные противоположности должны стать основой для нового произведения.

Этап 3

Для создания нового произведения необходимо было найти новую осциллирующую пару, чтобы внести новый смысл, не имевший место ранее, что схематически представлено на рисунке 3. Новые осцилляци-

онные пары следует искать в искусстве художников, представляющих интерес для автора, но чей подход отличается от того, что вдохновляло на создание предыдущей работы.

Рис. 3. «Осцилляционный» анализ работы To the wonder

В рамках данного проекта таким художником стал Марсель Дюшан и его работа «Фонтан». Интерес к творчеству Дюшана вызван его связью с концептуальным искусством. Своими корнями концептуальное искусство уходит к движению дадаистов, и, в частности, к работам Марселя Дюшана. Концептуализм вдохновляется такими характеристиками философии Дюшана как антиискусство, антиумение, антиобъект. Дюшан был первый, чей интерес в искусстве смещается в сторону создания теоретических проблем и путей их решения в той форме, которая предпочтительна ему самому (язык, перформанс, документация, манипуляция окружением). Кроме этого, Дюшан ввел в искусство такое понятие как редимейд, первым переместив объект из нехудожественного пространства в художественное [15, с. 7].

Концептуальный подход, придуманный автором, был использован для анализа произведения «Фонтан». При проведении «осцилляционного» анализа в работе автору удалось найти новую дихотомию противоположностей – Тривиальное и Поэтическое.

Этап 4

Следующим шагом становится создание произведения искусства на основе найденных осциллирующих понятий. Принципиальной особенностью становится включение всех противоположностей в символической форме в финальное произведение.

В качестве объектов для создания финальной работы выбраны коробка-футляр для ювелирных изделий и швейные иглы. Данные объекты были выбраны через ассоциацию, так как с позиции автора каждый из них содержит в себе и отражает отобранные понятия, визуализируя таким образом осцилляцию между противоположностями (рис. 4).

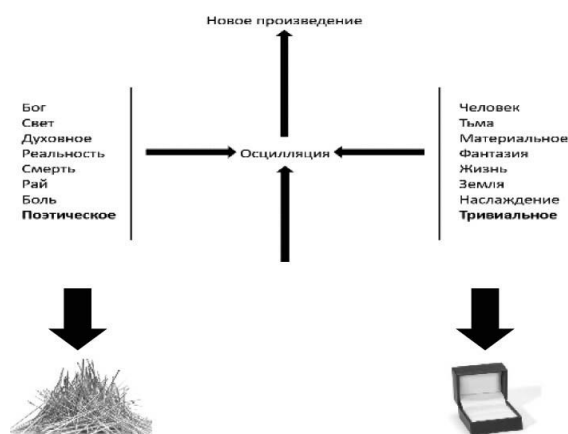

Рис. 4. Список осциллирующих понятий, которые должны быть включены в финальную работу

В рамках данной работы автор ассоциирует Божественное со светом истины, который познается через духовность. Обладая духовностью человек, открывает для себя новое знание, скрытое от материального мира, но путь к духовности связан с болью и страданием. Согласно Библии, Божественный мир был утерян человеком, изгнанным из Рая, после чего люди стали смертными. Чтобы избавить людей от первородного греха и позволить им снова войти в Рай, Иисус Христос совершил жертву, пройдя через распятие и воскреснув. Образ иглы, с позиции автора, отсылает к символам жертвы Христа.

Работа рассматривает и другую, материальную, сторону человеческого бытия. Человек подвержен соблазнам и стремится к удовлетворению своих земных, тривиальных потребностей, которые сводятся к погоне за богатством и статусом. Однако такие потребности можно уподобить миражу или фантазии, так как они не могут быть удовлетворены и не дают истинного счастья. Двигаясь по пути земных наслаждений, человек, согласно библейскому учению, движется от божественного света к тьме. Для изображения данных ассоциаций была выбрана закрытая ювелирная коробка, отражающая идею сокрытой неизвестности, темноты, которая скрывает материальное богатство.

Этап 5

В результате объединения этих двух материалов был создан малый скульптурный объект, совместивший иглы и футляр таким образом, чтобы отразить осцилляцию между всеми вышеупомянутыми понятиями (Рисунок 5).

Финальная работа построена на парадоксе: приятная внешняя оболочка скрывает разочарование. Предвкушение счастья осциллирует с болью, и в зависимости от того закрыта или открыта коробка, работа передает противоположные чувства, рождает абсолютно различные эмоции.

Рис. 5. Финальная работа, полученная в результате применения разработанного метода

Подобно маятнику, о котором говорил Тимотеус Вермюлен, рассуждая о понятии осцилляция, работа переносит

из одного спектра чувств в другой, отображая все заложенные в ней противоположности и представляя собой абсолютно новый объект и шаг вперед по сравнению с предыдущим произведением.

Заключение

Описанный подход представляет собой пример философской мысли в рамках художественной практики и подтверждает тезис о том, что в современном мире художественная деятельность перестает быть обособленной, отдельной от науки сферой. Процесс создания художественного произведения, описанный выше, показывает, что современное искусство может вступать в синтез с философией. Такой синтез не заменяет философское рассуждение, но дополняет его, помогая глубже понять заложенный философами смысл. Он также обогащает искусство новым творческим походом, который позволяет художникам создавать новые современные произведения искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пендикова И.Г., Дмитриева Л.М. Концептуальная идея: эволюция от концептуального искусства до коммуникативного проекта социальной рекламы // Омский научный вестник, н. 6 (102), 2011, с. 236-239.
2. Леванова Е.Ф. Современное искусство и его многомерность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, н. 3 (15), 2014, с. 14-19.
3. Шувалова А.С. Дематериализация арт-объекта концептуального искусства в свидетельствах Люси Липпард // Артикульт, н. 2 (10), 2013, с. 40-57.
4. Leuthold S. Conceptual Art, Conceptualism, and Aesthetic Education // The Journal of Aesthetic Education. no. 1 (33), 1999, pp. 37-47.
5. Морозов А.В. Осторожно, метамодерн: современность как зонтик и маятник // Galactica Media: Journal of Media Studies, т. 1, н. 3, 2019, с. 238-249.
6. Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Философско-литературный журнал «Логос», т. 28, н. 6 (127), 2018, с. 1-19.
7. Маркова А.С., Мамукина Г.И. Метамодернизм: преодоление дискретности и индивидуализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, н. 1, 2019, с. 89-98.
8. Гребенюк А.А. Культурно-исторический анализ переживаний человека эпохи метамодернизма // Азимут научных исследований: педагогика и психология, т. 8, н. 1 (26), 2019, с. 326-330.
9. Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме [электронный ресурс] URL: <http://metamodernism.ru/notes/> (13.04.2019)
10. Сербинская В.А. Постмодернизм и метамодернизм: разграничение понятий и черты метамодернизма в современной литературе // Парадигма: философско-культурологический альманах, н. 26, 2017, с. 22-30.
11. Спиваковский П.Е. Метамодернизм: контуры глубины // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, н. 4, 2018, с. 196-211.
12. Аккер Р. ван ден. Интервью. 2017. 1 марта. URL: <http://metamodernism.ru/robin-van-den-akker/> (accessed: 10.01.2020).
13. Яшин С.А., Самарцев И.Т. Вопросы математического моделирования процессов функционирования органов и систем человека // Концепт, н. 12 (16), 2012, с. 133-138.
14. Коптелов И.О. Экономический цикл и сущность его проявления // Вестник Челябинского государственного университета, н. 10 (264), 2012, с. 24-28.
15. Осминкин Р.С. От артефакта к арте-акту: реди-мейд как агент социального действия // Артикульт, н. 4 (20), 2015, с. 6-11.

© Васильева Евгения Николаевна (deminmikhail@live.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ КАК СФЕРА РИСКА

Григорьев Александр Владимирович

старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
grigorev.83@mail.ru

SOCIAL SELF-IDENTITY OF PERSONALITY AS A SPHERE OF RISK

A. Grigoriev

Summary: The purpose of the research is a philosophical analysis of risk situations that arise in the process of social self-identification of an individual. The study presents a comprehensive analysis of the phenomenal manifestations of risk in the processes of social self-identification. Two stages of self-identification of a person are identified: the formation of a hypothetical identity and its verification. The main risk situations in the processes of social self-identification and the factors that produce them are identified, as well as the main barriers to successful self-identification of the individual. The study shows that in the process of forming a hypothetical identity, there are risks associated with possible errors in self-esteem and motivation, as well as the risk of deformation of the hypothetical identity of the individual and violations in its functioning. The risks that arise at the stage of verification of hypothetical identity, which consist in the possibility of loss of self-realization and loss of self-development, were also identified.

Keywords: social self-identification; social risk; riskology; social self-determination; social roles; socialization, social philosophy.

Аннотация: Целью исследования является философский анализ ситуаций риска, возникающих в процессе социальной самоидентификации личности. В исследовании представлен комплексный анализ феноменальных проявлений риска в процессах социальной самоидентификации. Выявлены два этапа самоидентификации личности: формирование гипотетической идентичности и ее проверка. Выявлены основные ситуации риска в процессах социальной самоидентификации и факторы их продуцирующие, а также определены основные препятствия успешной самоидентификации личности. В исследовании показано, что в процессе формирования гипотетической идентичности существуют риски связанные с возможными ошибками в самооценке и мотивации, а также риск деформации гипотетической идентичности личности и нарушений ее функционирования. Также были выявлены риски, возникающие на стадии проверки гипотетической идентичности, которые состоят в возможности утраты самореализации и потерь саморазвития.

Ключевые слова: социальная самоидентификация; социальный риск; рискология; социальное самоопределение; социальные роли; социализация, социальная философия.

Введение

Способность личности к самоидентификации имеет важное конструктивно-созидательное значение для социально-экономического, политического и культурного развития общества. Для понимания необходимых условий успешной социальной адаптации и максимально эффективной реализации личностного потенциала требуется изучение факторов, детерминирующих процессы социальной самоидентификации. Особого внимания заслуживают ситуации риска, которые неизменно сопровождают процессы социальной самоидентификации личности, и изучение которых должно быть осуществлено с позиции социально-философской рефлексии, дающей возможность отвлечься от частного научного описания.

Для исследования большое значение имели результаты анализа природы и сущности самоидентификации личности, представленные в трудах С.С. Батенина, М. Вебера, В.Ф. Сержантова, Л.А. Зеленова, Л.Н. Когана, Р.С. Карпинской, А.Т. Москаленко, Н.Ю. Медведевой, В.Ф. Сержантова, К. Мангейма, К. Маркса, Э. Мунье, А.Г. Мысливченко, В.П. Тугаринова, В.А. Хорошилова, Л.В.

Филипповой и др. На исследование повлияла трактовка самоидентификации как поиска человеком своего социального предназначения, которая нашла свое отражение в трудах К. Барта, Э. Кассирера, Ж. Липовецки, Р. Нибура, Х. Ортеги-и-Гассета, Ж.-П. Сартра, М. Фуко, М. Хайдеггера, К. Ясперса и др.

Важно отметить, что осмысление феномена риска происходило с давних времен. В трудах Анаксимандра, Анаксимена, Аристотеля, Гераклита, Демокрита, Платона, Сенеки, Эпикура феномен риска связывался с понятиями «движение к неизвестному», «изменение», «случай». Философское осмысление феномена риска продолжилось в трудах Ж. Бодрийяра, А. Гелена, Т. Гоббса, Н. Макиавелли, Б. Паскаля, О. Ренна, Ж.-П. Сартра, А.Н. Уайтхеда, К. Ясперса и др.

Материалом для данной работы послужили результаты исследования проблемы влияния социокультурных факторов на восприятие и возникновение рисков в современном обществе, которые содержатся в трудах А.П. Альгина, У. Бека, Г.Н. Бочарова, Э. Гидденса, А.А. Зиновьева, В.И. Зубкова, С.А. Кравченко, С.А. Красикова, Р. Мертона, А.В. Молчанова, С. Хантингтона, К.А. Феофанова и др.

Источниками при осмыслении принципов минимизации рисков послужили работы Э. Гидденса, М.А. Сидорова, С.В. Щербина, В.В. Черкасова, Э.О. Човушаняна и др.

Однако в современной исследовательской литературе не нашли должного отражения проблемы, связанные с социальными рисками в ходе социальной самоидентификации личности относительно статусов и ролей. Процесс социальной самоидентификации является рискогенной ситуацией. Исследование включает определение рисков социальной самоидентификации личности и возможностей их минимизации. Объектом исследования является социальная самоидентификация личности. Предметом исследования являются риски сопутствующие этому процессу.

Целью исследования является философский анализ ситуаций риска, возникающих в процессе социальной самоидентификации личности. Данная цель предполагает решение таких задач как концептуализация феномена социальной самоидентификации личности, выявление специфики современного социокультурного контекста самоидентификации личности и рисков сопутствующих этому процессу.

Материалы и методы исследования

Тема исследования охватывает проблематику, разрабатываемую, с одной стороны, в контексте проблем самоидентификации личности, а с другой – в контексте проблемы социальных рисков. В силу этого данная работа опирается, во-первых, на материалы исследований проблем самоидентификации личности, причем в самых различных областях знания, во-вторых, на материалы рискологии – современной и еще молодой науки о рисках.

Материалами исследования послужили наработки разных областей знания, что позволяет говорить о междисциплинарном характере данной работы. Однако использование философской методологии подчеркивает философскую ориентацию данного исследования.

Методологической основой исследования является экзистенциально-феноменологический подход. Основной теоретической парадигмой анализа рисков социальной самоидентификации выступают идеи Ж.-П. Сартра, Н. Лумана, Э. Гуссерля, У. Бека, Э. Гидденса, А. Вилдавски, М. Дуглас, Ф. Найта, Э. Эриксона, К. Роджерса, ряда отечественных философов и психологов. Рискологический аспект процесса самоидентификации является одной из неисследованных тем, потому данное исследование следует считать «deskriptivным», описательным, что предполагает использование метода социально-феноменологического исследования.

Результаты исследования

Самоидентификация личности является процессом оптимизации отношений человека с социальной средой, в ходе которого, в процессе самоопределения социальных субъектов относительно статусов и ролей, уменьшается неопределенность, а значит и опасности социальной среды. В то же время, сам процесс социальной самоидентификации является рискогенным.

В социокультурном контексте современного общества существует множество факторов, обуславливающих риски самоидентификации. Среди таких факторов следует особо указать на такие, как неэффективное выполнение институтами социализации своих функций, ускорение течения социального времени и увеличение возможностей современных информационных технологий воздействовать на бессознательный уровень психики. Автор акцентирует внимание на том, что в процессе социализации социальная среда может препятствовать успешному самоопределению личности, создавая условия, затрудняющие свободное развитие личности. В условиях несвободного развития личности существует риск того, что персональная идентичность личности будет деформирована. Личная идентичность при несвободном развитии формируется личностью без опоры на представления о реальном «Я», а исходя из представлений об идеальном «Я». Подобная идентичность тормозит, деформирует и сковывает развитие личности и может привести к конфликтам, утрате самореализации и смысла жизни.

Факторы рисков самоидентификации «обусловлены как внешними обстоятельствами, так и внутренними, субъективными личностными моментами. Причем объектом риска может быть как личность, так и социальная среда. Рискообразующим фактором является возможность противоречия между нормами и ценностями личности и общества, а также между целями и потребностями личности и возможностями их легитимного достижения и удовлетворения» [1, с. 82]. Фактором риска является также наличие противоречия, дисбаланса в структуре личности между ее возможностями и стремлениями.

В процессе формирования гипотетической идентичности личности существуют риски ошибок самопознания и риски ложной мотивации, так как существует вероятность того, что истинные потребности личности, детерминирующие процессы самоидентификации, будут ею не осознаны под влиянием воздействия среды. Также необходимо указать на опасность деформации персональной идентичности (гипотетической идентичности) личности и нарушения ее функционирования.

Рисками, связанными с проверкой и освоением идентичности являются:

1. риск прекращения самореализации вследствие

несформировавшейся потребности в самоосуществлении или ошибок в расстановке приоритетов при выборе сфер опредмечивания личностью своего предназначения;

2. риск потери саморазвития личности, то есть подавление личностью своей индивидуальности из-за страха утраты каких-либо благ, прекращение проявления идентичности для других, что затрудняет сохранение личностной целостности, самоидентичности, приводит к потере смысла жизни, становится преградой для развития всех участников социальных отношений.

Человек наделен объективной потребностью в социальной самоидентификации, которую он сопоставляет с социокультурными ценностями общества, и в связи с чем, оказывается перед выбором наиболее для себя значимого. Выбор несет за собой риск, в том числе риск личностного кризиса.

Стремление человека быть принятым и понятым другими может стать причиной обезличивания, подавления собственной индивидуальности в угоду ожиданиям тех социальных групп, в которые включен. Страх быть не понятым в социальной среде может привести к подавлению реализации выбранной жизненной стратегии личности [1, с. 83]. Автором предлагается такой принцип минимизации и предотвращения рисков самоидентификации как феноменологическое осознание личностью своего опыта.

Научная новизна результатов исследования состоит в следующем:

- представлена модель концептуализации самоопределения личности, выявлены его этапы и структура;
- выявлены риски, возникающие в ходе поиска личностью своей идентичности, к которым относятся, во-первых, риск ошибок самовосприятия и самооценки; во-вторых, риск ложной мотивации;
- проанализированы риски, связанные с проверкой и освоением идентичности.

Обсуждение

Результаты исследований представлялись и обсуждались на ряде конференций различного уровня, в том числе IV международной научной конференции «Философия ценностей» - (Курган, 10-11 апр. 2008 г.); V международной научно-практической конференции «Наука в информационном пространстве» - (Днепропетровск, 30-31 октября 2009 г.); Международной научной конференции «Информационно-образовательные и воспитательные стратегии в современном обществе: национальный и глобальный контекст» - (Минск, 12-13 ноября 2009 г.); Международной научной конференции «Актуальные вопросы современной философии и политологии» - (Липецк, 28 октября

2009 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Духовность как онтологическое основание бытия человека» - (Ставрополь, 2009 г.) и др.

Обсуждение показало наличие потребности в анализе рисков, связанных с частными видами самоидентификации личности. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшей разработке современных проблем социальных рисков и процессов самоидентификации. Материалы исследования могут быть использованы в преподавании курсов и спецкурсов по направлению: «социальная философия», «социальная психология», «рискология», «социология».

Заключение

Рискологический подход к изучению такого явления как социальная самоидентификация личности является перспективным, и в большей части не освоенным. Логика построения исследования связана с попыткой комплексного анализа феноменальных проявлений риска в процессах самоидентификации в условиях современной рискогенной социальной среды, а также попыткой концептуального оформления рискологической составляющей самоидентификации, имеющей своим основанием свободу и ответственность социального субъекта.

В исследовании представлена авторская модель концептуализации самоидентификации. Выявлены два этапа самоидентификации: формирование самопредполагаемой, гипотетической идентичности и ее проверка (усвоение идентичности). Выявлены основные преграды успешной самоидентификации личности и факторы, детерминирующие возникновение ситуаций риска в процессах самоидентификации. В исследовании показано, что в процессе изменений в структуре личности существуют риски связанные с возможными ошибками в самооценке и мотивации, а также риск деформации гипотетической идентичности личности и нарушений ее функционирования. Также были выявлены риски, возникающие на стадии проверки самопредполагаемой, гипотетической идентичности, которые состоят в возможности утраты самореализации и потери саморазвития личности.

Несмотря на значительное количество работ посвященных отдельным разновидностям самоидентификации, рискологическая составляющая данного явления социализации практически не находилось в фокусе исследования. Риск в социальном поведении это всегда форма отношения к реальности, а нечто-то измеримое и конкретное. Риск всегда есть нечто скрытое в повседневной реальности и выявляемое в момент кризиса, потому одной из основных целей данной работы было выявить основания существования рисков в развитии личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев А.В. Риски трансформации ценностных ориентаций молодежи в изменяющемся обществе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. № 1. С. 81-85.
2. Молчанов А.В. Значение культурной среды в отношении проблем риска и безопасности в современном социуме // Жизнь: бытийственный, ценностный и аксиологический аспекты: Сборник статей молодых ученых. – Саратов, 2008. – С. 38-41.
3. Бедаш Ю. Пространственная идентичность в эпоху глобализации // Топос. 2006. №1. – С. 169-174.
4. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: КДУ, 2010. 288 с.
5. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии, 2007. №1. – С. 26-46.
6. Бочарова Е.Е. Готовность к риску в соотношении с характеристиками осознанной саморегуляции и субъективного благополучия личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2011, выпуск 4. – С. 59-63.
7. Кленова М.А. Социальные представления о риске // Известия саратовского университета. 2011. Т.11. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 2. – С. 58-62.
8. Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек. // Вопросы философии, 2011. №1. – С. 37-48.
9. Леонтьев Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки, 2009. №10. – С. 5-10.
10. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии, 2010. №2. – С. 13-22.
11. Федин Д.С. Личностное бытие: институциональный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. Выпуск 1, том 12. - Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2012. – С. 35-38.
12. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 1024 с.
13. Forthomme B. LA passivité comme grain de folie ou l'épreuve majeure d'Emmanuel Levinas // Klesis, 2008. № 7. – P. 90-104.

© Григорьев Александр Владимирович (grigorev.83@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

НЕЙРОПСИХОАНАЛИЗ – НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ПОДМЕНА СМЫСЛОВЫХ ПЛАТФОРМ?

NEUROPSYCHOANALYSIS - A NEW LOOK AT HUMAN NATURE OR A SUBSTITUTION OF MEANINGS?

D. Danilkina

Summary: The article analyzes the methodological possibilities of pairing an extremely important area of modern interdisciplinary knowledge - neurobiology, on the one hand, and the preservation of important positions in the field of psychology of psychoanalysis, on the other. The correctness of the application of the dynamic localization method proposed by the Soviet scientist A.R. Luria, to the ideas of psychoanalysis.

Keywords: neuropsychanalysis, neurobiology, psychoanalysis, consciousness, behavior, interdisciplinarity.

Данилкина Дарья Сергеевна

Аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
darjadanilkina@rambler.ru

Аннотация: В статье проводится анализ методологических возможностей сопряжения чрезвычайно актуальной области современного междисциплинарного знания – нейробиологии, с одной стороны, и сохраняющего важные позиции в сфере психологии психоанализа, с другой стороны. Рассматривается корректность применения метода, динамической локализации, предложенного советским ученым А.Р. Лурия, к идеям психоанализа.

Ключевые слова: нейропсихоанализ, нейробиология, психоанализ, сознание, поведение, междисциплинарность.

Введение

Идея о локализации психических функций положила начало развитию современной науки – нейропсихологии.

Фрейд отвергал идею своих современников Брока и Вернике, о локализации психических функций в определенных сегментах головного мозга. Фрейд предполагал, что психические функции носят непрерывный и всеобъемлющий характер, более того, психические свойства не исчезают при локальных повреждениях мозга. Фрейд являлся сторонником идеи об умеренной локализации, он полагал, что функциональные состояния мозга определяют психологические свойства, а он состоит из определенных динамических центров, и функции не определяются в мозге локально.

Сторонники теории нейропсихоанализа утверждают, что критика Фрейдом теории о локализации имеет решающее значение, так как это позволяет объединить психоанализ с нейробиологией. Действительно, стоит сказать, что критика идеи об узком локализационизме Фрейда оправдана, современные исследования в области нейробиологии это доказывают. Впоследствии, появились возможности исследовать мозговую активность при помощи электроэнцефалограммы, метода вызванных потенциалов, а также МРТ и фМРТ, которые позволили регистрировать различные физиологические процессы, такие как память, внимание и т.д.

Сторонники нейропсихоанализа исходят из того, что,

во-первых, считают методы Лурия, в контексте «мозг-поведение», полностью идентичны методам, предложенным З. Фрейдом. Фрейд являлся сторонником идеи об умеренной локализации речи, а Лурия считал, что все компоненты речи должны быть локализованы. Отвечая на вопрос: «почему Фрейд не смог вывести подобных заключений из своей клинической практики?», нейропсихиатрики говорят о сложности теории языка, на которой основывались исследования Лурия, а так же о том, что в отличие от Фрейда, Лурии удалось создать методологический подход. Данные аргументы не являются вполне обоснованными, Фрейд и Лурия, ставили перед собой одну задачу, которая заключалась в стремлении показать, что нарушения ВПФ не являются необратимыми, их восстановление возможно. Но методы, которые ими были разработаны, существенно отличаются, некорректно говорить, что Лурия в отличие от Фрейда подошел к данной проблеме методологически. Фрейдом тоже был предложен метод, но только который не смог в полной мере объяснить структуру психических качеств.

В работе «Бессознательное» Фрейд пишет о том, что психическая деятельность связана с функциями мозга, но идея приписать психические функции определенным участкам мозга не имеет оснований, даже в силу неточности поставленной задачи. Идея представить мысли как скопления в нейронах, а возбуждение – процесс, проходящих по нервным волокнам – окончилась неудачей. Этот большой пробел наука заполнить пока не в состоянии. [Фрейд, 1998, с 161] Исходя из этого, Фрейд приходит к выводу, что изначально более рационально изучать психические процессы с позиций психологии,

чтобы объяснить внутреннюю структуру психики, а затем уже подходить к определению корковой структуры этих процессов. По мысли сторонников нейропсихологического анализа, такое заключение Фрейда дает право согласовать психоанализ с нейронауками, посредством «метода динамической локализации», предложенный А.Р. Лурия, который, по их убеждению, сможет воссоединить психоанализ с нейронаукой. А.Р. Лурия состоял в Московском психоаналитическом обществе, проводил исследовательскую и клиническую работу в области психоанализа. Многие ученые считают, что история психоанализа в Советском Союзе началась с деятельности А.Р. Лурия. Но в 30-х годах ученому пришлось покинуть Русское психоаналитическое общество и прекратить психоаналитическую деятельность, аргументируя такой поступок разочарованием в психоанализе, как науке, которая, как оказалось, не способна решить проблему различия между номотетическими и идеографическими подходами. Причиной отказа от психоаналитических идей также послужил факт исключения психоанализом из поля своего исследования - социальной природы человека, что, в свою очередь, по убеждению А.Р. Лурии, является большой ошибкой. Но сторонники нейропсихологического анализа уверены, что отречение А.Р. Лурия от психоанализа было совершено из-за политического давления, и сам Лурия остался верен своим убеждениям.

Сразу хочу отметить, что принцип динамической локализации высших психических функций был сформулирован И.П. Павловым, а после нашел свое развитие в трудах А.Р. Лурия. Смысл данного учения заключается в том, что высшие психические функции осуществляются системами зон коры головного мозга, которые являются функционально высококодифференцированными. Т.е. если изменяется структура с развитием функции, то меняется и ее локализация (например, если происходит поражение зоны головного мозга, то меняется и локализация функции). Лурия предложил системный подход анализа ВПФ, который включает в себя стадию квалификации симптома и его анализ. Т.е. нужно искать, а не описывать фактор, который является причиной нарушения ВПФ, и прежде чем квалифицировать симптом, нужно изучить его структуру. Анализ симптома предполагает определение нарушения других функциональных систем, в результате поражения единичного участка мозга.

В ходе работы «Толкование сновидений» Фрейдом были выдвинуты 4 постулата:

1. Психические процессы носят бессознательный характер.
2. В психической жизни отсутствует понятие «случайность».
3. Бессвязные мысли не представляют собой отклонение от нормы.
4. Психика существует как непрерывный процесс.

Предложенная Фрейдом теория психики, состоит из трех ключевых структур: Я, Сверх-Я, Оно. Я представляет орган психики, включающий как сознательные, так и бессознательные компоненты. Сверх-Я объясняется как бессознательный компонент психики, отвечающий за моральные ценности. Компонент Оно по своей природе является бессознательным и представляет собой комплекс инстинктивных влечений, половых и агрессивных.

Нейропсихологи называют бессознательное – истинным объектом исследования научной глубинной психологии. Не нужно забывать тот факт, что Фрейд убрал свою теорию о бессознательном из ранга естественных наук, тем самым сведя на нет возможность связать эту модель с достижениями современной нейробиологии.

Лурия выделяет три функциональные блока мозга, которые необходимы для осуществления психической деятельности. Первый блок представляет собой аппарат регуляции тонуса и бодрствования, он обеспечивает полноценную работу речевого аппарата в состоянии бодрствования, т.к. именно в таком состоянии, человек способен осуществлять полноценный контроль над своей психической деятельностью. Так же стоит отметить, что данный блок не отвечает за прием и переработку информации извне. В середине 20 века, Морuzzi и Мэгун было обнаружено образование – ретикулярная формация, которое способно изменять тонус мозговой коры и приводить ее в состояние бодрствования. Второй блок отвечает за переработку и хранение информации. Теменная область отвечает за ориентацию в пространстве и обеспечивает кожную чувствительность, так же теменная область включает в себя центры праксиса, под которыми понимают сознательные произвольные действия, которые формируются в процессе обучения. Затылочная область обеспечивает переработку зрительной информации, височная – слуховой. И третий блок отвечает за регуляцию и контроль сложных форм деятельности, он регулирует поведение в соответствии с поставленными целями и задачами, но эта регуляция осуществляется только при условии участия речи. [Лурия, 2003, с 88-126]

Нейропсихологи пытаются «вписать» в эту вышеназванную концепцию психоаналитическую теорию Фрейда, с целью показать объективность гипотез Фрейда.

Блок регуляции тонуса и бодрствования, психологи называют аналогом психической инстанции, которая в психоанализе описывается как Оно. Источниками эндогенной активации являются внутренние циклы нейронных групп, химические процессы организма и внешний мир. Последний тесно связан с понятием внимания, формирующего определенные шаблоны поведения, которые закладываются прошлым опытом и, по

своей природе, являются врожденными и тесно связанными с памятью. [Каплан-Солмз, 2016, с 232-233]

Модифицируют эти процессы, так называемые, метаболические и гуморальные регуляции в организме. Далее, если отсутствует внешний объект, который составляет внутреннюю потребность, то включаются механизмы памяти, что направляет сознание на потребность. Т.е. получается, что источники активации взаимодействуют друг с другом. [Каплан-Солмз, 2016, с 234-236]

Эти данные многие нейропсихологи используют для того, чтобы подтвердить фрейдовскую теорию структурных отношений личности, выводя на один уровень понятие «активизирующая система» и «резервуар либидо» - скопление инстинктов и сексуальных влечений. В этой связи снова возникают вопросы: не имеем ли мы опять дело с подменой смысловых платформ? Хотя корректнее было бы поставить вопрос следующим образом: что все-таки проясняет такой синтез?

Приступая к анализу функционального блока, который отвечает за регуляцию и контроль деятельности, нейропсихологи констатируют, что им снова с поразительной легкостью удалось найти анатомические связи с метапсихологическими работами Фрейда. [Каплан-Солмз, 2016, с 236] Процессы, которые порождает этот функциональный блок, по утверждению сторонников нейропсихологии, имеют отношения к структурированию Сверх-Я. [Каплан-Солмз, 2016, с 241]

Это объясняется тем, что речь ребенка совершенствуется, когда он слушает голос родителей и пытается подстроиться под него, корректируя свое поведение, у него развивается способность критически его оценивать. Таким образом, Сверх-Я формирует барьер, который защищает Я от влечений и требований.

Интересным в это связи является факт, что у людей с шизофренией и аутизмом эта система функционирует слабо. Все вышеперечисленное еще раз говорит о том, что в ходе экспериментальной проверки, некоторые идеи А.Р. Лурия подтвердились. Возможно, такое внедрение психоаналитического учения Фрейда о Сверх-Я в вышеизложенную концепцию, представляется спорным. Действительно, Сверх-Я, в теории Фрейда, представляет собой комплекс моральных ограничений. Формирование Сверх-Я связано с преодолением Эдипова комплекса, существование которого, вызывает большие сомнения. Сверх-Я, в теории Фрейда, формируется следующим образом: «Идеалу Я» пришлось трудиться над вытеснением Эдипова комплекса, более того, что само оно и возникло даже в результате этого перелома... Чем сильнее был Эдипов комплекс, тем быстрее (под влиянием авторитета, религиозного учения, обучения и чтения) произошло его вытеснение, тем строже

«Сверх-Я» будет позже царить над «Я» как совесть, может быть, как бессознательное чувство вины». [Фрейд, 1991, с 370] Нейропсихологи несправедливо «опустили» психоаналитическую трактовку формирования Сверх-Я, которую даже с большой натяжкой тяжело внедрить в модель Лурии. Сторонники нейропсихологии, основываясь на методе динамической локализации А.Р. Лурия, который, по их мнению, способен воссоединить психоанализ и нейробиологию, предлагают показать его эффективность в контексте последних исследований в области сновидений. Основываясь на данных компьютерной томографии, удалось выяснить, что сновидения нарушаются при повреждении шести различных зон головного мозга. При повреждении в нижней теменной области – сновидение не осознается. Повреждение в левой нижней теменной доли проявляется в неспособности строить абстракции. [Каплан-Солмз, 2016, с 48-50]

Далее, следуя методу Лурии, можно заключить, что нарушение сновидения укладывается в этот синдром и такие понятия как абстракция, осмысление и символизация, являются функциональными компонентами процесса сновидения. Повреждение правой нижней теменной доли связано с фактором, который определяется нарушением способности удерживать зрительно-пространственную информацию в сознании, [Каплан-Солмз, 2016, с 50-51] из этого можно заключить, что данная функция так же является неотъемлемой составляющей сновидения.

Билатеральные повреждения белого вещества головного мозга, сопровождаются адинамией. Фундаментальной нарушенной функцией в данном случае является спонтанная мотивация. [Каплан-Солмз, 2016, с 51-52]

В отечественной психиатрии под термином «адинамия» подразумевается не снижение мотивационного побуждения, а значительный упадок сил и мышечную слабость. Возможно, здесь имеется в виду понятие «аспонтанность», которая характеризуется невозможностью самостоятельного включения больного в выполнение какой-либо деятельности, когда на просьбу показать какое-либо движение – реакции не поступает. [Визель, 2005]

Нейропсихологи уверены, что такого рода данные, подтверждают точку зрения Фрейда о том, что сновидения не носят отрывочный характер, а поддаются толкованию. Можно согласиться с тем, что сновидения психологичны, но вопрос о возможности их толкования, остается открытым. Толковать сновидения, в рамках модели психоанализа, значит методом свободных ассоциаций выявлять подавленные желания, толковать символы, но которые, как правило, предполагают сексуальный контекст, что еще раз говорит о пробелах в попытке интеграции двух дисциплин.

Можно согласиться с израильскими учеными Бласс и Кармели, которые, находясь в оппозиции к нейропсихологическому анализу, говорят о том, что регистрация уровня активности мозга во время сновидения, ничего не добавляет к психоаналитической теории желаний. [The British Journal of Psychiatry, 2013]

Более того, нейронаука ставит под сомнение осмысленность таких процессов, поэтому описание нейронных коррелятов, лежащих в основе сновидения, не дает содержательных данных.

В отличие от Фрейда, К. Юнгом был выстроен более целостный подход к пониманию сновидений. Отказавшись от метода свободных ассоциаций, и используя метод ассоциаций, который способен возвращать сновидца к анализу первоначального образа в сновидении. Юнг считал, что исключительно в базовых сюжетах сновидения и заключается весь смысл. По Юнгу, нужно отличать сновидения, которые порождены повседневным опытом сновидца от сновидений, которые были рождены в глубинах коллективного бессознательного. Поэтому, чтобы уметь правильно искать смысл сновидения, нужно обладать глубокими знаниями в области мифологии и философии. Важно подчеркнуть, что согласно теории Юнга, задачей сновидения в контексте психической жизни, является восстановление психического равновесия. Анализировать «правильность» предложенного Юнгом подхода к анализу сновидения - задача отдельного исследования. Но метод поиска мифологических параллелей, скорее объясняется большим интересом Юнга к изучению мифологии, и сомнительность предложенной методики поиска универсального языка нашего подсознания, до сих пор вызывает много споров. Поэтому, психоаналитическое понимание толкования сновидений не совсем укладывается в рамки нейропсихологического подхода, предложенного А.Р. Лурия, как считают большинство нейропсихологов.

Действительно существуют случаи, когда пациенты перестают в сновидениях видеть мысленные образы, это происходит при повреждении височно-базальных областей коры головного мозга и расстройство сопровождается симптомом, который называется *visual irremembrance* или *visual anosmia*, буквально «невозможность представления». [Каплан-Солмз, 2016, с 52]

Данная патология характеризуется визуальной потерей образов сна, неспособностью вырабатывать ментальные образы как в сновидении, так и в состоянии бодрствования.

В отечественной литературе, объяснения такому понятию нет. Нейропсихологи, проводя параллель с теорией Фрейда, отмечают, что вышеописанная

ситуация, так же известная как зрительная активация образа, связана с фрейдовским понятием «визуальная репрезентация» и коррелирует со сновидением зрительно-галлюциаторного содержания. А также констатируют, что процесс зрительной активации образа схож с механизмом топографической регрессии, которую предлагает Фрейд. [Каплан-Солмз, 2016, с 56]

Отсюда нейропсихологи делают вывод о том, что абстрактному, символическому характеру сновидения, предшествует этап чувственного представления и, таким образом, процесс сновидения включает в себя галлюцинации. Действительно, Фрейд вводит понятие регрессии, под которой понимает важную черту процесса сновидения, имеющей галлюциаторный характер, а четкость зрительных восприятий обуславливается их перцептивной природой, а галлюцинации представляют собой мысли, которые превратились в перцептивные образы.

Как мы видим, здесь снова наблюдается неудачная попытка вписать новые исследования в области нейробиологии в рамки психоанализа. Проблеме нарушения образного мышления, в контексте данной проблемы, тяжело приписать галлюциаторный характер, исходя из принятых определений понятия «галлюцинация» в теории психоанализа.

Потеря способности различать реальность и сновидение наблюдается у пациентов с повреждением лобной лимбической области. Нейропсихологи приписывают данному синдрому фактор – нарушение тестирования реальности, термин, почерпнутый из психоаналитического учения, который означает неумение разграничивать психические образы и внешние объекты. [Каплан-Солмз, 2016, с 53] Примечательным здесь является то, что данный фактор сторонники нейропсихологического подхода соотносят с понятием дефицита психической избирательности, введенным А.Р. Лурия.

Действительно, в лекциях по общей психологии, Лурия приписывал мнестической деятельности (процесс специального запечатления и заучивания материала) избирательный характер, суть которого заключается в умении разграничить предложенный для запоминания материал от ассоциаций или впечатлений. В работах по нейропсихологии, в контексте исследований А.Р. Лурия, исследователи достроили понимание феномена: под дефицитом психической избирательности уже понимается неспособность различать восприятие, воспоминание, фантазию, сновидение и мышление. [Каплан-Солмз, 2016, с 67]

И последний симптом появляется при височно-лобных приступах, когда пациент сталкивается с частыми кошмарами, которые связаны с эпилепсией и

описаны как судорожные эквиваленты, из чего можно сделать вывод, что судорожная активность в лимбической области является катализатором такого рода сновидений, и отсюда можно заключить, что фактор эмоционального возбуждения играет одну из ключевых ролей процесса сновидения. [Каплан-Солмз, 2016, с 54-55]

Анализируя шесть симптомов, можно сделать вывод, что процесс сновидения работает по принципу функциональной системы, которая включает в себя шесть участков головного мозга, и функция сновидения не локализуется в пределах одной из областей, она представляет собой динамический процесс между этими областями, т.е. предложенный А.Р. Лурией метод динамической локализации, действительно, работает. Снова обращу внимание следующее обстоятельство: эти исследования были опубликованы Лурией уже не под влиянием психоанализа, но нейропсихоаналитики, как уже было указано выше, ссылаются на верность Лурии психоаналитическим традициям и утверждают, что метод, предложенный Лурия, полностью совместим с идеями Фрейда о неправомерности локализации психических функций в определенных областях мозга. Поэтому, утверждать, что данный факт свидетельствует о том, что базовые допущения Фрейда можно совместить с данными нейробиологии, на основании применимости на практике метода Лурии, нерационально. Эта идея задолго была сформулирована немецким физиологом Гольцем (1876-1881), в ходе экспериментов по удалению определенных участков коры больших полушарий у собак.

Он пришел к выводу, что после удаления отдельных участков, нарушение поведения проявлялось в реакции мозга как целого, далее функции и нарушения восстанавливались, из чего Гольц заключил, что «любая часть мозга имеет отношение к образованию воли, ощущений, представлений и мышления и что степень функциональной утраты стоит в прямой зависимости только от величины поражения». [Лурия, 1962, с 14]

Заключение

Толкование сновидений, считает Фрейд, является королевской дорогой к изучению подсознательной деятельности мозга. Утверждение, что каждое сновидение является исполнением желания – обосновать невозможно. Но Фрейд в этом случае делает достаточно интересный ход: он устанавливает правила расшифровки снов. Таким образом, изменяя трактовки, он всегда приходил к нужному заключению, даже если внешнее содержание снов подразумевало иное.

Для Фрейда важным было то, что он имел возможность решать, как интерпретировать определенный символ в сновидении. Но, труда не согласиться, что такой метод может свести к абсурду любую науку.

Вышеизложенные положения позволяют сделать выводы о том, что идеи психоанализа лишь частично подтверждаются нейробиологическими исследованиями, интерпретация нейробиологических открытий в рамках теории Фрейда, на сегодняшний день, не лишена противоречий. Возможно, требуется иной теоретико-методологический подход, который будет содержать строгие аргументы. Ведь многие положения психоанализа, при всем разнообразии средств, имеющихся у современной науки, сегодня нельзя проверить.

Стоит особо подчеркнуть три важных идеи, которые были предложены Фрейдом, и впоследствии легли в основу современной нейробиологии:

1. психическая жизнь в значительной мере управляется бессознательными процессами, сознанию принадлежит малая часть психики;
2. инстинктивное поведение (агрессивное и половое) управляется психическими процессами в головном мозге и содержится в геноме на ранних стадиях. Эту идею Фрейда подтверждают исследования, проведенные Панскеппом в 20 веке
3. психические расстройства нельзя отделять от психической жизни, составляющей норму, первые являются крайней формой нормальных процессов психики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баарс Б., Гейдж Н. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2 ч. Т. 1. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2014.
2. Баарс Б., Гейдж Н. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2 ч. Т. 2. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2014.
3. Баландин Р.К. Тупики психоанализа. Роковая ошибка Фрейда. М.: Вече, 2014.
4. Дубровский Д.И. «Обман. Философско-психологический анализ». URL: http://www.globalistika.ru/dubrovsky/nauchnye_texty/obman4.htm (дата обращения: 12.02.2020).
5. Дубровский Д.И. Бессознательное (в его отношениях к сознательному) и квантовая механика. URL: <http://novainfo.ru/article/780> (дата обращения: 03.03.2020).
6. Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследования. URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/ido/psix_fiz/ch1_4.html (дата обращения: 02.02.2020).

7. Каплан-Солмз К., Солмз М. Клинические исследования в нейропсихоанализе, введение в глубинную нейропсихологию. М.: Академический проект, 2016.
8. Конечный и бесконечный анализ Зигмунда Фрейда / Под ред. Д. Сандлера. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2016.
9. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003.
10. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во Московского Университета, 1962.
11. Риззолатти. Д., Коррадо С. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012.
12. Фрейд З. «Я и Оно». Тбилиси: Мерани, 1991.
13. Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: АСТ, 2014.
14. Фрейд З. Основные принципы психоанализа. М.: Рефл-бук, 1998.
15. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. СПб.: Алетейя, 1998.
16. Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Азбука-классика, 2006.
17. Фрит К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: Астрель; CORPUS, 2010.
18. Фромм Э. Теория Фрейда: Миссия Зигмунда Фрейда. Анализ его личности и влияния. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: Астрель, 2012.
19. Hobson A. Freud Returns? Like a Bad Dream // American Scientific. Volume 17, 2006.
20. Justifying psychoanalysis // The British Journal of Psychiatry, 2013.
21. Ramus F. What's the point of neuropsychanalysis? // The British Journal of Psychiatry, 2013.

© Данилкина Дарья Сергеевна (darjadanilkina@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МИФ И КИНО: ОПЫТ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ РУБЕЖА XX-XXI ВЕКОВ

Дятко Алёна Игоревна

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
yarolka@mail.ru

MYTH AND CINEMA: EXPERIENCE OF RUSSIAN-LANGUAGE THEORETICAL REFLECTION OF THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES

A. Dyatko

Summary: The target of research is the myth as one of the components of cinema language and value orientations. The article is dedicated to the comprehension of the Russian experience of theoretical reflection of the last turn of the century about the mythological component of cinematography. The Operational Definition of myth and its functionality has been developed on the basis of the analysis of several options for the interpretation of myth in philosophical and cultural researches. A deeper understanding of the internal changes in the mechanisms of the myth when used in cinema is realized by addressing the legacy of the world cinema classics, such as J. Cocteau, A. Tarkovsky and others. Domestic researches on the use of myth in cinema of the 1990s and 2000s were chosen as an object for analysis because of the actualization of the myth in crisis times, as one of the ways to restore the lost ontological foundations of identity. The purpose of this article is to try to explain how native researchers consider mythological involvement in cinema, being in the conditions of forming a new model of social structure. Comparative and hermeneutic approaches have been used to achieve this purpose. They are taken as a foundation for distinguishing methodological variations of research approaches of the turn of the century. The relevance of this article is due, firstly, to the lack of generalization of theoretical reflection in recent years on the importance of the myth in cinema in Russia, and secondly, to the huge popularity of the myth currently among filmmakers, with the apparent ambiguity of its interpretations. The article postulates the reorientation of transitional era cinematography from screening myths and using them as an ideological tool to existential and ethnosocial problems in order to create an image of "universal reality". Conclusion: The need to further explore the theoretical legacy of the myth in cinema.

Keywords: transitional era, myth, Russian cinema, crisis, New wave, theoretical reflection, ethnomorphology, aestheticization, ideology, screening.

Аннотация: Предмет настоящей статьи есть миф как один из компонентов киноязыка и взгляда на мир. Статья посвящена осмыслению отечественного опыта теоретической рефлексии рубежа XX-XXI веков по поводу мифологической составляющей кинотворчества. На основе анализа ряда вариантов истолкования мифа в философско-культурологических исследованиях, выведено рабочее понятие мифа и его функционал. Обращение к наследию классиков мирового кинематографа, таких, как Ж. Кокто, А. Тарковский и др., позволяет глубже понять внутренние изменения механизмов мифа при соединении его с кино. Отечественные исследования по использованию мифа в кино 1990-х и 2000-х гг. выбраны в качестве объекта для анализа по причине актуализации мифа в кризисное время, как одного из способов восстановления утраченных онтологических оснований идентичности. Задачей данной статьи является попытка объяснения, как в условиях формирования новой модели общественного устройства исследователи-соотечественники оценивают мифологическую включённость в кино. Для реализации означенной задачи были использованы компаративный и герменевтический подходы. Они берутся за основу при выделении методологических вариаций исследовательских подходов рубежа веков. Констатируется переориентация кинематографа переходных эпох от экранизации мифов и использования их как идеологического инструмента к экзистенциальной и этносоциальной проблематике в целях создания образа «универсальной реальности». Актуальность данной статьи обусловлена, во-первых, дефицитом обобщения теоретической рефлексии последних лет по поводу роли мифа в кино в России, и, во-вторых, огромной популярностью мифа в настоящее время у кинематографов, при явной неоднозначности его интерпретаций. В статье сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения теоретического наследия по проблеме мифа в кино.

Ключевые слова: переходная эпоха, миф, российский кинематограф, кризис, Новая волна, теоретическая рефлексия, этномифологизм, эстетизация, идеология, экранизация.

Введение

Миф и искусство во многом схожи. Так, «мифам свойственно претворение общих представлений в чувственно-конкретной форме, т. е. та самая образность, которая специфична для искусства и которую последнее в известной мере унаследовало от мифологии» [1, с.4]. Более того, миф входит в исследовательскую область целого корпуса гуманитарных дис-

циплин: религиоведения, гносеологии, антропологии, культурологии, филологии, лингвистики, психологии, эстетики, а также идеологии и политических наук. Междисциплинарность явления, с одной стороны, повышает интерес со стороны исследователя, а с другой, размывает четкие рамки использования понятия.

Нынешняя эпоха предоставляет неограниченные возможности доступа к информации; создавая, од-

нако, лишь иллюзорность обладания ею. Например, огромный пласт текстов последнего рубежа веков относительно соотношения мифа и кино до сих пор не систематизирован и пока еще не осмыслен в рамках единого исследования. В силу дефицита систематизации подобной теоретической рефлексии последних 20-30 лет в России, а также многозначности понятия «миф», его практической и теоретической актуальности в современном культуролого-эстетическом дискурсе, образовалась лакуна, требующая заполнения. Важно понять: как русскоязычные исследователи в условиях трансформации культурных детерминант оценивают мифологическую составляющую в кино? Привносит ли миф в него художественное и эстетическое наполнение, или же он является лишь опорной структурной матрицей донесения изолированного смысла художественного произведения?

Миф

Миф, мифология, мифологема, мифопоэтика, мифотворчество... Диапазон использования этих и производных от них понятий в современном общекультурном и философско-эстетическом дискурсах представляется пугающим даже для самого искушенного исследователя, не говоря уже о так называемом обывателе, — по причине своей плюральности и неопределённости внутренних коннотаций. Фактически «затёртые до дыр», с еле просматривающимися границами смыслов, «мифы» то и дело «снуют» в заголовках газет и журнальных статей, в критических отзывах и рецензиях на произведения искусства, в идеологически окрашенных, часто разоблачительных, слоганах. Несмотря на частую корреляцию знака «миф» «с взаимоисключающими значениями и употребляется не только как нечто многозначное, но и как весьма неопределённое» [2, с. 262], «мифы» всегда успешно выполняют функцию увлечения мысли реципиента за собой.

Сказанное в значительной мере объясняет выбор теоретиками одной из следующих методологий в трактовке мифа:

- а) *Преимственность*» есть один из самых частых и простых путей, когда рабочая концепция мифа перенимается у одного из предшественников, чаще всего классиков данной проблемной области. К ним мы можем отнести О. Ранка, А. Ф. Лосева, Р. Барта, М. Элиаде.
- б) *Разработка собственного терминологического аппарата.*
- в) Либо, что в последнее время встречается чаще всего, нежелание эксплицировать смысл рабочего понятия, даже если оно является важнейшим в данном труде. Такой подход мы назовём «*интуитивным*» — когда автор, а с ним и читатель, блуждают почти наощупь в будто бы самих собой

разумеющихся «мифах». Позиция эта в концентрированном виде представлена в докторской диссертации «Современность как история. Реализация мифа в документальном кино» современного искусствоведа Л. Мальковой. «Мы не стремились, — пишет она, — соблюдать терминологическую точность в нашей работе, полагая, что в контексте нам удастся прояснить, что мы имеем в виду» [3, с. 5].

Последний вариант обращения с заглавным термином, пожалуй, наиболее уязвим для критики. Почему? Бриколажно ассимилировавшись в прикладных сферах (будь то реклама или политехнологии), в теоретической рефлексии миф часто оказывается «наедине с самим собой». В таком контексте правомерно говорить о метауровнях мифа, формирующихся в процессе его собственной мифологизации, да и культуры в целом [3, с. 12]. Такого рода постмодернистское осмысление феноменов зачастую ограничивает возможности более строгой научной разработки понятий.

Сформулируем рабочее понятие мифа путем обобщения суждений теоретиков, разрабатывавших данную область. И попутно постараемся уяснить, как соотносятся друг с другом теоретическая и практическая компоненты мифа.

Солидаризируемся с тезисом современного философа Д.П. Козолупенко: Миф есть формообразующее звено всей жизнедеятельности человечества, своеобразное «*основание основания любой культуры*» [2, с. 9].

Данное определение может идти вразрез как с популярной семиотической концепцией мифа, разработанной Р. Бартом, где миф предстаёт в идеологизированном фокусе как «особая вторичная семиологическая система» [5, с. 25]; которая в зародыше неверным, искажающим реально возможное восприятие предмета рефлексии. Мы не отрицаем правомерность такого подхода. Однако отождествление мифа с ложью может, в одном случае, вести к неоправданному упрощению того сложного теоретического и эстетического конструкта, который был разработан Р. Бартом. В другом случае актуализируется лишь второе значение словесного знака «миф» (в обывательском представлении). Главным представляется следующее: бартовский миф не отмершее порождение, но огромный пласт современной культуры, реализующий себя, в частности, в кино, рекламе и т. п. с помощью знаков и символов.

Переходим к следующим характеристикам мифа — *цикличности* и его особой онтологической *реальности*. Вслед за классиком в области философии и, в частности, теории мифа и эстетики А.Ф. Лосевым, мы постулируем, что присущая современности реальность мифа [6, с. 50]

обнаруживается при восприятии вещей вне естественной причинности, как чуда. Миф есть событие, в каком-то смысле единожды произошедшее, но «повторяющееся постоянно» [7, с. 16]. Подтверждение этому тезису мы находим в работе Карен Армстронг, британского религиоведа и философа, «Краткая история мифа» (2005). Для современного человека, по Армстронг, эта циклическая мифореальность — кинематограф. «Добившись многого в материальной сфере, в сфере духовной мы не продвинулись дальше осевого периода; более того, отказавшись от мифа, мы, пожалуй, даже деградировали по сравнению с той эпохой.<...>Мы пытаемся «перейти порог»; «мы пытаемся забыть в волшебном мире кино» [7, с. 133].

Андрей Тарковский является одним из сильнейших мифотворцев от кинематографа, что видно во всех его произведениях. «Андрей Рублев», снятый в 1966 г. в СССР, переносит современного нам кинозрителя в средневековую Русь. Мифы берутся Тарковским не как нарратив, но лишь как архетипичные структуры, способные создать новую художественную реальность на экране. В частности, пристрастие Тарковского к использованию образа дождя как душеочистительного процесса базируется на древних мифологемах, связанных с потопами, присутствующими в том или ином виде во многих архаичных культурах.

Ситуация переноса прошлого в постоянно повторяющееся настоящее в полной мере обнаруживает себя в кинематографе: как за счёт «прямых метафор» (классический пример: библейское выражение «и камни возопиют» представлено в «Броненосце Потёмкине» С. Эйзенштейна встающими на дыбы каменными львами), так и ввиду «специфического синкретизма кинематографического языка» [8, с. 14]. В киноязыке цикличность не вступает в противоречие ни с глубинными архетипическими структурами нашей психики, ни с постоянным влечением человека к трансценденции.

К. Армстронг говорит о мифологии как об «особой форме искусства, устремленной за пределы истории ко вневременному ядру человеческого бытия» [7, с. 16]. Эта фраза представляется нам рельефным метафорическим описанием мифического, и одновременно она подтверждает мысль о *сакральности, таинстве мифа*, помогающего обществу переживать «переходные эпохи» истории или, в случае индивида, «пограничные состояния» (по К. Ясперсу). Мысль Армстронг созвучна интенциям и других теоретиков мифа, как «классиков» — Р. Барта, Ж. Делёза, М. Фуко, Е. М. Мелетинского, так и наших современников, создававших свои труды на рубеже веков (М. Альбедиль, В.А. Бачина, Д.П. Козолупенко, Д. Маклюэн, Дж. Кэмпбелл, Н.Е. Почининой, Н.А. Хренова и многим другим). Конечно, этот перечень не претендует на полноту, однако показывает, что в кон-

це XX века присутствует тенденция понимать миф не как некий нарратив, присущий Древности и реальный только в ней, но как реальность современности, преобразованную в виде искусства.

Мифологического сознания в его чистом виде не существует со времен раздвоения европейского сознания на миф и логос. Отрыв мифа от своей практически ориентированной направленности исторически совпадает с зарождением древнегреческой философии. Что влечет за собой *представление мифа лишь инструментом познания объективного и, как следствие, противопоставление его в этом отношении философии, в дальнейшем науке и религии.*

Попытки отказываться от всего мифологического достигают апогея в период «проекта Просвещения», который не только не достиг своей рационалистической цели, но, напротив дискредитировал себя в XX веке огромным массивом иррационального в культуре, представленного исканиями в области искусства «потустороннего» и мифологического (если не мистического) (в начале — авангардизм, в конце XX века — постмодернизм). В нашу эпоху миф наиболее сблизился с искусством, нашел в нём своё убежище, поскольку в переходные эпохи «искусство оказывается единственным средством институционализации личностного содержания» [8, с. 16]. В современных реалиях смещения акцентов культуры с литературоцентристских позиций на визуальные влечет за собой появление мифа в том модусе в кинематографе и медиаискусстве (которые в современной философии культуры именуют «виртуальными видами искусства»).

Веками не учитывавшаяся в теоретической литературе *компенсаторика мифа*, работающая в сфере искусства, начала активно разрабатываться в XX веке сначала психоанализом в индивидуализирующем подходе З. Фрейда, а потом и в юнгианских понятиях архетипов, лежащих в основе коллективного бессознательного: «духовного наследия всего, что было пережито человечеством», «общей души, не имеющей временных пределов» [10]. Это — фундаментальная «предпосылка каждой индивидуальной психики, подобно тому как море есть предпосылка каждой отдельной волны» [10]. Идеи Фрейда и Юнга впоследствии лягут в основу воззрений М. Маклюэна, Д. Кэмпбелла и С. Жижика, которые, не смотря на все очевидные разночтения в понимании исследуемого предмета, связывают воедино визуальные искусства, психоанализ и активизировавшийся интерес к мифу.

Тенденции понимания мифа в кино на рубеже XX-XXI веков

В философско-эстетических исследованиях, посвя-

ценных использованию мифа в кино рубежа XX-XXI веков, мы выделяем несколько методологических вариаций.

1. «Мифопоэтика» в кино как способ восстановления утраченных онтологических оснований в кризисное время.

Эта линия активно развивается нашими соотечественниками, для которых актуальность утраченной идентичности очевидна в свете событий, развернувшихся в 1990-х гг. на территориях бывшего Советского Союза. Работающие в данном направлении авторы склонны рассматривать миф в кино с этномифологических позиций.

Например, *Н.Е. Починина* [см. 11] обращается к проблеме актуализации мифа в кино рубежа XX-XXI веков на базе творчества Э. Кустурицы. Основной тезис её исследования: «Диахронизм мифа тесно и органично перекликается с характерными принципами искусства XX-XXI века» [11, с. 5]. Что наводит на такие мысли: онтологичность мифа в современной информационной культуре отличается от классического мифа или архаической практики экзистенцией индивидуума, погруженного в современную среду потребительского общества. Индивид перестаёт быть субъектом мифа, включаясь в систему стихийного мифологизирования. С помощью мифа, как и с помощью искусства, можно эффективно влиять на структуры сознания, обращая реципиента к бессознательным архетипам, которые воздействуют сильнее, нежели попытки рационального объяснения реальности.

Почему при прочих равных условиях Почининой был выбран именно Эмир Кустурица, а не другой режиссёр, или вообще — режиссёры? Думается, потому, что его творчество — сугубо авторское, национальное и цельное. Основой стиля Кустурицы стали: темпераментная и жестко реалистичная интерпретация действительности; романтическая «анархия» образного ряда плюс лукавая мудрость «черного юмора» (близкая к латиноамериканскому так называемому «магическому реализму»). Еще одной особенностью его картин стало использование балканской экзотики и фольклора, особенно актуальное с началом распада Югославии. Он обращается к самобытному фольклору и архетипам его Родины. Снимая фильм про одну только страну, автор нашумевших «Времени цыган» и «Черной кошки, белого кота» заслужил международную славу не только «фестивального» режиссёра в рамках элитарной культуры, но и «народного» вообще. Этот факт говорит о том, что архетипические образы и мифологемы, которые использует автор, сильнейшим образом воздействуют на сознание кинозрителей.

Российский филолог и культуролог *Н.Н. Гашева* [см. 12] в своей статье «Современное российское кино: культурологический аспект» (2012) также поднимает вопрос этномифологизма авторского кинематографа в кризисных условиях страны, как попытки конкурировать с научным дискурсом в интерпретации смысложизненной проблематики. Через анализ семантико-стилевых решений в российском авторском кино «Новой волны» автор обнаруживает ««перекличку» художественных текстов отечественного кино» [12, с. 92]. Последняя, по её мнению, служит маркером «русской идеи», формируемой на основе православно-христианского архетипа, к которому всё больше обращаются режиссёры. В числе фильмов, которые анализирует автор, «Яр» М. Разбежкиной (2007), «Юрьев день» (2008) и «Изображая жертву» (2006) К. Серебренникова, «Овсянки» А. Федорченко (2010), «Кочегар» А. Балабанова (2010), «Кислород» И. Вырыпаева (2010), «Курьер» К. Шахназарова (1998), «Край» А. Учителя (2010), «Жила-была одна баба» С. Смирнова (2010). Этих авторов Гашева относит к так называемой «Новой волне» российского кино.

Анализ статьи Гашевой показывает, что, центральной для современного авторского кино является, как она полагает, проблема внутреннего раскола русского мира и утраты идеалов в свете событий 1990-х гг.. Режиссёры «Новой волны» рефлексируют над произошедшим в стране, прибегая не к монументальной форме эпосов, а к личной биографии героя, обычно «маленького человека», существующего по законам нелинейного времени, времени внутреннего, цикличного, экзистенциального и мифологического.

Автор комментируемой статьи излагает свои суждения по поводу всех вышеназванных фильмов. Однако их подробное изложение и «верифицирование» не входит в нашу задачу. Наша работа имеет целью подготовку подступов к теме эстетизации мифа в современном кинематографе.

В порядке исключения остановимся лишь на одном из затронутых Н. Гашевой примеров.

Главный герой фильма А. Балабанова «Кочегар» — «маленький человек», представитель якутского этноса, который противостоит «большому», но безликому миру цивилизации. В сознании маленького героя прослеживается глубинное аксиологическое разделение на «свой — чужой», где первое — это добро, а второе — зло. Стало быть, бинарные оппозиции древних мифов живы; кочегар убежден, что плохие люди должны гореть, а хорошие — жить. Киноповествование находится как бы на границе между величественным античным эпосом и антиутопией. Сюжет фильма крайне минималистичен, как и его визуальный и аудиальный ряды. Последний представлен лишь гитарным фламенко Дидюли, погру-

жающим зрителя в атмосферу пессимизма и цикличности, из которой невозможно выбраться. Сюжет концентрируется на краткой истории любви, предательстве и мести «маленького человека». Художественный мир фильма аллегоричен. По Балабанову, Россия 1990-х гг. жила видоизменными архаическими мифами. Отличие современных охотников от охотников эпохи палеолита в том, что ныне все табу сняты, а охота идёт на своих сородичей. В итоге мы имеем своего рода антиутопию, которая, однако, реально существовала в пространстве истории нашей страны.

2. Миф в кино исследуется как идеологический инструмент манипуляции сознанием.

Сначала Р. Барт с его «Мифологиями», а вслед за ним и М. Маклюэн [см. 4] с его коммуникативной концепцией медиа и СМИ, образуют собой фундамент идеологического понимания мифа и видеорядов. Маклюэн воспринимал технические экстерниоризации человеческих способностей как мифометафоры: «*Все средства коммуникации – действующие метафоры*» [4, с. 135] Как любая метафора, они переписывают мир. Язык медиа и кино — как и язык вербальный, жест, каденция и ритм. Все языки – технологии. Человеку не дано осознать воздействия *средства*, а потому он смотрит на мир через *зеркало заднего вида*: новые средства понимаются как продолжение старых, они видимы, но незамечаемы. Лишь художнику дано быть *антенной нации*. Быть художником значит управлять мифометафорами: «*Художник из башни из слоновой кости переходит в башню управления обществом*» [4, с. 135].

Представительницей аналогичной тенденции Л. Малькова [см. 3, 13]. В её диссертации присутствует развернутый анализ киноработ Дзиги Вертова, первого документалиста СССР: «Три песни о Ленине», «Кинооки» и «Киноправда». Автор обращается и к игровым фильмам, выбирая из них идеологическую составляющую; рассматриваются работы А. Довженко и С. Эйзенштейна. Всех этих киномастеров исследовательница относит к мифотворцам. В центре внимания оказываются понятия «правды» и «образа правды». На заре советского кинематографа, в 1920-х гг., новому государству требовались поддержка и обоснование своей политической позиции со стороны кино. Малькова понимает «правду» в советском кино лишь с позиций инструментализма; сугубо идеологизированно. Однако мы осознаём, что в случае прочтения образа «правды» в чисто инструменталистском ключе, её идеологическое воздействие может быть расширено и на постсоветский российский кинематограф, что может вызвать достаточно «однобокое» прочтение.

3. Культуралистско-филологический подход: опыт экранизации мифов как литературного феномена с использованием особого художественного киноязыка.

Представление феномена мифа как нарратива — одно из самых распространенных в социокультурном дискурсе. Мы это связываем, во-первых, с тем, что знакомство с мифами начинается у человека обычно с книги «Сказания и мифы Древней Греции». Во-вторых, современная постмодернистская философия тяготеет к пониманию всего мира как некоего текста, а это влечет за собой и определение мифа и кинематографа в русле нарратологии. Несмотря на то, что данная позиция спорная, следует рассмотреть и её.

Обратимся к недавно вышедшей статье М.А. Корецкой, посвященной экранизациям мифа в кино. Автор именуется кинематограф «фабрикой мифов» [8, с. 13], поскольку есть «специфический синкретизм кинематографического языка» [8, с. 14]. Основной предмет рефлексии автора — это возможность перенесения образного языка мифа на язык кино. Такой перенос, по её мнению, принципиально возможен, так как изначально миф представлял собой «массу недискурсивных практик» [8, с. 14], в виде сакрального разыгрывания сакральных сюжетов. Что сообразуется с языком кино. Автор учитывает трактовку мифа как нарратива, что фактически не создаёт проблем для кино: ведь фильмы обычно строятся как раз по принципу повествования. Цикличность мифа, по мнению Корецкой реализуется в формате киносерии, сиквелов и приквелов, фильмов с одним актером и т.д. Сакральное соединение в мифе реализма и чуда, в кино предстает слиянием спецэффектов и изображения обыденного, позволяя представить любой фантазм как «саму вещь» [8, с. 15].

В статье Корецкой присутствует важное разделение на макро- и микронаррации мифов, где в первую категорию входят эпосы, былины и предания, а во вторую — отдельные мифы в узком смысле, а также легенды, былички и сказания. На примерах фильмов «Орфей» Жана Кокто (1949) и «Тени забытых предков» Сергея Параджанова (1964) автор показывает, что микронаррации могут быть успешно переведены на кинематографический язык в случае, если это кино авторское. Оно, в отличие от коммерческого, массового, может позволить себе быть метафорическим и этнографическим. Метафоричность мифа, представленная «лишь как пустая архетипическая структура» [8, с. 18], позволяет придать фильму большую художественную ценность и отдалиться от буквальности логики аутентичного мифа.

Р. Барт в своих «Мифологиях» приводит пример с «римлянами в кино» в ленте Манкевича «Юлий Цезарь», где все персонажи непременно должны носить чёлку, даже если она выглядит нелепо, — только потому, что она характеризует «римскость».

Для нас важно то, что М. Корецкая напрямую связывает природу мифа с метафорой, которая прибавляет

художественную ценность кинокартине. Это внушает надежду на дальнейшее развитие эстетизации мифа в современном кинематографе.

Заключение

Мы считаем необходимым изучение авторов, обращающихся к проблеме мифа в кинематографе, не как представителей некой единой школы, но как сторонников такой общей парадигмы, где каждый развивает ори-

гинальные подходы к обоснованию своих концепций.

Неотъемлемыми характеристиками мифа, считаем мы, являются: цикличность, сакральность, ритуальность и обрядовость, его специфическая реальность и относительная нарративность, образность и символичность. Эта сложносоставность мифа, как и его языка, служит сопряжению мифа с кинематографом. Тем более — в переходную эпоху, когда актуализация мифа в искусстве явно нарастает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 478 с.
2. Козолупенко Д.П. Мифопоэтическое восприятие. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — 432 с.
3. Малькова Л.Ю. Современность как история. Реализация мифа в документальном кино. М.: «Материк», 2001. — 188 с.
4. Маклюэн М. Телевидение. Робкий гигант // Современные проблемы личности : журнал / пер.: Григорьева Аркадьева. — М.: Издательство «Искусство», 2001. — № 1. — С. 138—148.
5. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. [предисл. А.А. Тахо-Годи; примеч. В. П. Троицкого]. — М.: Академический Проект, 2008. — 303 с.
7. Армстронг К. Краткая история мифа. М.: Открытый мир, 2005. — 160 с.
8. Корецкая М.А. Экранизация мифа: трудности перевода / Вестник Самарской гуманитарной академии / Серия Философия. Филология, 2010, №1(7), С. 13-32.
9. Хренов Н.А. Искусство в исторической динамике культуры. М.: ООО «Изд-во «Согласие»», 2015. — 752с.
10. Огурцов А.П. Электронная библиотека. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/>
11. Починина Н.Е. Мифопоэтика в современном кино: автореф. Дис. ... канд. наук по специальности 24.00.01 — Теория и история культуры. — Томск: ТГУ, 2010. — 30с.
12. Гашева Н.Н. Современное российское кино: культурологический контекст // Вестник КемГУКИ 21/2012. — С.90-100.
13. Хренов Н.А. Новая волна в российском кинематографе: фильмы А. Звягинцева // Теория искусства и художественное воображение XXI века. — 2011. — №2(3). — С.67-47.
14. Малькова Л.Ю. Современность как история: Реализация мифа в отечественной кинодокументалистике. Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения: 17.00.03 Киноискусство, теле- и другие экранные искусства» Минкульт РФ, НИИ киноискусства. М., 2001. — 312 с.
15. Альбедиль М. Миф и реальность. СПб.: Вектор, 2014. — 256 с.
16. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2016. — 352 с.
17. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1999. — 607 с.
18. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. — 384 с.

© Дятко Алёна Игоревна (yapolka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ РОЛИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

ON PHILOSOPHICAL THINKING ON THE ROLE OF CULTURAL MEMORY IN SOCIAL DEVELOPMENT

V. Lunev
R. Musat
T. Luneva
N. Knyazev
O. Neskryabina
D. Rakhinsky

Summary: The article discusses the mechanisms of influence of cultural memory on the development of society. The concepts of «collective memory», «cultural memory», «communicative memory», «cultural trauma» have been analyzed. It has been shown that cultural memory can determine the vector of social development. We see the mechanism as a dialogue between a society that represents cultural memory and a history that represents an expert community. As a result of this dialogue, involving a large number of alternative voices and opinions, memory gaps can be filled, myths lose their relevance, cultural trauma are integrated, and society forms has a common past and a common future.

Keywords: collective memory, communicative memory, trauma of cultural memory, social reflection, social development.

Лунев Владимир Викторович

К.с.н., доцент, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск)
vladimirL1@yandex.ru

Мусат Раиса Павловна

Д.ф.н., доцент, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск)
lozraisa@yandex.ru

Лунева Татьяна Анатольевна

К.т.н., доцент, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева» (г. Красноярск)
luneva@sibsau.ru

Князев Николай Алексеевич

Д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева» (г. Красноярск)
knyazev@sibsau.ru

Нескрябина Ольга Федоровна

Д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» (г. Красноярск)
nescr@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович

Д.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет» (г. Красноярск)
siridar@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены механизмы влияния культурной памяти на развитие общества. Проанализированы понятия «коллективная память», «культурная память», «коммуникативная память», «культурная травма». Показано, что культурная память может определять вектор общественного развития. Механизм видится нами как диалог между обществом, представляющим культурную память и историей, представляющей экспертное сообщество. В результате такого диалога с привлечением большого числа альтернативных голосов и мнений пробелы в памяти могут быть заполнены, мифы теряют свою необходимость, культурные травмы интегрируются, а у общества формируется общее прошлое и общее будущее.

Ключевые слова: коллективная память, коммуникативная память, травма культурной памяти, социальная рефлексия, общественное развитие.

Понятие «социальная память» или «коллективная память» было введено в науку в начале XX века французским социологом М. Хальбваксом. Он предложил различать индивидуальную память человека и память социальной группы, общества. Для обозначения последней он использовал понятие «коллективная или социальная память». М. Хальбвакс обосновал, что память социально обусловлена, она не может существовать независимо от социальных субъектов – индивидов и соци-

альных групп [20, с. 138]. Именно общество и социальные группы определяют рамки памяти – каждый раз решая, что сохранять, а что придавать забвению.

Идеи М. Хальбвакса получили развитие в работах немецких историков и культурологов Я. Ассмана и А. Ассман. В социальной памяти они предложили выделять несколько слоев, существующих на разных уровнях социального сознания, но при этом влияющие друг на дру-

га. Так, Я. Ассман в социальной памяти предлагает различать две опции – коммуникативную и культурную память. Коммуникативная память – это воспоминания, связанные с недавним прошлым. Это память примерно трех поколений, которая со временем исчезает и уступает место памяти следующих поколений [6, с. 52-53]. А. Ассман, чья работа вышла позже, предложила называть этот тип памяти – социальной памятью поколений [7, с. 33].

Примерами коммуникативной памяти могут служить исследования отечественных социологов, которые показывают, что даже в рамках двух-трех поколений исторические и культурные события теряют свою важность и меняют вектор оценки. Так, например, исследования Л.И. Миклиной культурной памяти среди молодежи показывают, что некоторые исторические события, имевшие большую значимость для общества еще несколько десятилетий назад (Революция 1917 года, Гражданская война), в глазах современного молодого поколения либо вообще не имеют значение, либо оцениваются в целом отрицательно («террор», «ужас», «кошмар» и т.д.) [15, с. 139].

Исследования Т.А. Андрияновой, проведенные среди студентов также подтверждают, что даже в рамках одного поколения (2012 г., 2015 г.) со временем меняются представления о культурных и исторических ценностях, важности тех или иных исторических событий. Меняется и фокус памяти. Для представителей более взрослого поколения может вызвать удивление тот факт, что почти треть опрошенных студентов считает, что первый космический спутник на орбиту земли вывели США, а значительная часть студентов гуманитарных специальностей не знает, где расположен музей «Эрмитаж» [4, с. 18].

Еще более информативными являются результаты многолетних исследований коллективной памяти, проведенные А.Н. Покидой и Н.В. Забуновской. Они показывают, что всего за пятнадцать лет (с 2001 по 2015 год) в стране потеряли историческую ценность такие события, как «Эпоха Петра I», «Победа в Отечественной войне 1812 г.», «Отмена крепостного права», «Освобождение от татаро-монгольского ига», «Революция 1917 года», «Русско-японская война» и др. [17, с. 103-104].

В отличие от оперативной памяти поколений культурная память носит долгосрочный характер, она на долгое время сохраняет культурные артефакты, символы, смыслы и знаки. Прошлое представлено в ней символическими фигурами в виде мифов, традиций и артефактов [6, с. 54-56]. Описывая символический смысл культурной памяти, Я. Ассман приводит пример холокоста. Холокост – это исторический факт. Однако для государства Израиль холокост стал гораздо большим явлением, – он стал обосновывающей историей, мифом, из которого государство черпает свою легитимность и строит свою идентичность [6, с. 81].

Культурная память привязана уже не к поколениям, а к большим социальным группам. В этом смысле можно выделить культурную память мировой цивилизации, отдельных стран и народов. Ее носителями помимо больших социальных групп и социальных институтов выступают также писатели, политики, религиозные деятели, ученые – и все те, кто может читать культурные коды и участвовать в сохранении и передачи культурного наследия [6, с. 56].

Как верно отмечает А. Завадский, для сохранения культурной памяти и передачи ее следующим поколениям важно, чтобы общество сохраняло свои воспоминания посредством материальных носителей (памятников, музеев, библиотек, книг, фильмов и т.д.) [9, с. 502]. При этом, как показывает П. Нора, отбор содержания памяти для его сохранения и последующей передачи во многом зависит от настоящего, политической конъюнктуры и понимания в обществе будущего [16].

Также открытым остается вопрос о функциях культурной памяти, ее влияние на современность и будущее. Анализируя работы М. Хальбвакса, Я. Ассмана, А. Ассман, П. Нора, К. Леви-Стросса, Ю.М. Лотмана, на наш взгляд, можно выделить четыре основные функции культурной памяти: накопительную функцию, функцию сохранения национальной идентичности, функцию обеспечения социального развития и функцию обеспечения этической преемственности. В данной работе нами будет рассмотрена функция обеспечения социального развития.

Впервые на роль памяти в развитии сложных систем обратили внимание представители синергетики. Так, Л.Г. Мельник, анализируя открытые системы, отмечает, что обязательным условием их развития является наличие у системы памяти [14, с. 215]. Память нужна для того, чтобы система «знала» и помнила возможные способы самоорганизации и направления развития.

По мнению Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, память системы служит своеобразным механизмом возвращения системы к ее целям, корректировки движения и самоорганизации. В социальных системах происходит сравнение того, что было с тем, что есть и это становится источником для новых форм и способов движения вперед [10, с. 95-100].

Таким образом, память системы как бы уже содержит в себе возможные варианты ее развития. Необходимо отметить, что сам по себе механизм воспроизводства памяти сложных социальных систем еще слабо изучен и требует дальнейших исследований. Вместе с тем, очевидно, что он является одним из важнейших условий протекания сложных синергетических процессов.

В связи с этим перспективным представляется под-

ход А.П. Руденко, который предлагает различать два типа самоорганизации – когерентную (или синергетическую) и континуальную (или синкретическую). Он выделяет различия в морфологических особенностях, составе, структуре и свойствах неравновесных объектов двух типов самоорганизации. Механизм когерентной самоорганизации связан с кооперативным взаимодействием множества однородных компонентов, приводящим к синхронизации внутренних процессов и их когерентному поведению. Напротив, синкретическая самоорганизация предполагает взаимодействие разнородных компонентов. Такой механизм можно назвать синкретическим (от греческого «Synkretismos» – слитное, нерасчлененное соединение разнородного).

Одним из наиболее существенных различий данных типов самоорганизации является неспособность первого типа и способность второго типа к прогрессивной эволюции с естественным отбором новых качеств. В первом случае мы сталкиваемся с «пассивным», а во втором случае – «активным» способом упорядочения хаоса. То есть второй тип самоорганизации возникает тогда, когда элементы системы выступают не пассивными получателями влияния внешней среды, а активными творцами нового. Эта идея открывает новые перспективы для исследования процессов самоорганизации разной природы.

Наряду с этим А.П. Руденко также считает, что самоорганизация может быть «созидательной», направленной на развитие, потребляющей внешнюю энергию и «разрушительной», направленной на деградацию системы. Примером первого случая может быть прогрессивное развитие СССР после Октябрьской революции, примером второго – развал и распад СССР [19].

Согласно Я. Ассману, коллективная память также не только воспроизводит прошлое, но и конструирует будущее [6, с. 43]. Можно сказать, что в культурную память заложен определенный механизм социальной рефлексии – оценке своего прошлого, его определенной переработке и проектирования с этим учетом будущего. Однако, как отмечает Т. Адорно, вопрос о том, как происходит эта «проработка прошлого» посредством социальной рефлексии во многом остается открытым [1].

Мы согласны с тем, что культурная память содержит в себе двойственные установки – как возможность для социального развития, так и возможность для повторения ошибок истории. Все зависит от того, как будет построен этот диалог с прошлым [18, с. 84]. Как уже отмечалось, прошлое не вспоминается «ради него самого». Воспроизводство прошлого в культурной памяти всегда выступает либо движущей силой развития, либо заморозкой настоящего или обоснованием преемственности [6, с. 80].

Что обуславливает результат встречи настоящего и будущего? Я. Ассман и К. Леви-Строс предлагают деление обществ на «холодные» и «горячие» в зависимости от того, насколько в обществах развита система социальной рефлексии или система замораживания своей истории. Общества, способные к социальной рефлексии («горячие общества»), могут извлекать уроки из истории и двигаться вперед. Общества, склонные к сильной мифологизации прошлого («холодные общества»), замораживают социальные изменения. Немалую роль в этом играет «система охлаждения памяти» – социальные институты, через которые холодные культуры замораживают исторические изменения. Например, это могут быть военное сословие, церковь, институт власти, средства массовой информации [6, с. 73-83; 11].

Нам кажется, что процесс встречи прошлого и настоящего можно представить в двух аспектах, как рефлексии прошлого со стороны новых поколений и как движение в еще «незанятое» прошлым будущее. Таким образом, общество всегда старается сформировать будущее на основе прошлого опыта, встраивая его в определенные рамки памяти. Осложняет этот процесс явление, получившее название «травматизация памяти» или «травма культурной памяти».

Как отмечают исследователи, коллективная память может содержать травмирующие события, оценка которых может существенно отличаться от исторической. Проявляются они обычно в коммуникативном слое памяти, который несет в себе наибольшую эмоциональную нагрузку. Культурная травма включает в себя комплекс психологических переживаний прошлого опыта, связанных с идентичностью группы [5, с. 80]. Она возникает, когда члены сообщества вынуждены переживать негативные события, оставившие след в групповом сознании и способные изменить или повлиять на их идентичность [3, с. 6].

Х. Вельцер приводит пример, показывающий, как действует на воспоминания культурная травма. Многие жители Дрездена, пережившие налет авиации союзников в феврале 1945 года, после войны были убеждены, что самолеты после налета охотились на людей, летая на бреющем полете. Историк Х. Шнатц доказал, что воспоминания дрезденцев являются мифом. Так как из-за высокой температуры воздуха, связанной с пожаром, самолеты союзников не могли бы летать так низко над городом. Этот вывод подтверждал и анализ бортжурналов летчиков. Однако данный доклад вызвал в обществе скандал, а присутствующие на докладе свидетели событий рассказывали новые подробности налета, обвиняя историков во лжи [8].

Часто спасительным выходом для общества, пережившего культурную травму, становится забвение и/или мифо-

логизация травмирующих воспоминаний. Так, например, в СССР не принято было говорить о сталинских репрессиях. Эта тема долгое время предавалась забвению. Очевидно, что и забвение и мифологизация травмы играют роль «терапевтического» буфера, защищающего людей от неприятных переживаний. Как пишет А. Ассман, иногда требуются десятилетия, чтобы о травме вообще стало возможным заговорить [7, с. 61].

Х. Вельцер считает, что проработка культурных травм во многом зависит от того, каким образом воспоминания используются в настоящем, как они будут трактоваться. Возможно, когда травма очень сильная, то забвение на какое-то время действительно является необходимым условием ее проживания в дальнейшем. При этом важным становится форма и язык, на котором будет происходить репрезентация травмирующего опыта [8].

Непрожитые культурные травмы мешают объективной оценке исторического опыта, мифологизируя и искажая его. Поэтому одна из задач, стоящих перед обществом, становится безопасное проживание травмы, способное восстановить и перенастроить национальную идентичность. Одним из способов проживания травмы, отмечает Р. Айерман, может быть широкий общественный диалог с привлечением большого числа альтернативных голосов и мнений. Травматический опыт требует заново интерпретировать прошлое, чтобы пришло примирение с настоящим и будущим. В процессе диалога происходит соединение личных историй и коллективных представлений, что в итоге создает единый нарратив [2, с. 42-54]. Такой диалог часто является единственной формой социальной рефлексии при наличии большого количества культурных травм в прошлом опыте.

Движение в «незанятое» будущее предполагает, что конструирование будущего опирается на нежелание общества повторять исторические ошибки прошлого. Удерживаемые в памяти как положительные, так и отрицательные оценки являются своего рода ориентиром, метками, обеспечивающими поступательное развитие, а не хождение по кругу. Для этого также необходим диалог истории и культурной памяти. Это связано с тем, что память позволяет через прошлое актуализировать важнейшие аспекты настоящего – выделяя то, что действительно важно для общества сегодня. Историческая наука не различает важное и неважное, она с одинаковой беспристрастностью относится к любым периодам прошлого. Но при этом только история может вынести объективную оценку происшедшему и отделить мифы от реальности. Однако мы не должны забывать, что ускорение социального-экономического развития современ-

ного общества снижает значимость опыта предыдущих поколений, тем самым формируя риски для совершения похожих ошибок [21, с. 628]. Данный процесс порождает следующее противоречие: отсутствие связей между поколениями это, с одной стороны – трагедия, с другой – жесткая объективная необходимость [13, с. 26].

Общий механизм обеспечения социального развития видится нами следующим образом: общество посредством культурной памяти выбирает наиболее актуальные темы для социальной рефлексии, эти темы обычно связаны с забвением, неопределенностью трактовок или культурной травмой. Очевидно, что культурная память выделяет те пласты исторического опыта, которые до сих пор не переработаны обществом. Но именно от их проработки зависит движение вперед. Затем происходит диалог между обществом, представляющим культурную память и историей, представляющей экспертное сообщество. В результате пробелы в памяти могут быть заполнены, мифы теряют свою необходимость, а травмы интегрируются, у общества формируется общее прошлое и общее будущее. Безусловно, как показывает практика, это долгий процесс, который может занимать много времени и зависит от степени готовности к нему общества и отдельных социальных групп [2, с. 42-54.]. Но таким образом освобождается дорога для будущего, и общество получает пространство для развития. Говоря языком синергетики, система стремится в «незанятое» пространство. Но и здесь общество не смогло полностью обезопасить себя, как ранее отмечалось: «... социальные параметры, на уровне личности вырабатывают стратегии поведения, в основе которых лежит ориентация на ее приспособление и выживание в той социокультурной среде, в которой она оказалась. Как следствие, поведение личности становится более рациональным, расчетливым, направленным на индивидуальные, а не коллективные выгоды» [12].

Если диалога между коллективной памятью и историей не происходит, то можно предположить, что есть опасность, что через забвение или мифологизацию памяти общество попытается «прожить заново незавершенную историю» – реконструировать события прошлого в настоящем. В этом случае существует вероятность повторения ошибок истории. История уже знает такие примеры, все они закончились новыми социальными катастрофами.

Таким образом, культурная память связывает прошлое, настоящее и будущее. Она способна определять вектор общественного развития. Выбор направления будет зависеть от способности общества к внутреннему диалогу и социальной рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Что значит проработка прошлого // Неприкосновенный запас, 2005. – № 4. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/chto-znachit-prorabotka-proshlogo.html>.
2. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение, 2016. – № 5. – С. 42-54.
3. Александр Д., Куракин Д.Ю. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал, 2012. – № 3. – С. 5-40.
4. Андриянова Т.В. Историческая память студенческой молодежи региона и проблема ее фальсификации // Историческая и социально-образовательная мысль, 2018. – Т. 10. – № 5/2. – С. 13-20.
5. Аникин Д.А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета, 2017. – № 425. – С. 78-84.
6. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности // Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
7. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика // Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
8. Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас, 2005. – № 2. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html>.
9. Завадский А. Нам нужна своя Ассман // Исследования социальной политики, 2015. – № 3. – С. 501-508.
10. Князева Е.Н., Кюрдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем // Москва: Наука, 1994. – 236 с.
11. Леви-Строс К. Первобытное мышление // Москва: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. – 392 с.
12. Малимонов И.В., Король Л.Г., Синьковская И.Г., Рахинский Д.В. Проблема брачного поведения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем, 2015. – № 10. – С. 202-219.
13. Малимонов И.В., Синьковская И.С., Король Л.Г., Рахинский Д.В. Современные семейные ценности в контексте макросоциальных изменений // Вестник ВятГУ, 2016. – № 5. – С. 24-27.
14. Мельник Л.Г. Фундаментальные основы развития // Суммы: ИТД: «Университетская книга», 2003. – 288 с.
15. Миклина Л.И. Социальная память современной российской молодежи // Власть, 2015. – № 1. – С. 136-140.
16. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас, 2005. – № 2-3. (40-41). – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>.
17. Покида А.Н., Забуновская Н.В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования, 2016. – № 3. – С. 98-107.
18. Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое, 2016. – № 1. – С. 82-99.
19. Руденко А.П. Самоорганизация и синергетика. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/what/samoorganizaciya-i-sinergetika-a-p-rudenko/>.
20. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти // Москва: Новое издательство, 2007. – 348 с.
21. Malimonov, I.V., Rakhinsky D.V., Sinkovskaya I.G., Korol L.G., Aisner L.Yu., Bershadskaya S.V., Trashkova S.M. Global changes of family unit in modern Russia // Astra Salvensis, 2018. – V. 6. – № 12. – P. 623-634.

© Лунев Владимир Викторович (vladimir.l1@yandex.ru), Мусат Раиса Павловна (lozraisa@yandex.ru), Лунева Татьяна Анатольевна (luneva@sibsau.ru), Князев Николай Алексеевич (knyazev@sibsau.ru), Нескрябина Ольга Федоровна (nescr@mail.ru), Рахинский Дмитрий Владимирович (siridar@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГРАНИЦЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

THE FRAMES AND PROSPECTS OF INSTITUTIONAL THEORY

M. Mineev

Summary: This article offers criticism on the established understanding of the institution and the process of institutionalization as a system designed to regulate human life exclusively by means of rationing, by creation of rules and sanctions for violation of them. Based on the theory of J. Habermas about the separation of "system" and "lifeworld", it is shown that modern institutional theory omits the vast layer in the study of its methodology. Researchers do not pay enough attention to the orientation of the institute. There is no clear understanding of what levels of human existence are influenced by the created institution. The paper characterizes the three main levels of human existence—normative, symbolic and existential, and shows that the study of institutionalization is mainly aimed at the normative and partly at the symbolic levels, while the existential is rarely taken into account and its fundamental significance is not considered.

Keywords: institutionalism, institutional economics, system, lifeworld, institution, rules, levels of human being.

Минеев Матвей Вячеславович

Аспирант, Дальневосточный федеральный университет
mineevmatvey@mail.ru

Аннотация: В данной статье предложена критика устоявшегося понимания института и процесса институционализации как системы, призванной регулировать жизнедеятельность человека исключительно средствами нормирования, созданием правил и санкций за отступления от них. На основе теории Ю. Хабермаса о разделении «системы» и «жизненного мира», показано, что современная институциональная теория не затрагивает обширный пласт в изучении своей методологии. В поле внимания исследователей недостаточно сильно сделан акцент о направленности института. Нет четкого понимания, на какие уровни человеческого бытия влияет создаваемый институт. В работе дается характеристика трех основных уровней человеческого бытия — нормативный, символический и экзистенциальный, и показано, что исследование институционализации в основном направлено только на нормативный и отчасти на символический уровни, тогда как экзистенциальный редко берется в расчет и не учитывается его принципиальная значимость.

Ключевые слова: институционализм, институциональная экономика, система, жизненный мир, институт, правила, уровни человеческого бытия.

Проблема теоретического и практического уровня познания процессов институционализации стоит сегодня в том, что исследователи воспринимают институт как систему, оторванную от жизненного мира. Доминирует мышление, что качественная система всегда способна дать нужный результат. На практике оказывается, что система часто не соответствует внутренней логике жизненного мира, в который внедряется эта новая система (институт), что приводит к искаженным результатам.

Данный вывод убедительно подчеркивается в ряде исследований.

В исследовании McClockskey D.N. [12] показано на примере таких стран как Новая Зеландия и Италия, что качественные институты не ведут автоматически к высокому ВВП. Вполне возможна ситуация, когда страна обладает качественными институтами (Новая Зеландия), но при этом по уровню ВВП на душу населения находится ниже или на том же уровне, что и страна с менее качественными институтами (Италия).

В другом исследовании был продемонстрирован полный провал внедрения новой инновационной ирригационной системы в одном из районов Непала. Институт, который пытались внедрить, был намного со-

вершеннее предыдущего и, следовательно, должен был работать лучше [13]. Провал новой системы доказывает, что при конструировании институтов недостаточно ориентации исключительно на нормативный уровень. Также огромное значение имеют коммуникационный и экзистенциальный уровни, которые в данном примере плохо соотносились с новой системой, что и привело эту систему к провалу. Дело в том, что большинство правил, которые работали в старой системе, были основаны на коммуникациях между заинтересованными лицами и главное, на моральных обязательствах и чувстве ответственности.

Дуглас Норт внес существенный вклад в развитии институциональной теории. На его работы опираются многие экономисты и исследователи. Но основная критика идей Д. Норты заключается в неполноте его теории. Он пытается объяснить различные процессы лишь на нормативном (системном) уровне, и абсолютно исключает влияние на систему внутренней мотивации людей, их морали и этики [13].

Таким образом, мы видим, что очень часто не учитывается специфика условий, в которых создается новый институт. Ю. Хабермас назвал такую ситуацию противостоянием между системой и жизненным миром, где часто система подавляет жизненный мир [6].

Как итог, можно сказать, что много исследований контролируют лишь верхний, нормативный уровень человеческого бытия. Но существует еще два фундаментальных уровня, которые также сильно влияют на человеческое поведение: коммуникативный и экзистенциальный уровни [10].

В основе нашего исследования границ и перспективы институциональной теории лежат сравнительный и сравнительно-исторический методы, благодаря которым было проведено сопоставление актуальных на сегодня теорий институционализма с другими теориями.

Аналитический и герменевтические методы позволили провести анализ основных теорий и выявить необходимые для работы элементы.

Дополнение к институциональной теории

На данном этапе своего развития институциональная теория подвергается широкой критике со стороны различных исследователей. Основная причина такой критики заключается в том, что теория носит системный или нормативный характер.

Один из главных методологов институциональной теории Д. Норт предложил свой вариант понимания того, что такое институт.

В структуре Д. Норта институт - это «правила игры». Институты — это рамки в пределах, в которых люди взаимодействуют друг с другом. Эти рамки включают в себя:

- формальные ограничения в виде правил и предписаний;
- неформальные кодексы поведения, обычаи, привычки.

Также важнейшей характеристикой любого института являются принуждение к выполнению и санкции в случае отклонения от правил [5, с. 12].

Таким образом, Норт делит институт на две части, но при этом обе части обозначает как «правила игры», но правила разной природы.

Формальные ограничения — это правила игры, которые люди создали для комфортного существования.

Неформальные ограничения также являются «правилами игры» установленными людьми. Под неформальными правилами Норт понимает, прежде всего, обычаи, традиции и привычки.

Основная проблема такого подхода заключается в том, что в сферу анализа не включен принцип разделения понятия на слои человеческого бытия экзистенци-

альный, нормативный и экзистенциальный уровни. [10, с. 178]

Взаимодействие между людьми и их существование всегда проходит одновременно на всех этих уровнях, поэтому анализ каждого из них в процессе институционального проектирования является крайне важным.

Мы видим, что институциональная теория в лице Дугласа Норта все же разделяет понимание института на два слоя — нормативный и культурный. Но здесь присутствуют две большие проблемы.

Во-первых, разделяя понимание института на две части, Норт все же объединяет обе эти части, заявляя, что это все «правила игры», установленные людьми для нормального существования.

Во-вторых, разделяя понимание института на два слоя — культурный и нормативный, Норт все же не замечает третий экзистенциальный слой, который представляет собой жизненный мир человека.

В рамки системы или нормативного слоя, помимо формальных правил, попадают также и неформальные. Система всегда структурирует жизненный мир человека, а неформальные правила также структурируют поведение человека, как и формальные. В этом заключается причина объединения Д. Нортом и формальных и неформальных правил в одно целое понятие.

Если взглянуть на понимание института другого крупного методолога, то мы увидим похожую картину. Дж. Ходжсон говорит, что институты — это системы установленных и общепринятых социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия [8, с. 31]. То есть снова, это правила, принятые людьми для создания условий, в которых люди могут существовать с минимальными трансакционными издержками. Это также отражает нормативный и культурно-символический уровень, но не затрагивает экзистенциальный слой человеческого бытия.

По всему видно, что в среде самых известных институционалистов институт понимается, прежде всего, как нормативная схема, то есть как система, в которой почти нет места жизненному миру.

Именно поэтому сегодня часто можно встретить критику в адрес такого понимания института. Например, McCloskey D. N (2016) замечает, что в работах Д. Норта нет места морали и этики в особенностях поведения людей, попадающих под влияние его институциональной схемы [12, с. 25].

A Ostrom E. и Basurto X. доказывают, что недостаточно

просто создания надежной механистической схемы института, чтобы он работал. Крайне важно ориентироваться на установки и внутренние правила людей, живущих в рамках институтов [13].

Ввиду вышесказанного, ориентиром для дальнейшего развития институциональной теории должна стать ориентация на поиск баланса между системой и жизненным миром человека, хорошо описанная Ю. Хабермасом в его работах.

В своей работе о теории коммуникативного действия Хабермас выводит центральное понятие, которым является аргументированный дискурс, направленный на понимание между людьми, между которыми установлен единый жизненный мир (жизненное пространство) [7, с. 239]. Достижение понимания возможно исключительно в том случае, если между индивидами установлена коммуникативная рациональность.

Также Ю. Хабермас уделяет большое внимание понятию жизненного мира. Категория жизненного мира нужна для того, чтобы обозначить сферу непосредственного взаимодействия, или сферу практического опыта. Жизненный мир — это мир, складывающийся из intersubjectивных отношений между людьми. Он состоит из действий, языковых конструктов, посредством которых люди категоризируют повседневный опыт и сообщают об этом опыте [9, с. 185].

Юрген Хабермас вводит различие понятий «жизненный мир» и «система» для того, чтобы разделить сферы социального воспроизводства — материальной и символической [7, с. 234].

Символическая система воспроизводства («жизненный мир») — это мир коммуникаций и intersubjectивных отношений между людьми, мир, где воплощаются и реализуются мотивации, потенции и установки человека.

Материальная система социального воспроизводства («система») всегда занимает регулируемую позицию по отношению к жизненному миру. Основная задача системы — это поддержание системного порядка, контроль всего того, что происходит в жизненном мире [6, с. 127].

Таким образом, система и жизненный мир всегда находятся в процессе взаимодействия, более того, система всегда стремится подавить жизненный мир. Именно это мы видим во многих процессах институционального проектирования. И именно такой способ взаимодействия предполагается в теории Д. Норты, которую многие исследователи берут за основу.

Такую дихотомию хорошо описывает цитата Лумана: «Общественное мнение, охраняющее жизненный мир, имеет смысл, отличный от точки зрения государственно-го аппарата, выражающего интересы системы» [4, с. 443].

Для демонстрации того, как взаимодействует система и жизненный мир, хорошо подходят обыденные примеры.

Существует система образования, в рамках которой всегда должен воспроизводиться системный порядок. Система должна контролировать все процессы, связанные с образованием, чтобы иметь возможность воспроизвести себя в дальнейшем. В рамках этой системы осуществляет свою деятельность преподаватель — представитель жизненного мира. У него есть свои личные ценности, связанные с процессом передачи знаний и он лучше всех знает, как эту ценность лучше всего реализовать. Но преподаватель попадает в рамки системы, которая не позволяет его личным ценностям реализоваться так, как он хочет. И преподаватель вынужден подчиниться системе и ее правилам, поскольку система — это институт, а одна из главных характеристик института помимо всего прочего это санкции за отход от правил института.

Также ярко подобное взаимодействие заметно на взаимоотношениях между предпринимателем, как представителем жизненного мира, и государством, как представителем системы. Главная ценность предпринимателя — это достижение максимальной прибыли, максимальной полезности и на экзистенциальном уровне это стремление безгранично. Это «выражение деловитости человека, следующего своему призванию» [2, с. 75]. Но система никогда не позволит ему этого сделать, поскольку это вредит самому существованию системы. Поэтому мы видим множество государственных ограничений, налагаемых на бизнес, и особенно на крупный бизнес, например, в виде антимонопольного законодательства.

Итак, мы видим, что отношения между системой и жизненным миром имеет крайне противоречивый характер. С одной стороны, система структурирует жизненный мир и контролирует его хаотическое движение, что приводит к возможности существования и поддержания системного порядка. С другой стороны, система часто сильно давит на жизненный мир и не позволяет ему раскрываться в должной мере.

Сегодня существует тенденция выстраивать институты как запреты, то есть смещать баланс в сторону системы. Эта тенденция вызвана необходимостью поддержания системного порядка. Единственный легальный и безопасный способ его поддержания — это легитимация транзакций. Иначе говоря, это создание бюрократии.

тической системы, которая по определению является естественной преградой для целенаправленного социального действия [11].

Хабермас также говорил, что весь 20 век ознаменован дисбалансом в сторону системы. Он назвал это колонизацией жизненного мира системами. Этот процесс обусловлен тем, что жизненный мир, будучи причиной движения и противоречий, частично отчуждает себя во внешний мир. Это отчуждение делает его зависимым от социальных структур, а потому вынужден приспособляться и подчиняться им. Причину отчуждения он видит в том, что «Место *«ложного»* занимает *«фрагментированное»* сознание, которое препятствует просвещению с помощью механизма овеществления» [6, с. 136].

В итоге, мы приходим к простому выводу, что для уменьшения негативного влияния взаимодействия и увеличения позитивного, необходимо держать баланс в процессе влияния институтов на жизненный мир. Единственный способ противостоять системному давлению, это поддержание жизненного мира на должном уровне. Для того чтобы это стало возможным, институциональная теория должна учитывать категорию жизненного мира в процессе институционального проектирования. Но объективно говоря, создание такого баланса маловероятно в ближайшее время, поскольку для этого требуется разорвать прочную связь между властью и капиталом, что пока представить довольно сложно, особенно в России [11].

Таким образом, институциональная теория сегодня интуитивно замечает и включает в сферу своего анализа разграничение между культурным и нормативными слоями, но при этом полностью игнорирует слой экзистенциальный. Теория не отвечает на вопрос почему возникла необходимость создания института? Что на самом деле структурирует институт? Ответ кроется именно в раскрытии экзистенциального уровня человеческого бытия в контексте институциональной теории.

Известный неоинституционалист Дж. Бьюкенен говорит, что, на «наиболее фундаментальном уровне правила находят свое основание в никогда не иссякающем желании людей жить вместе в мире и гармонии, без непрерывной гоббсианской войны всех против всех» [1, с. 19]. Если еще глубже погрузиться в жизненный мир, то мы увидим, что желание людей жить вместе обусловлено желанием экзистирования, ценностью понимания, которые могут быть реализованы только в обществе Иного, а значит только в институциональной среде.

Можно сделать еще один вывод. Теорией предполагается и много раз обосновывается, что институт структурирует поведение людей, но при этом абсолютно упускается из внимания, что на самом деле институт всегда

находится в режиме противостояния жизненному миру людей. Теория Д. Норта замечает только первый мир, но игнорирует другой.

Также, не вполне очевидно, что культурный и нормативный слои могут быть отнесены к институту. Д. Норт считает, что оба эти слоя входят в рамки института по причине того, что оба являются элементами «правил игры» в обществе. Правила же — инструкции, нормативно закрепленные участниками самого института [4, с. 232]. Причина такого закрепления кроется в потребности воспроизводства самой системы. В фирме существует нормативные прописанные правила, позволяющие каждому участнику этого института понимать, как действовать, чтобы эта фирма функционировала подобным образом и дальше. То есть эти правила, всегда направлены на благо этому институту, на то, чтобы он существовал как можно дольше. Чтобы люди, которые, заменят нынешнее руководство в будущем, действовали также во благо этому институту. Поддерживается все это санкциями за отклонение от правил, за попытку помешать воспроизводству данной системы.

Так работают формальные правила. Неформальные правила хоть и не прописаны, но имеют те же законы, что и формальные правила. Институт дружбы также не может обойтись без воспроизводства. Если я не следую некоторым негласным, но основополагающим правилам дружбы, то попасть в дружеские отношения у меня не получится. Следовательно, процесс воспроизводства данного института будет нарушен. Санкцией же за отход от неформальных правил, является то же что и при отходе от формальных правил, а именно, исключение из процесса взаимодействие между субъектами. В случае с фирмой это увольнение из коллектива фирмы, а в случае с дружбой, это ее же отсутствие.

Таким образом, можно согласиться с правотой Д. Норта в объединении формальных и неформальных правил в одно понятие, так как правила не обязательно должны носить только нормативный характер.

Теория институтов объясняет, как и почему люди взаимодействуют, но не объясняет сам корень взаимодействия и причину институтов. Но если бы институциональная теория включила бы в свою методологию категорию жизненного мира, то смогла бы ответить на вопросы о том, почему людей необходимо ограничивать. Почему необходим контроль и санкции за отход от соблюдения правил игры. В. Дементьев пришел к выводу, что общим всех определений и признаков понятия институт выступает одна характеристика — это взаимодействие. Без взаимодействия не работает ни одно определение, а значит и в принципе не существует институтов [3, с. 28].

В конце своего анализа о том, что такое институт, он

заклучил, что для того, чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо ответить на следующий ряд вопросов, и на эти вопросы институциональная теория должна прежде всего направить свой взор. Почему людей нужно ограничивать? Почему для структурирования взаимодействия нужно принуждение? Почему ограничения должны принимать форму правил? Почему институты являются необходимым опосредующим звеном социального взаимодействия? [3, с. 29]

Так вот, жизненный мир, как уже рассматривалось выше, это субстанция, которая постоянно противостоит системе. И если система не будет выстраивать жесткие рамки для этой субстанции, то это будет приводить к дисбалансу всей конструкции в пользу жизненного мира, что так же плохо, как дисбаланс в сторону системы.

В процессе работы было установлено, что многие вопросы, задаваемые институционалистами, проще объяснять через данные методологические основания. Также, разграничение между жизненным миром и системой, позволяет взглянуть на институты, сквозь призму уровней человеческого бытия. Позволяет представить это понятие, в недостающей ранее, структурно-иерархичной схеме. Это означает, что появляется обоснование иерархии признаков понятия институт. На первое место таким образом встают признаки, которые характеризуют институт с позиции ограничительных рамок, созданных людьми. Это говорит об

институте, как о реализованном нормативном уровне человеческого бытия. Далее следует говорить о культурно-символическом уровне человеческого бытия. Здесь традиции и обычаи реализуются также по институциональной схеме. Это такие же правила игры, за несоответствие которым наступает наказание. Единственное отличие — это не прописанные формально правила. Эти два уровня главенствуют потому, что они позволяют выполнять функцию институтов как процесса воспроизводства общественного порядка. Система потому всегда и давит на жизненный мир, чтобы иметь возможность наиболее качественно выполнять эту свою основополагающую функцию.

Результаты исследования говорят нам о том, что институциональная теория нуждается в серьезной доработке со стороны коммуникативного и экзистенциального уровней человеческого бытия. Наиболее авторитетные ученые, такие как Д. Норт, Дж. Ходжсон, в сфере институционального анализа делают акцент в основном только на самый верхний системный уровень института, оставляя за рамками важнейший вопрос: на что направлен сам институт, что конкретно он регулирует и каковы внутренние законы того, что он регулирует. При этом показано, насколько экзистенциальный уровень человеческого бытия отличается от системного, что означает большую необходимость равноправного анализа обоих уровней в дальнейших исследованиях ученых-институционалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. Выпуск 9 серии «Этическая экономия: исследования по этике, культуре, и философии хозяйства» / Пер. с англ. под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: Экономическая школа, 2005. 272 с.
2. Вебер М. Протестанская этика и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Дементьев В.В. Что мы исследуем, когда исследуем институты // Terra Economicus. 2009. Том 7, N1, 2009. С. 13-30.
4. Луман Н. Социальные системы. СПб.: Наука, 2007. 643 с.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
6. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Пер. с нем. В.И. Иванова // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1., Вып. 2. М.: Начала-пресс, 1993. С.123-136.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вопросы социальной теории. 2007. Том 1, Вып. 1. С. 218-264.
8. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003, 464 с.
9. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2004. 1056 с.
10. Ячин С.Е. Аналитика человеческого бытия: введение в опыт самопознания. Систематический очерк. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 210 с.
11. Ячин С.Е. Теория бюрократии в свете реалий современной России // Ойкумена. 2015. N 1. С. 42-57.
12. McCloskey, D.N. Max U versus Humanomics: a critique of neo-institutionalism // Journal of Institutional Economics. 2016. N 12(1). P. 1–27.
13. Ostrom E., Basurto X. Crafting analytical tools to study institutional change // Journal of Institutional Economics. 2011. N 7(3). P. 317–343.

© Минеев Матвей Вячеславович (ineevmatvey@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ТУВЕ

Монгуш Салбак Онер-ооловна

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»
monghush.1975@mail.ru

INTERETHNIC INTERACTION AND FORMATION OF THE RUSSIAN POPULATION IN TUVA

S. Mongush

Summary: The aim of the study is to reveal the essence and specificity of interethnic interaction of Russian and the Tuvan population and adaptation of Russian settlers in Tuva and the formation of the Russian population. Scientific novelty—the study provides a socio-philosophical analysis of the problems of interethnic interaction between the Russian and Tuvan populations in the context of several centuries. As a result, the author's conclusions provide a wide panorama and new information about the history, culture, and life of Russians in Tuva.

Keywords: Russian Russians, Tuvans, Russian-Tuvans, old believers, Uriankhai region, Tuva people's Republic, Republic of Tuva, interethnic interaction, interethnic relations, migration, adaptation, assimilation.

Аннотация: Цель исследования – выявить сущность и специфику межэтнического взаимодействия русского и тувинского населения и адаптации русских поселенцев в Туве, а также формирование русского населения республики. *Научная новизна* – в исследовании дана социально – философский анализ проблем межэтнического взаимодействия русского и тувинского населения в разрезе нескольких столетий. В результате сделанные автором выводы дают широкую панораму и новую информацию об истории, культуре, всей жизнедеятельности русских в Туве.

Ключевые слова: Тува, межэтническое взаимодействие, межэтническое отношение, переселение, адаптация, ассимиляция, русские, тувинцы, русско-тувинские связи, старообрядцы, Урянхайский край, Тувинская Народная Республика, Республика Тыва.

Актуальность темы: в данной статье рассматривается проблема межэтнического взаимодействия и формирования русского населения в разрезе нескольких столетий. Проанализирована история переселения в Туву русских переселенцев и их адаптационные процессы, которые проходили в разные исторические периоды в три этапа: Несмотря на наличие научных работ по истории советско-тувинских отношений, практически отсутствует комплексных исследований по межэтническим отношениям и формирования русского населения в разные периоды на территории Урянхайского края, ныне Республики Тыва. В силу того, что данный аспект мало исследован, проблема в такой постановке рассматривается впервые. И в свою очередь, автор актуализирует необходимость специального изучения проблем русского населения, включая историю его формирования, расселения, особенности социально-культурных условий жизнедеятельности, адаптации и межнационального взаимодействия. Русские переселенцы, несмотря на экономические и культурные различия, не встречали существенных преград и стеснений в своей жизни и деятельности в Урянхайском крае.

Исследование имеет междисциплинарный характер на стыке философии и этнологии. При этом основными методами, применявшимися в исследовании, были исторические и социально-философские методы. Особое место отводилось принципу историзма, системному подходу, структурному анализу, при этом использовался

понятийно-категориальный аппарат этнологии.

В результате исследования автор делает вывод о том, что межэтническое взаимодействие русских с тувинцами протекало мирно и благополучно. Расселяясь на новых землях, переселенцы обретали здесь и новую родину. Живя в новых местах из поколения в поколение, русские не только приживались, но постепенно становились, по существу, коренными жителями края. При этом они, разумеется, не утратили этногенетической и культурно-языковой общности с основным ядром русского народа как этническим целым, выступая его территориальными частями, которые, естественно, в течение ряда поколений, приобретали здесь некоторые особенности образа жизни, быта, обычаев и традиций, даже менталитета.

Все известные человеческие общности живут определенными сообществами – этносами, нациями, этническими группами. Народы и нации объединены между собой разнообразными связями – историческими, языковыми, культурными, хозяйственно-экономическими, социально-политическими, и вся их целостность представляет собой систему межэтнических (национальных) отношений.

Межэтнические отношения изучаются такими науками, как социология, культурная антропология, политология, история, экономика, социальная психология, демография и др. При рассмотрении межэтнических

отношений будем использовать принципы социально-философского подхода, при этом используя методологию и данные исторического исследования, вместе с тем придерживаться понятийно-категориального аппарата этнологии.

В мировой науке нет четкости в определении области межэтнических отношений. В гуманитарных науках она именуется различными понятиями как «межгрупповое поведение», «межгрупповые отношения», (в этнопсихологии); «национальные и межнациональные отношения», «национальные конфликты» (в социологии); «межэтнические и этнические отношения», «этнические процессы» (в этнологии).

В отечественной социальной философии (подобно социологии) наиболее употребительными являются понятия «национальные» и «межнациональные» отношения. В последнее время в связи с возрастанием роли и значения этнологического знания соответствующая «этническая» терминология стала широко проникать в содержание гуманитарных и социальных наук, а также социальной философии. Поэтому в последние годы довольно активно стали употребляться термины и понятия – «межэтнические отношения», «этнические отношения», хотя эти понятия еще не стали философскими.

При анализе, кроме понятия «межэтнические (межнациональные) отношения», используем термин «межэтническое взаимодействие», поскольку он включает в себя широкий спектр связей и отношений между народами (этносомами), показывает как конфронтационные, так и интеграционные процессы.

В отечественной литературе этот термин и содержание понятия недостаточно разработан. Довольно содержательное обозначение этого понятия дал А.Д. Карнышев в своей работе «Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика». Он пишет: «Межэтническое взаимодействие – это прежде всего разнообразные контакты между этносами, ведущие к изменению индивидуальных и совокупных характеристик каждой из взаимодействующих этнических групп и их отдельных представителей, а также к интеграции их определенных качеств и свойств» [8; 53]. При анализе межэтнического взаимодействия русских с тувинцами в условиях переселения в Урянхайский край мы вернемся к термину «межэтническое взаимодействие».

В социологической литературе в межэтнических взаимодействиях специалисты выделяют несколько групп взаимозависимых факторов: исторических, политических, социальных, культурных, психологических, ситуативных [1; 193]. Рассмотрим влияние некоторых из них на область межэтнических отношений, имея в виду, что межэтническое взаимодействие само выступает факто-

ром развития этнической идентичности взаимодействующих народов, в данном случае русских.

Прежде чем рассмотреть, как происходило межэтническое взаимодействие между русскими и тувинцами, следует отметить, что фактически отсутствуют специальные крупные работы по данной теме как дореволюционного, советского, так и современного периодов. В историографии в настоящее время по этому вопросу имеется лишь весьма незначительное число работ, в основном это статьи.

Исследования советского и постсоветского периода русский вопрос получил освещение главным образом в исторической и этнографической литературе в трудах Л.М. Дробижевой, Н.М. Моллерова, З.В. Анайбан, Г.Ф. Балакиной, Н.П. Москаленко.

В фундаментальном труде «История Тувы» наиболее подробно излагается проблемы истории возникновения и развития русско-тувинских связей. По современной местной литературе особый интерес представляет труды М.П. Татаринцевой и А.А. Стороженко которые исследовали о старообрядцах в XVIII – XIX веков, их последующей жизни в крае, современные особенности быта.

На рубеже XVI - XVII вв. началось взаимодействие русского и тувинского этносов. На протяжении XVII - XVIII вв. тувинские племена присягали на верность русскому царю. Русско-тувинские связи в дальнейшем стали осуществляться в виде торгового обмена, инициаторами которого были казаки-пограничники, а покупателями – тувинцы, жители Урянхайского края. В этой связи большой интерес, представляет работа А.М. Африканова, автор пишет, « что первыми, кто начал заниматься торговлей в Урянхайском крае, были казаки, в обязанности которых входило наблюдение как за целостностью пограничных линий, так и за тем, чтобы соседние племена урянхов не переходили границу и не грабили у русских скот. Производя объезд, казаки занимались меной торговлей с тувинскими и монгольскими чиновниками, съезжаясь в определенные места. Казаки первоначально выменивали разные пряжи, мелкие товары, табак, а затем стали завозить мануфактурные товары. Тувинцы торговали в основном пушниной» [2; 35]. Первыми из русских в верховья Бий-Хема проникли золотоискатели и приверженцы старой веры.

В последние десятилетия XIX в. безземельные русские крестьяне стали проникать в Урянхайский край несанкционированно. Именно в те годы крестьянское переселенческое движение охватило всю Россию. В основном это были немногочисленные старообрядцы, которые искали уединения, спокойствия и земли обетованной. Русские об Урянхайском крае говорили, что «там много свободной земли, богатая зверем, птицей и

орехом тайга, великое множество рек и озер с рыбой и т.д.». [16; 17].

За староверами в Туву стали переселяться и сибирские купцы разного толка и предприниматели. Именно они положили начало обоснованию русского торгового капитала в Урянхайском крае. Купцы открыли целый ряд торговых факторий, привозили в край массу товаров. Сибирский историк В.И. Дулов в своей работе написал, что Тува в это время была экономически тесно связана с Россией [5; 75].

Учитывая потребности населения и отсутствие конкуренции, русские купцы привозили в край различные товары, предметы галантереи, изделия бытового назначения, оружие, боеприпасы и др. Эти товары в основном предназначались для низших слоев тувинского общества. Как справедливо отмечал Н.Ф. Катанов, «товары русских купцов в основном покупала тувинская беднота, в то время как потребности в одежде тувинской знати (феодалов, нойонов, высших представителей духовенства) удовлетворяли китайские купцы» [6; 367].

Более богатые и предприимчивые русские купцы, подкупая тувинских чиновников, стали открывать приисковую добычу золота. Также они построили солеваренные и кожевенные заводы.

К началу XX века русские крестьяне стали проникать в Туву массово, в основном переселялись крестьяне из Минусинского уезда Енисейской губернии. Фактически это был процесс крестьянской колонизации, обусловленной Столыпинской аграрной реформой и стремлением русского государства переместить безземельных крестьян, а в Туве как раз такие земли были.

В начале XX века русское правительство создало орган Переселенческого управления для организованного переселения русских крестьян, и условия переселения русских крестьян в Туву стали более благоприятными. После установления в 1914 году протектората России над Урянхайским краем количество русских переселенцев из России в Туву увеличилось в несколько раз «численность русского населения Тувы, в те годы постоянно возрастала. Русские переселенцы сосредоточивались преимущественно в центральной (бассейн р. Хемчик) и северо-восточной (бассейн р. Каа-Хем) частях Тувы, существенно влияя на изменения этнического состава в заселяемых районах, где этнические русские начали составлять существенную часть населения» [11; 43].

В конце 1914 г. на 50 тыс. тувинцев приходилось 5 тыс. русских переселенцев (русские составляли тогда 10% населения) [3; 26]. По некоторым данным, в Туве в те времена было создано 256 русских поселений, в основном заимки и торговые фактории, из них 44 поселка (типа

села) [4; 576]. Следует отметить, что если в 1910 г. общее количество русского населения Тувы составляло немногим более двух тысяч человек, то к концу 1919 году; оно составило 12 тыс. человек [6; 325].

Русские переселенцы осваивали широкие пространства с различными природными условиями Урянхайского края, более выносливые крестьяне заселялись в Тодже, несмотря на ее суровый климат. К 1914 г. переселенцы засеяли более двух тысяч десятин земли лесостепных территорий, они обеспечивали хлебом не только себя, но и тувинское население, которое под влиянием русских стало привыкать к хлебу.

Таким образом, для этого периода характерен более динамичный переселенческий поток, когда численность переселенцев постоянно возрастала из года в год.

Следующий этап переселения русских в Туву продолжился после образования Тувинской Народной Республики (ТНР) в 1921 г. Русское население новообразованной республики в соответствии с законодательными актами РСФСР и ТНР образовало Русскую самоуправляющую трудовую колонию (РСТК) и имело достаточную автономию, осуществляло социально-экономические и культурные связи с тувинским населением.

По некоторым данным, число русских в РСТК в 1931 году составляло около 21% всего населения ТНР (т.е. около 17 тыс. человек) [6; 242].

Молодая республика почти не имела профессиональных управленцев, технической интеллигенции, и в ТНР по договоренности были приглашены разные специалисты, сельскохозяйственные работники, так же направлены медико-санитарные работники для организации медицинского обслуживания населения.

Выступая в роли первых учителей и наставников, русские специалисты (многие из которых были направлены из Москвы и других регионов страны) оказывали всестороннюю помощь в подготовке национальных кадров интеллигенции не только в массовых профессиях, но и в искусстве, литературе, науке. Русская интеллигенция занимает важное место в политической жизни республики. Работали в общественных организациях, в аппарате управления органов и организаций.

Рассмотрев проблемы переселения русских в Туву, перейдем к анализу «межэтнического взаимодействия» с местным тувинским населением. Для этого вернемся к определению и понятию «межэтнического взаимодействия». Межэтнические контакты весьма разнообразны и имеют многовариантный характер, особенно на личностном уровне. В этнологической литературе принято различать несколько уровней межэтнических

контактов - прибавление, убавление, усложнение, объединение. Межэтнические контакты могут быть неодинаковыми и по своим результатам – быть позитивными или негативными, заканчивающимися количественными изменениями и структурными превращениями. Так, по масштабам и глубине проникновения межэтнические коммуникации делятся на три основных типа – «ассимиляцию, адаптацию и интеграцию» [15; 215].

Следует отметить то, что межэтническое взаимодействие русских переселенцев с местным населением было неодинаковым в разные исторические периоды. На первом этапе переселения - в конце XIX века - количество переселенцев было незначительным, и преимущественно это были старообрядцы, купцы и безземельные крестьяне. Межэтническое взаимодействие выражалось в виде торговых отношений.

Обживаясь на новых землях, свои поселения русские переселенцы создавали в виде таких, какие оставили в России. Всемирно известный ученый-тюрколог и исследователь Тувы Ф.Я. Кон, во время экспедиции в 1903 г. в Урянхайский край, посетивший село Туран, построенное русскими переселенцами, «отметил – что оно ничем не отличается от обычных сибирских сел» [10; 22].

Русские деревни представляли собой закрытую общину. Компактно селясь и проживая, русские старообрядцы тщательно сохраняли свои традиции и обычаи, культурные навыки. Это проявлялось в том, что любая старообрядческая семья жила в условной изоляции от тувинцев. В то же время первые переселенцы умели говорить на языке местного населения (тувинский язык). Это связано с тем, что повседневная жизнь, хозяйственные связи заставляли учить язык. Правда, особого интереса к духовной культуре тувинцев русские обычно не проявляли и в их жизнь и дела старались не вмешиваться.

Самым типичным жильем крестьян-переселенцев, в том числе и старообрядцев, была бревенчатая изба, при которой также имелись баня, амбар, сарай. Они продолжали в Урянхайском крае привычную хозяйственную деятельность – огородничество, пчеловодство, домашнее ткачество, стойловое содержание скота, не известные в то время тувинцам. Тувинцы вели кочевой образ жизни, и многие столетия занимались пастбищным скотоводством. Типичным жилищем у тувинцев были войлочные юрты с небольшим набором бытовой утвари. Н.Ф. Катанов писал, что «сойоты жили в юртах. Юрты маленькие, решетчатые, оканчиваются вверху конусом, одною решеткою без перекрестной. В самом верху отверстие решетчатое, через которое проходит дым...» [9; 24].

Следует отметить, что в сфере материальной культуры есть различия между русскими и тувинцами, а в

духовной культуре отличия проявлялись прежде всего в религии: если русские исповедовали христианство в форме православия, то тувинцы « по религиозному признаку тувинцы, как и монголы, были буддистами и шаманистами, но в отличие от них входили в систему «тюркского мира» [7; 3]

Необходимо отметить, что переселение русских в Урянхайский край не было исключительным явлением, а представляло собой геополитику России. Российская империя проводила политику расширения своей территории на юг и восток в поисках земель для хозяйственно-экономического развития. Совершенно естественно, что после падения Китайской империи, в состав которой долгое время входила Тува, Россия начала целенаправленно осваивать Урянхайский край, тем самым решая свои аграрные проблемы.

С 1944 года началась новая страница в истории Тувы, когда ТНР вошла в состав СССР на правах автономной области РСФСР. В советский период с 1944 по 1991 годы численность населения за эти неполные полвека увеличилась в 3 с лишним раза. [13; 77]

В советские годы население Тувы ежегодно увеличивалось, новоселами были не только русские, но и представители различных национальностей. В новых условиях это была уже не колонизация, а перемещение населения на основе рационального развития производительных сил и трудовых ресурсов социалистического государства.

В отличие от первых переселенцев, для которых Тува стала второй родиной, новые поселенцы советского периода приезжали сюда по договорам на определенный срок или на постоянное жительство. Это были квалифицированные рабочие, представители технической интеллигенции, учителя, врачи, агрономы, кадровики. Большая часть из них пополнила городское население Тувинской АССР.

В 50-х годах население Тувы увеличилось. Так, в период с 1945 по 1959 годы численность населения Тувы возросла почти вдвое. Быстрыми темпами росла численность городского населения: к началу 70-х годов по переписи населения русские составили 2/3 (75,4%), а тувинцы – около 1/5 (17,2%) от его общего числа. Следует отметить, что тувинское городское население в последнее десятилетие советского периода увеличилось, и это связано с естественным приростом и внутриреспубликанской миграцией «из деревни - в город» собственно тувинского населения. Однако этот процесс осложнялся отсутствием опыта приобщения коренного населения к индустриальному труду, прочными традиционными связями основной массы тувинцев с ведением скотоводческого хозяйства и кочевого образа жизни, неграмотно-

стью преобладающей части скотоводов.

Постсоветский период - в 90-е годы XX века - общая численность населения Тувы осталась на том же уровне. Однако соотношение этнических групп изменилось в результате существенного оттока в начале 90-х годов XX в. русского населения, а численность тувинского населения возрастала за счет естественного демографического прироста.

Межэтнические взаимосвязи русских и тувинцев в советское время, как показано выше, осуществлялись сначала в виде торговых отношений, затем в ходе хозяйственной деятельности, кроме того в трудовом и бытовом общении. В советский период межэтнические контакты в основном были в городе и городской среде – производственно-трудовой деятельности, а так же внепроизводственной (на семейно-бытовом уровне). Эти виды межэтнического взаимодействия осуществлялись как на групповом, так и индивидуально-личностном уровнях.

В советский период межэтническое взаимодействие русских и тувинцев происходило во время индустриализации республики. После вхождения в состав СССР в 50 - 70-х гг. XX в. при помощи Советского Союза Тува превратилась в индустриально-аграрную республику. Ярким показателем индустриального развития за 30 лет (1945 - 1975 годы) является увеличение объема промышленного производства более чем на 50 раз. [14; 29]

За несколько лет были сооружены и введены в строй крупные комбинаты общесоюзного значения – «Тувакобальт», «Туваасбест». Учитывая богатства природных ресурсов республики, стали развивать предприятия лесное деревообрабатывающей, горнодобывающей промышленности. В Туве, как и в других регионах Советского Союза, на базе всех отраслей производства был создан высокоэффективный территориально-производственный комплекс (ТПК).

Наряду с успешным развитием промышленности в Туве началась урбанизация, т.е. увеличение городского тувинского населения, формирование которого происходит в результате сложного естественного движения и миграционных процессов. Одним из источников роста численности городского населения является тувинское село. Основным фактором пополнения городской инфраструктуры и экономики в Туве стала система образования и подготовка кадров, а источником пополнения городского населения была тувинская молодежь - выпускники техникумов и профтехучилищ.

Основными формами этнического взаимодействия русских и тувинцев в производственной и непроизводственной сфере, в быту, культуре, учебе были межличностные общения в трудовых коллективах, на досуге и

между семьями. Конкретными формами межэтнических контактов в процессах межэтнического взаимодействия русского и тувинского этносов, как и других народов, являлись ассимиляция и адаптация.

В отношении ассимиляции, суть которого заключается в потере этносом языка, культуры, обычаев и традиции, в истории межэтнических взаимодействий между русскими и тувинцами она имела ограниченный характер. В дореволюционный период были только единичные случаи ассимиляции, поэтому можно сказать, что фактически она не встречалась. Как писал Н.Ф. Катанов, «взаимные мирные отношения урянхайцев и русских установились в последнее время настолько прочно, что девицы урянхайские нашли возможность выходить замуж за русских. Из живущих на Бом-Кемчике русских, женатых на урянхайских (сойотках) – следующие лица:

1. Василий Абрамов Спирин, инородец Абаканской инородной управы (минусинский округ) жена - Сат сумына, Бейс-хошуна. Урянхайское имя жены Бидикей, а русское – Евдокия.
2. Василий Андоевич Бяков, минусинский мещанин. Жену его зовут по-урянхайски Тюкей, а по-русски Татьяна Изотиевна.
3. Леонтий Иванов Бяков, минусинский купеческий сын. Жену Л.И. Бякова зовут по-урянхайски Пичикей, сумына Сарыглар, ведомства Бейс-хошун.
4. Филипп Аппосов, инородец Минусинского округа. Жена его, по имени Ильдирга, сумына Тонгак, ведомства Бейс-хошун.
5. Бабьян Топоев, инородец Минусинского округа. Жена его – не крещена, имя ее Азыракай, сумына Кулар, ведомства Бейс-хошун.
6. Прокопий Емельянович Тузмин, инородец Абаканской инородной управы (Минусинский округ). Жену зовут по-урянхайски Торла, по-русски значит «рябчик». Не крещенная. Кроме этих лиц, есть и другие, женатые на сойотах и живущие в других местах. Урянхайские власти претензий о женитьбе русских на их подданных никаких не предъявляли. Русские, если желают взять замуж сойотов, должны сватать их по урянхайским обычаям, т.е. с подношением подарков. Впрочем, некоторые берут жен и по русским обычаям».

В советское время ассимиляция существовала в виде политики русификации. С начала 30-х годов партийно-политическое руководство СССР стало проводить пропаганду в отношении других народов под лозунгом интернационализации с первенством в нем русского народа как «старшего брата» в семье советских народов и национальностей.

Теперь рассмотрим адаптацию как наиболее часто встречающийся тип межэтнических контактов, проявляющийся в приспособлении конкретного этноса к

природной и социально-культурной среде. В русско-тувинских отношениях она проявлялась по-разному как у тувинцев, так и у русских.

Так, в дореволюционный период процесс адаптации у первых русских переселенцев к совершенно новым природным и социальным условиям протекал благополучно и нормально.

В советский период адаптация к природным условиям Тувы у русских новоселов отличалась мало от прежнего. Условия адаптации были лучше, поскольку новое поколение новоселов прибывало в обжитую среду и имело больше возможностей для освоения природы, например, с помощью машинной техники. К тому же более благоприятными были социальные условия. Так, для приезжих специалистов и квалифицированных рабочих создавались привилегированные условия, их обеспечивали жильем, работой, хорошими окладами, отпусками и курортами. В большинстве русские новоселы оставались в городах, где условия жизни и обеспечение были намного лучше, чем в сельской местности.

Вместе с тем необходимо отметить, что процесс адаптации тувинцев к городу был достаточно сложным. Так, в книге «Городское население Тувинской АССР» (Новосибирск, 1981) есть раздел, в котором проанализированы особенности социальной адаптации тувинцев к новым видам труда и к жизни в городе. Авторы показывают, что «переезд в город коренных жителей республики – тувинцев, представлял собой сложнейший переворот во всем образе жизни и сознании. Такой переход связан с необходимостью адаптации к новым

темпам и ритмам жизни, к работе часто в закрытом помещении, строгой регламентации рабочего и нерабочего времени, к другим специфическим особенностям индустриального производства». [13; 125].

Заключение. На конкретном фактическом материале, с использованием многочисленных (в том числе, последних) исследований показано, как исторически происходило межэтническое взаимодействие и формирование русского населения в Туве, как русские пришельцы в титанической борьбе с природой осваивали свободные земли и превращали в пригодные для жизни по существу безлюдные пространства сурового, но прекрасного края. Данное исследование позволило установить следующее. Во-первых русско-тувинские отношения стали осуществляться в виде торгового обмена, кроме этого, желание приобрести земли, богатыми полезными ископаемыми, удобные для занятий земледелием. Во-вторых русские специалисты в 20-40-х годах XX в. сыграли незаменимую роль в создании экономического и культурного потенциала молодой республики. При их всесторонней помощи также осуществлялось формирование национальных кадров рабочего класса в промышленности, строительстве, возникла национальная интеллигенция, сложились квалифицированные кадры в сфере политического и экономического управления. Интеллигенция и служащие русской национальности до сих пор занимают важное место в различных сферах экономики, культуры, образования. В-третьих, не смотря на происходивший в течение XIX – XX вв. рост населения края, численность русских жителей Тувы продолжает оставаться незначительной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 193с.
2. Африканов А.М. русская торговля в Урянхайской земле // Изв. ВСОИРГО (Иркутск). 1890. Т. XXI. № 5. 35 с.
3. Вайнштейн С.И., Москоленко И.П. Тувинцы // Сибирь: этносы и культуры. – Москва-Улан-Удэ, 1997. – С.3-26.
4. Грум – Гржимайло Г.Е. Западная Монголия «Урянхайский край». – Т.III. – Л., 1930. –587с.
5. Дулов В.И Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX века.- М., 1956. – 361с.
6. История Тувы: В 2т. – т.1.-2-е изд. \под ред. С.И.Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001 – 367с.
7. История Тувинской Народной Республики в архивных документах. 1921 – 1944 гг. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2011. – 312 с.
8. Карнышев А.Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. – Улан-Удэ: изд. БГУ, 1997. –187с.
9. Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году. - Кызыл: изд. ООО «Кооператив «Журналист», 2001. -383 с.
10. Кон.Ф. Экспедиция в Соютию // За пятьдесят лет. – М., 1934. Т.3. – 549с.
11. Москаленко Н.П. Этнополитическая история Тувы в XX веке – М.: Наука, 2004, - 222с.
12. История советско–тувинских отношений (1917-1944 гг.): Монография. – М.: изд. Московского гуманитарного университета, 2005, - 326 с.
13. Городское население Тувинской АССР. – Новосибирск: изд. Наука, 1981 – 222с.
14. Народное хозяйство Тувинской АССР в девятой пятилетке. Стат. Сб. – Кызыл, 1979. – С.213.
15. Тавадов Г.Т. Этнология. Учебник для вузов. М.: Проспект, 2004,с.352
16. Татаринцева М.П. Старообрядцы в Туве: Историко-этнографический очерк – Новосибирск: Наука, 2006 – 216 с.

© Монгуш Салбак Онер-ооловна (monghush.1975@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТ РЕЛИГИОЗНОСТИ И СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОЙ КОНВЕРСИИ

Салахова Диляра Фарзутдиновна

*Аспирант, Казанский (Приволжский) Федеральный университет
dilboss@yandex.ru*

CONCEPT OF RELIGIOSITY AND STRUCTURAL ANALYSIS OF RELIGIOUS CONVERSION

D. Salakhova

Summary: The term «religiosity» is used to describe a fairly wide range of appearances. In addition, quite certain interests of representatives of different religious groups may be hidden behind this, which in various ways seek to increase the statistical number of adherents of their faith. Religious culture was and still is a marker of an individual's religiosity. In other words, what is ingrained in beliefs and can influence goal-setting and decision-making. A person who avow oneself as a believer makes a conscious religious choice. A person's previous experience affects their religious identity and is a possible reason for switching from one denomination to another. Religious identity can be deformed for different reasons. This may be a discrepancy between experience and social practice, or the impossibility of the desired goal. As a result of contrarities in the individual's perception arise comparisons of various confessional models.

Keywords: religiosity, religious identity, religious conversion, orthodoxy.

Аннотация: Термин «религиозность» используют для описания довольно широкого круга явлений. В дополнение, за этим могут скрываться вполне определённые интересы представителей разных религиозных групп, которые различными способами стремятся увеличить статистическое число приверженцев своей конфессии. Маркером религиозности индивида была и остаётся религиозная культура. Иными словами, то, что укоренилось в представлениях и может оказывать влияние на целеполагание и принятие решений. Человек, признавая себя верующим, проявляет осознанный религиозный выбор. Предыдущий опыт человека влияет на религиозную идентичность и является возможной причиной перехода из одной конфессии в другую. Религиозная идентичность может деформироваться по разным причинам. Это может быть несоответствием опыта социальной практике, неосуществимостью преследуемых целей. В следствии противоречий в сознании индивида возникают сравнения различных конфессиональных моделей.

Ключевые слова: религиозность, религиозная идентичность, религиозное обращение, религиозная конверсия, религия.

В данном случае религиозность рассматривается как «определённое состояние отдельных людей, групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» [5, с. 127]. В это понятие входят свойства сознания, поведения и отношения между представителями религиозной группы и их отношения к тем, кто не входит в эту группу [7, с.460]. По П.Л. Бергеру, об этом говорят «набор установок, верований и действий, связанных с двумя типами опыта – опытом сверхъестественного и опытом священного» [1, с. 326].

Если говорить о религиозной идентичности, то она может деформироваться по причине несоответствия опыта социальной практике, неосуществимости преследуемых целей, как следствие противоречий, возникающих в сознании при сравнении различных конфессиональных моделей. Правила, требования, положения, догмы, которые сформировались в определённое время и при определённых условиях, будут входить в противоречие при тесном взаимодействии разных культур. Такая ситуация характерна для процессов глобализации. К тому же, в условиях глобализации переход от секулярного к постсекулярному порождает феномен вольного толкования религиозных канонов. Либо приводит к смене религиозной идентичности.

Полноценная конверсия подразумевает качественное изменение личности обращенного. Перед исследователем встает вопрос как измерить и установить наличие такого изменения, исследовать факт конверсии и метаморфозы личности? Как наблюдать душевные состояния человека, которые нигде не фиксируются какими-либо следами, приведшие его к конверсии. Даже следы, которые будут зафиксированы, будут слишком личного, субъективного происхождения.

На сегодняшний день работы, касающиеся вопросов религиозной конверсии, которые доминируют в литературе Западной Европы и Америки, придерживаются нескольких основных векторов исследований [2, с. 188].

Во-первых, выявление и анализ схем вовлечения индивида в религиозную организацию. Определено около 12 ключевых видов конверсии [4, с. 108]. Во-вторых, происходит изучение течения процесса обращения. Оно может фокусироваться на вычленении типичных шагов к вступлению в религиозную организацию. Необходимо сказать о составляющих самого процесса адаптации в группе до полного присоединения индивида к религиозной практике [4, с. 110]. И, наконец, исследования разных уровней общественной системы, в которой идёт

процесс конверсии и причин, влияющих на возможность её возникновения и степень дальнейшего развития [3, с.129].

Термин «религиозная конверсия» был введен в научный оборот Ричардом Травизано. Сейчас он активно используется в научных исследованиях [9, с. 238]. Р. Травизано дал определение вступлению человека в религиозную организацию. Он описал это как процесс, сопровождающийся изменением общей идентичности личности, охватывающей мировоззрение, личностные характеристики и установки индивида [9, с. 238].

Один из способов решения этой проблемы состоит в том, что берется интервью, где фиксируются элементы самоидентификации и мотивация обращения в веру. Основным и единственным индикатором конверсии является самоидентификация неофита и зачисление его в списки нового религиозного движения [2, с. 189].

Декларирование индивида о его принадлежности к той или иной религиозной группе, не являются однозначно надежным критерием, определяющим изменения в его поведении и взглядах. К тому же, субъективные представления о религии тоже могут не совпадать с официальной догматикой. Р. Симмондс считает, какой-либо культ, может на протяжении продолжительного времени вообще не оказывать на личность никакого воздействия [10, с. 120]. Нужно сказать и о том, что в религиозных организациях оказываются люди, преследующие не только религиозные цели. То есть человек вступая в религиозную группу, решает с помощью этого свои проблемы или удовлетворить собственные запросы. Например, сюда может относиться благотворительная помощь или возможность путешествий. Это пример целевого типа конверсии.

Второй путь поиска второго способа исследований религиозной конверсии идет по изучению перемены мировоззрения и системы ценностей. Здесь нужно най-

ти дополнительные показатели, которые помогают выявлять элементы мировоззрения, отражающие внутренние изменения и происходящие на уровне сознания [6, с. 480].

В данном случае используются методики, исходящие из принципов семиотики. Они помогают рассматривать религию как систему символов. Эта методика фиксирует побуждения и манеры, создающие стиль поведения. Подобные основы представлений выработаны в процессе практической деятельности. Но когда перед личностью встаёт проблема выбора, они становятся основой для принятия решений. Разные религии можно описать как системы таких символов. Тогда их можно использовать как основу для фиксации процесса трансформации мира представлений в процессе конверсии.

Надежным показателем конверсии может служить изложение респондентом своей биографии в контексте социальных изменений [8, с. 72]. Последовательное повествование респондентов о событиях является свидетельством о прошлом, но и ключевым центральным моментом трансформации личности и самой конверсии. Мы видим процесс конверсии не только разовым событием. Ключевую роль играет долгий процесс трансформации индивида, и самоидентификация, самовосприятие в контексте «канонического языка» группы [12, с. 14].

Необходимо сказать о дополнительных показателях, которые помогут выявить элементы мировоззрения, отражающие внутренние изменения на уровне сознания [6, с. 479]. Индикатором конверсии можно рассмотреть показатели помимо переосмысления биографии. Во-первых, мышление, основанное на аналогиях, приостанавливается. Во-вторых, группой принимается единая система истолкования явлений и событий. При ней альтернативные варианты интерпретации полностью вытесняются. И, наконец, индивид принимает роль адепта группы во всех ситуациях повседневной жизни. И все иные парадигмы поведения вытесняются [11, с. 174].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П.Л. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 346.
2. Мартинович В.А. Проблема индикаторов конверсии // Религия и общество: актуальные проблемы современного религиоведения: сборник научных трудов / Под общей редакцией В.В.Старостенко. – Могилев.: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. – С.187-190
3. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 129-133 с.
4. Мчедлов М.П. Общие вопросы религиозной идентичности. К постановке проблемы, условия её объективного анализа// Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 13-33; Исаева В.Б. Современные концептуальные модели социологии конверсии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 166. С. 108-113.
5. Угринович Д.М. Введение в религиоведение: 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1985. С. 273.
6. Шахнович М.М. Что такое когнитивное религиоведение // Вторая международная конференция по когнитивной науке. 9–13 июня 2006 г. Санкт-Петербург. Тезисы докладов. Т. 2. С. 478–479.

7. Яблоков И.Н. Религиоведение: учебное пособие и словарь-минимум по религиоведению. М.: Гардарики, 1998. С. 460.
8. Berger P.L. Einladung zur Soziologie. Eine humanistische Perspektive. Breisgau.: Walter Verlag, 1969. 71 - 72 s.
9. Travisano R.A. Alternation and conversion as qualitatively different transformations // Social psychology through symbolic interaction / Ed. by G.P. Stone, H.A Faberman. Waltham, MA: Ginn-Blaisdell, 1970. P. 238 - 248.
10. Simmonds R.B. Conversion or Addiction. Consequences of Joining a Jesus Movement Group. In: Conversion Careers: In and Out of the New Religions. Ed. Richardson J.T. Beverly Hills, CA.: SAGE, 1978. 113 - 128 s.
11. Snow D.A., Machalek R. The Sociology of Conversion. // Annual Review of Sociology. 1984. Vol:10. 173 - 174 s.
12. Stromberg P.G. Language and Self-transformation. A Study of the Christian Conversion Narrative. Cambridge.: Cambridge University Press, 1993. 13 – 15 s.

© Салахова Диляра Фарзутдиновна (dilboss@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанский (Приволжский) Федеральный университет

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО НИГИЛИЗМА

Сирин Сергей Анатольевич

*К.ф.н., доцент, Иркутский государственный
медицинский университет
tkocmina@gmail.com*

THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF MODERN RUSSIAN NIHILISM

S. Sirin

Summary: The article examines in detail the etymological interpretation of the term nihilism, shows its development at the social group, individual level of a person, identifies the stages of development of nihilism in the modern period.

Keywords: legal nihilism, social causes, society, state, public consciousness.

Аннотация: В статье подробно исследуется этимологическое толкование термина нигилизм. Показано его развитие на общественно-групповом, индивидуальном уровне человека. Выделены этапы развития нигилизма в современный период.

Ключевые слова: правовой нигилизм, социальные причины, общество, государство, общественное сознание.

На современном этапе происходит процесс осмысления различных проявлений нигилизма. Сложность исследования проблемы обусловлена его модифицированными формами, которые обладают способностью скрываться за антинигилистическими лозунгами или гуманистическими идеями. Именно модифицированные формы дают основания толковать нигилизм более широко, указывая на его различные проявления. Следует отметить, что это явление всегда было и остается характерной чертой менталитета. Однако устоявшееся понимание нигилизма как всеобщего отрицания и разрушения уже не может полностью удовлетворять. Возникает необходимость философско-антропологического и социокультурного переосмысления нигилизма как учения или мировоззрения. Кроме того, сфера нигилистического действия, учитывая динамику его механизмов, способность к образованию модифицированных форм и латентность некоторых аспектов проявления, требует постоянного и систематического пересмотра и новой постановки вопросов в пределах его характеристик и современных форм проявления.

Современный же нигилизм, который быстро распространяется в условиях нестабильности и кризиса, пренебрегая существующим строем, не создает ничего лучшего или нового. Современность пропитана неполными формами нигилизма, то есть это декаданс без переосмысления ценностей. Именно об этом предупреждает Ницше, говоря в своем произведении «Воля к власти» о будущем тотальном обесценивании высших ценностей без всякой цели [3].

Глобальный культурный кризис, охвативший мир после Второй мировой войны, достиг на конец 60-х годов достаточно ощутимого масштаба, так с начала 70-х годов критика технократического виденья будущего сопровождается устойчивой тенденцией распространения

пессимистических взглядов на потенциальные перспективы развития человеческой цивилизации. Причем этот пессимизм вышел за пределы Европы, где он первоначально концентрировался, как в наиболее пострадавшей в войне части мира.

Можно выделить четыре общественно-онтологические уровни относительно того, в каких масштабах человеческого существования рассматривается ценностно-конструктивная и гармонизирующая функция культуры: индивидуальный, общественно-групповой, национальный и глобальный. Характерной чертой новейшей истории стало то, что культурный кризис охватил все указанные уровни бытия человека в мире. Это привело к распространению нигилизма на этих уровнях, вплоть до глобального включительно. Но если западный нигилизм основывается на противостоянии мыслящего человека гротескному миру вещей, то отечественный – впитывает в себя ужасную неустроенность нашей жизни не только в духовной, но и в социальной и материально-производственной сферах. Многолетние провалы в экономике, недоверие к политике, растущая поляризация общества при фактическом отсутствии здорового среднего класса – все это способствует формированию нигилистической позиции лица, что переживает фазу разрушения мира и, как следствие, фазу саморазрушения.

Общее, широкое толкование данного термина можно вывести из его этимологии. Термин «нигилизм» образован от латинского «nihil» – «ничто», «ничего», или «nihilum» (дословно – «ни ниточки, ни волоса»). Философский словарь 1968 года определял нигилизм как позицию полного отрицания, не связанную ни с какими положительными идеалами [5]. Трудно согласиться с мнением, что между понятиями «нигилизм» и «отрицание» нужно ставить знак равенства. Действительно, любой нигилизм является отрицанием, но не любое воз-

ражение является нигилизмом. Понятие «отрицание» значительно шире, оно присуще человеческому сознанию, диалектическому мышлению и деятельности. Поэтому далеко не всех, кто что-то отрицает следует считать нигилистами, поскольку в таком случае данный термин теряет смысл и растворяется в более объемном понятии «отрицание» [4].

Учитывая изложенное, нигилизм можно определить как сложное, многогранное явление, для которого характерно полное отрицание общепринятых ценностей и норм, полный скептицизм, распространение которого связано с кризисными периодами исторического развития [6].

Часто нигилизм появляется тогда, когда приходят в упадок или исчезают религии. Когда нет высшей ценности, другие ценности неизбежно оказываются под угрозой, даже если они окончательно и не исчезают. Поэтому при отсутствии веры в Бога или Высший Разум начинают развиваться нигилистические настроения. Однако сложность ситуации заключается в том, что в некоторых религиях мира заложены нигилистические тенденции. В христианстве почва для возможного появления нигилизма появляется в вероисповедании или на исторических этапах развития религии, признающих только Бога и загробное, пренебрегая реальное и нынешнее. Поскольку в самой религии отрицание мира связано с верой в Бога и в жизнь после смерти, когда вера в Бога и его высшую власть исчезает, ничего не остается, кроме отрицания. Православная церковь особенно далеко зашла в своем мистическом отрицании мира, поэтому те, кто под влиянием радикального Просвещения потерял веру в Бога, стали нигилистами.

Склонность к отрицанию навязанных ограничений, слома стереотипов всегда была присуща человеку и вытекает из самой его природы. Поэтому для глубинного анализа нигилизма следует рассмотреть его как способ человеческого мировосприятия. Отношение человека к миру можно выразить формулой взаимозависимости, к тому же оно осуществляется через проблему выбора способа, которым человек стремится достичь собственных жизненных горизонтов. Реализацию этого способа постижения (познания) он осуществляет на индивидуальном уровне, однако разворачивает его как общезначимый. Одним из главных принципов, через который человек воспринимает свою жизнь, является осознание им своей «двойной природы». Такая двойная детерминация человека предопределяет его образ мышления и мировоззрение, что, наконец, отражается и на культурной ситуации. Поэтому для человека совпадение дуальности является определенным пространством свободы и реализации возможностей существования, который выражается в форме поиска «золотой середины» между такими категориями, как:

1. *человеческое и животное*: здесь борются критерии разумности и неразумности, рассудительности и агрессивности, ценности и инстинкта и тому подобное;
2. *естественное и культурное*: в конфликте находятся представления о «свободном человеке», с предоставленными от рождения естественными правами и убеждения о том, что именно культура является системой организации и развития человека, включая его способы взаимодействия с природой, межличностной коммуникации и духовного становления;
3. *духовное и телесное*: речь идет о спорных моментах относительно сущности человеческой природы – имеет ли она чисто духовный или материальный характер;
4. *божественное и человеческое*: человек, с одной стороны, имеет остро выраженное чувство свободы, знает о добре и зле, ему известна любовь и справедливость, знание высших ценностей, желание святости, а с другой – он прибегает к обману, измене, насилию и разрушению.

Итак, источником культурных преобразований часто выступают различные представления человека о себе, у которых имеются его стремления и идеалы. Нет универсальной концепции человека, при которой его сущность формировалась бы в устоявшихся терминах и признавалась безоговорочной. Напротив, человек постоянно находится в борьбе между указанными крайностями, находится в поиске, всегда стоит перед выбором – подвергнуться разрушительному действию «Ничто» или развиваться и расти. Поэтому склонность поддаться нигилизму, прежде всего, зависит от развития морально-волевых качеств личности. Чем сильнее воля, тем легче противостоять, не поддаваясь нигилистическим настроениям.

На индивидуальном уровне человека, что все же подвергся нигилистическому воздействию (в его субъективном сознании), нигилизм развивается по такой схеме:

1. возложение или поиск идеала;
2. выяснение невозможности его воплощения;
3. осознание идеала как самообмана человека;
4. разоблачение заблуждений, вызванных возложением и содержанием идеала как ценности, а отсюда, как следствие, возможность произвольных проявлений человека.

Стремление человека получить некий «образец», который был бы приемлемым для его существования, его соблюдение и видение в нем личного смысла, способно образовать путь к нигилизму.

Нигилизм на общественно-групповом уровне как отрицание существующих норм, ограничений и запретов

имеет сложную структуру и проходит несколько стадий. Сначала это могут быть просто сомнения, скептическое отношение к нормам морали, культуры, искусства, затем критическое отношение к ним, и, наконец, полное отрицание предыдущих традиций, ценностей, норм поведения [4]. В зависимости, от того, какие ценности отрицаются или о какой сфере знаний говорится, нигилизм может быть нравственным, эстетическим, правовым, политическим, идеологическим, религиозным. М.А. Месилов в развитии нигилистических идей и взглядов выделяет четыре этапа, которые характеризуются циклическостью и одинаковы для любого вида нигилизма [2].

На первом этапе возникает недовольство существующим порядком в той или иной сфере общественной жизни, происходит его переоценка. Этот процесс можно назвать старением, отмиранием или потерей общественной ценности. Отказ от старых стереотипов, идеалов и концепций дает толчок к развитию новых. На этом этапе отторжение старого имеет массовый характер. Доля нигилистических взглядов в обществе высока, но не максимальная.

Второй этап – возникновение инновационной идеи. Можно утверждать, что это этап, на котором нигилистические взгляды в обществе достигают своего максимума. Его особенностью является двойной нигилизм, с одной стороны, это нигилизм большей части общества, которая заключается в стремлении изменений (новаций), с другой – минимальный нигилизм оппонентов, людей, которые довольны существующим положением вещей (традициями) и которых не устраивает новация, которая предлагается.

Такой рост обусловлен течением времени и неизбежен. Постепенно общество начинает отказываться от сбалансированного варианта, который удовлетворил его в определенный момент. Это связано как с развитием общества в целом, так и отдельных индивидов. Результатом этих изменений является массовость нигилистических взглядов, что приводит общество к переоценке и заставляет искать новые решения.

Близким к такому четырехэтапному развитию нигилистических идей является развитие революционных идей. Но исторически нельзя полностью негативно, с позиций чистого отрицания оценивать различные освободительные движения, их идеологов и участников. Это закономерный процесс. В отдельные периоды нигилизм имел относительно прогрессивное значение, был наиболее радикальной формой выражения общественного протеста, отрицание устаревших социальных и идеологических норм. К тому же борьба против тирании, диктатуры, произвола правителей не является нигилизмом в собственном смысле этого слова. Нигилизм в данном случае является одной из движущих

сил этих процессов.

Следует отметить, что нигилизм не является полностью негативным явлением, а имеет и определенные положительные результаты. Можно говорить о его очистительной функции – удалении устоев, что изжили себя, толчок к поиску новых концепций и идеалов. В данном аспекте большое значение в нигилизме приобретает момент испытания, которое касается не только устоявшихся ценностей, но и ожидаемых результатов нигилистического действия. Эту характеристику нигилизма можно назвать интеллектуальной провокацией. Последняя имеет мало общего с провокациями, которые совершаются ради распространения нестабильности и анархично-взрывной ситуации. Это своеобразное интеллектуальное возмущение, призвано вызвать шоковое состояние на уровне мыслей и идей. Провокационная идея выражается как парадоксальная или противоречивая позиция, что вызывает яростное сопротивление в повседневной мысли. Поэтому интеллектуальная провокация всегда находится «на грани». Однако история знает много случаев, когда вместо множества контекстов, которые затрагивает провокационная идея, выбирается только один, выгодный правящей партии или элите для создания образа «врага». Так случилось с философией Ф. Ницше, которого долгое время связывали с идеологией нацизма. Однако главной задачей интеллектуальной провокации является попытка привлечь внимание к определенной проблеме, вызвать социальный резонанс, вызвать поиск нового взгляда. Однако, несмотря на это, недооценивать нигилизм также не следует.

Достаточно часто нигилизм проявляет недоверие к существующему порядку вещей, демонстрирует сомнения касательно определяющих принципов бытия, оказывает протест с намерением бунта, в шквале которого осуществляется определенное испытание значимых для человека реалий бытия. Особенностью нигилистического отрицания является то, что его объект только определяет конкретный вид нигилизма. А характерными признаками самого отрицания является его степень и интенсивность: от полного отрицания права, как общественного явления (анархизм), к внутренней недооценки права, сведение его к простым запретам («разрешено все, что не запрещено»).

Как правило, нигилистические взгляды особенно сильные в кризисные периоды социального и исторического развития общества: политические проблемы, революционные перевороты, различного рода реформы. Переходные эпохи поражают «фейерверком» политических идей и экзотичностью культурных явлений, при таких условиях духовная и социальная среда зажигает нигилизм, питая и защищая его. Российская империя накануне большевистского переворота, Германия и Австрия перед установкой нацистского режи-

ма продемонстрировали удивительное разнообразие социальных контрастов и политических противоречий. Сводятся на нет положительные результаты, не учитывается накопленный опыт, к тому же этот процесс является стихийным и неконтролируемым, сопровождается потерей социальных ориентиров и беспорядком. Нередко нигилизм приобретает разрушительных форм, в своих крайних проявлениях может смыкаться с различными анархическими, лево- и праворадикальными течениями, максимализмом, политическим экстремизмом.

В конце XIX-XX вв. в русской и западноевропейской науке появляется ряд исследований, в которых рассматриваются социально-идеологические, философские и морально-психологические истоки тех форм нигилизма, которые либо уже были реализованы в социальной практике, или отчетливо прослеживались тенденции к их оформлению. Например, российский революционер, теоретик анархизма П.А. Кропоткин, отмечал, что за два с половиной столетия крепостного права сложился целый мир привычек, способов мышления, предрассудков и моральной трусости, что выросли на почве несправедливости [1]. Далее он описывал обобщенный портрет условного «нигилиста», который признавал только один авторитет – разум. Он восстал против общественных учреждений, обычаев, которые считал софизмами, и внешней вежливости, которые, по его мнению, являются простым лицемерием. Нигилисту того времени были отвратительны разговоры об искусстве, красоте и идеалах, поскольку любой предмет искусства покупался на деньги, взимаемых с голодающих крестьян или обобранных рабочих.

Русский нигилизм в своем историческом развитии имел выраженную активную форму.

В своем историческом развитии общество проходило много кризисных, переломных моментов, которые подпитывали национальный нигилизм.

В современный период развития нигилизм приобретает самые разнообразные формы: неприятие определенными слоями общества новых ценностей, предложенных правящей элитой; неудовлетворенность изменениями; социальные протесты внедряемым реформам; отторжения «западных» образцов поведения, что насаждаются «сверху»; неприятие официальных лозунгов; враждебность по отношению к государственным институтам, властных учреждений и их лидеров; экстремизм. Однако существуют и менее радикальные, приемлемые формы нигилизма – конструктивная критика недостатков существующих порядков, несовершенства определенных социальных институтов, существующих законов, политико-правовой системы. Однако при отсутствии реальных сдвигов из-за неудовлетворительного состояния решения социальных вопросов и растущего неверия в возможность позитив-

ных изменений такая критика может приобрести признаки нигилизма.

Путь становления нигилизма, пролегающий от античности до современных форм, базируется на недоверии к существующему положению вещей. В момент, когда человека перестают удовлетворять навязанные рамки и нормы, что, по его мнению, ограничивают его, человек нарушает старый уклад ценностей и начинает самостоятельное определение координат своего существования. Так он принимает на себя рычаги самостоятельного упорядочения жизни, добавляя к своим признакам еще и нигилистическую. Таким образом, определяется двойной смысл нигилизма (активный и пассивный). Пассивный нигилист, сделав самоуправляемый шаг, останавливается на нем. Со временем возникает психологическая потребность ценностей, но новых ценностей нет – и он вынужден возвращаться к старым. Поэтому взгляд пассивного нигилиста преимущественно обращен назад, он «использует» прошлое. Активный нигилист осознает несоответствие старых ценностей, стремительно отвергает их, не создавая взамен ничего нового.

Однако нигилизм присущ не только «народу», но и властным «верхушкам». Он проявляется в форсировании социальных преобразований, желании достичь изменений не как следствие постепенного реформирования и улучшения, а путем популизма и демагогии. Осуществить изменения на бумаге, присвоив при этом государственные средства [2]. Такая ситуация приводит к двойному нигилизму в обществе, что создает эффект «бомбы замедленного действия».

Исследуя философские основы нигилизма, следует обратиться к работам немецкого философа В. Крауса, который обосновывает тезис о том, что «нигилизм убирается в самые разные одежды и кроется там, где его даже и не подозревают, и там, где он пытается изображать свою противоположность». Изучая диалектику нигилистических крайностей, В. Краус предлагает собственную типологию парных видов нигилизма. Приведем перечень, в которых есть место правовому нигилизму

1. *Нигилизм родителей* (буржуазный нигилизм) отвергая принципы гуманизма, свободы и равенства, оставляет вульгарный материализм, погоню за деньгами и личной властью. Как ответ на него, появляется *нигилизм детей* (анархический нигилизм), когда молодое поколение отвергает жизненные представления родителей как пережитки прошлого, не понимая их.
2. *Нигилизм чиновничества* вступает в силу, когда из-за бюрократии, иерархии карьеризма, эгоцентричных стремлений и жадности личной власти забываются идеалы общественной полезности, что может привести к потере смысла существования чиновников. Ему противостоит *индивидуалисти-*

ческий нигилизм, который стремится разрушить бюрократическую машину, обойтись вообще без такого аппарата, надеясь, что все взаимоотношения в обществе возникнут сами собой из сознательных индивидов.

3. *Материалистическое нигилизм* отрицает все, что не является материально ощутимым. Он стремится только к деньгам, власти, его не интересуют духовная соизмеримость, человеческое сочувствие, общественная целесообразность. В противоположность этому можно наблюдать *гедонистический нигилизм*, который радикально противопоставляется материальным достояниям, деньгам, экономическим успехам. Он жаждет удовлетворять лишь собственные, непосредственные потребности в пище, питье, сексуальной удовлетворенности. Гедонистам присуща полная беспристрастность, эгоцентричность и равнодушие к судьбе других.
4. *Деспотический нигилизм* вырастает из недооценки политической власти человека, его естественных прав и свобод человека и гражданина. Данный вид нигилизма основывается на пренебрежении и ненависти к человечеству, которое якобы заслуживает строжайшей регламентации и угнетения (жесткого контроля со стороны полиции, службы безопасности, милитаризованных структур, спецотрядов и т.д.). Как известно из истории, деспотическое человеконенавистничество может иметь мировые последствия и достигать ужасного уровня цинизма. В результате часто возникает *летаргический нигилизм отчаяния и покорности*, ведь перед абсолютной властью деспотизма любая инициатива оказывается безнадежной. Перед полным пессимизмом и безысходностью человек впадает в полную апатию, подвергаясь мощному течению, поскольку такая неустойчивость приводит к нигилизму или к полному мироотрицанию.
5. *Догматический нигилизм* охватывает сферу идеологии: под его влиянием «каменеют» когда-то живые идеи, утопии, ценности, представления о цели. Нередко идеалы превращаются в пустые лозунги,

ограничивающие индивидуальную свободу. Даже гуманистические идеи без соответствующего основания могут быстро переродиться в свою противоположность – абстрактную догму. В противовес такой абстрактно-догматической конструкции может возникать *дионисийский нигилизм*, который представляет собой шумную, хаотическую эмоцию. Бегство от проблем в алкогольные эксцессы и разврат, культ развлечений и экстатический абсентеизм становится проявлением полного расстройств. На этом фоне определенное время могут развиваться некоторые виды искусства, пока неудержимое возражение не разрушит саму способность к художественному творчеству.

Такой философский анализ парных разновидностей нигилизма показывает, что данный феномен способен находить выражение в различных аспектах и сферах жизни общества, однако это не означает, что вокруг нас – сплошной нигилизм. С этим негативным явлением можно и нужно бороться. Поскольку было установлено, что названные пары противоположностей в своей диалектичности обнаруживают внутреннюю взаимосвязь, то обе стороны в паре могут основываться на определенных исходных позициях, будучи или активными, воинственными, экстравертными, или же, наоборот, пассивными, равнодушными, интровертными. Поскольку стороны пары противоположностей тесно между собой связаны, они взаимно дополняют друг друга и вместе развиваются до критического пункта, за которым наступает или катастрофа, или глубокая модификация. В обостренном кризисном положении возможны и положительные последствия, поскольку четко проступают ошибки, повлекшие кризис, и мобилизуются силы, способные исправить ситуацию. Такой шок, если он наступил не слишком поздно, а его причины распознано быстро и точно, может стать и целебным. Тогда с ужасного опыта всемирного разрушения, уничтожения и самоуничтожения, отрицания, нигилизма рождается новое осознание своей ответственности, новая система задач, смыслов и ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кропоткин П.А. Этика: избранные труды / Кропоткин П.А. – М.: Политиздат, 1991. – 496 с.
2. Месилов М.А. Правовой нигилизм: учебн. пособ. / Максим Александрович Месилов / [общ. ред. А.П. Печников]. – М.: Моск. городск. ун-т управления Правительства Москвы, 2006. – 48 с.
3. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Фридрих Ницше. – С.-Пб.: Азбука-классика, 2016. – 442, [1] с.
4. Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической оценки / Авраам Израилевич Новиков. – Л.: Лениздат, 1972. – 296 с.
5. Философский словарь / [ред. М. М. Розенталь, П. Ф. Юдин]. – М.: Изд. полит. литературы, 1968. – 432 с.
6. Философский словарь / [сост. И.В. Андрущенко, О.А. Вусатюк, С.В. Линецкий, А.В. Шуба]. – К.: А.С.К., 2006. – 1065 с.

© Сири́н Серге́й Анато́льевич (tkosmina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

Ястреб Наталья Андреевна

Д.ф.н., доцент, Вологодский государственный университет
nayastreb@mail.ru

TECHNOLOGIES OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION: ETHICAL AND SOCIAL ISSUES

N. Yastreba

Summary: The subject of the study is the ethical and social aspects of modern technologies that form the core of the fourth industrial revolution. Special attention is paid to the analysis of cyber-physical systems and blockchain technology as a backbone for the entire industry 4.0. The problem of the value content of new technologies, as well as the transformation of the system of values in the context of technological progress, is raised and considered. The main conclusions of the conducted study are the definition of technologies of the fourth industrial revolution as objects integrating the material and digital aspects of their functioning; identifying axiological reasons for the non-acceptance of technology by society, the conclusion that the impossibility of rewriting, changing information, in particular, the history of operations in the blockchain makes traditional ideas about truth and the procedures for its establishment untenable.

Keywords: blockchain, cyber-physical systems, fourth industrial revolution, social transformations, big data.

Аннотация: Предметом исследования являются социальные аспекты современных технологий, составляющих ядро четвертой промышленной революции. Особое внимание уделяется анализу киберфизических систем и технологии блокчейна как системообразующей для всей сферы индустрии 4.0. Ставится и рассматривается проблема ценностного содержания новых технологий, а также трансформации системы ценностей в условиях технологического прогресса. Основными выводами проведенного исследования являются определение технологий четвертой промышленной революции как объектов, интегрирующих материальный и цифровые аспекты своего функционирования; выявление аксиологических причин непринятия новых технологий обществом, заключение о том, что невозможность переписать, изменить информацию, в частности, историю совершения операций в блокчейне делает традиционные представления об истине и процедурах ее установления оказываются несостоятельными.

Ключевые слова: блокчейн, киберфизические системы, четвертая промышленная революция, социальные трансформации, большие данные.

Введение

Постановка проблемы исследования обусловлена острой необходимостью системного анализа социальных проблем, связанных с переходом к цифровой экономике и новому технологическому укладу, без которого общество может столкнуться с нарастающей асимметрией развития, новым технологическим и социальным неравенством.

Паровая машина и конвейерное производство стали основами первой и второй промышленных революций соответственно. Появление вычислительных машин и их развитие во второй половине XX в. привело к наступлению третьей промышленной революции, которая изменила процессы управления и послужила началом автоматизации производства, но при этом практически не затронула сам процесс создания материального продукта. В дальнейшем стало понятно, что автоматизация

производства при помощи компьютерных технологий носила закрытый локальный характер. Системы управления разрабатывались для каждой сферы, а часто и для каждого предприятия отдельно и, как правило, были несовместимы друг с другом [3]. Наступление четвертой промышленной революции связывают с развитием глобальных промышленных сетей и внедрением автономных устройств, способных к самостоятельному сбору и анализу информации. Этот промышленный переворот связан с интеграцией научных, технических и производственных инноваций, распространением горизонтальных сетевых систем организации и управления производством, внедрением технологий обработки больших данных, аддитивного производства, развитием систем машинно-машинного взаимодействия. Технологии четвертой промышленной революции объединяет новый, киберфизический подход к конструированию искусственных систем, основанный на идее интеграции в одной системе информационных технологий и средств

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-33-01146-ОГН ОГН-МОЛ-А2.

работы с физическими объектами [7],[9],[12].

Принципиальным преимуществом киберфизических систем является превращение в ценную информацию тех данных, которые и для человека, и для технологий предыдущих поколений были бесполезны. Миллиарды устройств собирают огромное количество данных, формируя цифровую копию реальности, в том числе человека и общества. Использование методов машинной обработки данных для превращения сигналов, традиционно рассматривавшихся как фоновый шум, в значимую информацию, которую затем могут использовать как машина, так и человек, подразумевает новый подход к классификации и управлению информационными потоками. Потенциально это может вызвать серьезные социальные трансформации, а этические проблемы возникают уже сейчас. Такие технологии неизбежно требуют изменения наших представлений о безопасности и контролируемости создаваемых человеком технологий. В связи с этим, особую актуальность приобретает выявление и анализ социальных и этических рисков, что невозможно без философского анализа новых технологий.

Основная часть

Несмотря на то, что этические аспекты новых технологий обсуждаются повсеместно, связанные с ними проблемы далеки от решения. Во многом это связано как с попытками согласовать технологии нашего времени с традиционной консервативной системой ценностей, так и с отсутствием полноценной методологии этического анализа техники. Как указывает К. Шваб, интегрировать нужные ценности в процессы технологического развития не всегда легко. Это «нельзя сделать, просто добавив некий «этический компонент», — для этого может потребоваться принятие новых методологий, формирование организационной культуры и даже изменение рыночного мышления, предполагающего, что двигателем прогресса является экономика» [8, с. 54].

Ценностные конфликты, то есть несовпадение установок разработчиков и потребителей могут стать причиной непринятия или даже отторжения технологического продукта обществом. Примером могут служить первые поколения генетически модифицированных организмов. Их создание преследовало цели повышения урожайности и устойчивости к заболеваниям, то есть повышение прибыли фермеров и сельскохозяйственных предприятий, но не учитывало интересы потребителей, что, наряду с низким уровнем просвещения, во многом определило неприязнь к данному виду товаров. На современном этапе создание овощей и фруктов с повышенным содержанием витаминов и микроэлементов или со сниженной калорийностью меняет в лучшую сторону восприятие биотехнологий. Данный пример по-

казывает значимость учета ценностного аспекта не на этапе внедрения и популяризации продукта, а уже на этапе проектирования или даже формулирования идеи технологической инновации.

Многие технологии четвертой промышленной революции, такие как интернет, мобильная связь, беспроводная передача данных, QR-коды и т.д. возникли в конце XX века, однако их подлинная интеграция начинается только сейчас [14], [15]. По мнению аналитиков, «в 2016 году стало окончательно ясно, что блокчейн и смарт-контракты являются «недостающим звеном» ... для платформы сложных киберфизических систем Индустрии 4.0» [6, с. 141]. Блокчейн – это новая система хранения и передачи ценностей, технология, меняющая мир финансов и защищенных баз данных. Появившись в 2008 году как комбинация математики, криптографии, компьютерных технологий и теории игр, работа, опубликованная под псевдонимом Сатоши Накамото, без преувеличения перевернула мир цифровой экономики. Технология блокчейн дает возможность точно копировать цифровые объекты и передавать их почти без предельных издержек многим людям одновременно; обеспечивает прозрачность, верифицируемость и неизменность данных, не требуя от участников доверия к единой централизованной третьей стороне и делает возможными транзакции без вмешательства человека.

Возникновение блокчейна и развитие подобных ему технологий потенциально способно радикально изменить существующую систему ценностей и правил поведения в обществе. Ключевым фактором здесь выступает невозможность переписать, изменить информацию, в частности, историю совершения операций. В ситуации, когда нельзя переписать отчет, скорректировать данные, скрыть или добавить информацию, человеку придется привыкнуть к открытости и необратимости своих действий в сети. Ложь, обман, тайна и другие формы управления информацией становятся недоступными в условиях технологий, обеспечивающих точность и прозрачность хранящейся и передаваемой информации.

Все наши представления об истине и процедурах ее установления оказываются несостоятельными. Полнота сохранения и невозможность изменения истории операций не требует доказательств, привлечения третьей стороны, толкований и интерпретаций. То, что написано, сохраняется навсегда. С другой стороны, меняются и акторы экономической деятельности. Уже не только люди-субъекты могут совершать операции, но и алгоритмы начинают принимать решения и проводить транзакции без вмешательства человека.

Социальные последствия блокчейна потенциально могут быть огромными, и в настоящее время мы вряд ли сможем их полноценно спрогнозировать. В то же время,

уже сейчас высказываются мнения о том, что «наиболее важной преобразующей ролью блокчейна является борьба с эксплуатацией и возможность формирования нового общественного договора, адаптированного для социумов и экономических систем, все больше пронизанных технологиями и зависимых от них» [8, с. 61].

Область применения блокчейн-технологий не исчерпывается денежными операциями. Присуждение материальным объектам персональных цифровых идентификаторов позволит контролировать с помощью таких технологий весь процесс производства и распределения материальных ресурсов, включая контроль качества и управление рисками, что может радикально изменить существующую систему материального производства.

Неизбежным результатом распространения технологий распределенного доверия, к которым относится блокчейн, является децентрализация власти, причем не только в банковской сфере. Традиционные иерархические структуры власти базируются на доверии, вырастающем из авторитета самой должности, репутации и способности убеждать. Технология блокчейн «возлагает доверие на математику и инфраструктуру, а не на политиков и отдельные узнаваемые организации» [8, с. 64].

Возрастает значимость репутации и поддержания высоких стандартов взаимодействия с потребителем. На смену Push Economy (традиционной экономике), ориентированной на создание стандартизированных продуктов и их сбыт по стандартным каналам через применение

активных и агрессивных способов вовлечения клиента, приходит Pull Economy (вытягивающая экономика). Последняя основана на создании кастомизированных продуктов и услуг, распространение которых в большей степени зависит от репутации производителя (не производитель ищет клиента, а клиент опирается на отзывы в сети).

Заключение

Таким образом, особенностью всех технологий Industry 4.0 является их взаимосвязанность и взаимная дополняемость, что приводит к появлению конвергентных эффектов, когда развитие одних направлений стимулирует прогресс в других областях. Движущей силой развития при этом выступает рост доступности технологий. Технологии четвертой промышленной революции – это не просто инструменты, а то, что может радикально изменить социальные системы и процессы, нормы, правила, ожидания, цели, организации и стимулы. В связи с этим, они уже перестали быть просто технологиями, и могут рассматриваться как системы, в которых при помощи этих технологий решаются проблемы человека и общества. Переход к цифровой экономике и новому технологическому укладу влечет за собой трансформацию множества социальных процессов и систем, сложившихся на предыдущих этапах технологического развития, прогнозирование и осмысление которых необходимо для минимизации рисков и негативных последствий, а также оптимального использования потенциала улучшения качества жизни человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марш, П. Новая промышленная революция: потребители, глобализация и конец массового производства. / пер. с англ. А. Шоломицкой. – М.: Издательство Института Гайдара. – 420 с.
2. Чеклецов, В.В. Блокчейн, покемоны и промышленный интернет / В.В. Чеклецов // Философские науки. – 2016. – № 10. – С. 140-147.
3. Чеклецов, В.В. Идентификация и идентичность в киберфизическом мире / В.В. Чеклецов // Философские науки. – 2017. – № 8. – С. 76-86.
4. Шваб, К. Технологии Четвертой промышленной революции : [перевод с английского] / Клаус Шваб, Николас Дэвис. — Москва: Эксмо, 2018. – 320 с.
5. Ястреб, Н.А. Человек в эпоху четвертой промышленной революции : монография / Н.А. Ястреб, О.Ю. Никифоров ; М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда : ВоГУ, 2015.
6. Cyber-Physical Systems (CPS) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nsf.gov/pubs/2008/nsf08611/nsf08611.pdf> (дата обращения: 10.12.2018).
7. Plutschinski, T. The 4th Industrial Revolution from an Ethical Perspective // ISPSW Strategy Series: Focus on Defense and International Security. – 2017. – № 516. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ispsw.com/wp-content/uploads/2017/10/516_Plutschinski.pdf (дата обращения 18.12.2018).
8. Solomon, M. The 4 big ethical questions of the Fourth Industrial Revolution. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2016/10/how-can-we-enjoy-the-benefits-of-the-fourth-industrial-revolution-while-minimizing-its-risks/> (дата обращения 18.12.2018).

© Ястреб Наталья Андреевна (ayastreb@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Balonova M. – Candidate of philological sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Danilkina D. – PhD Student, Moscow State University

Dyatko A. – post-graduate Student, Lomonosov Moscow state University

Enchinov E. – Candidate of historical sciences (PhD), senior researcher, S.S. Surazakova Research Institute of Altaic, Gorno-Altai

Grigoriev A. – senior lecturer, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Knyazev N. – Doctor of Philosophy, Professor, Siberian state University of science and technology named after academician M. F. Reshetnev (Krasnoyarsk)

Kozlova N. – Doctor of psychology, Professor, Federal state Autonomous educational institution of higher education «National research Tomsk state University», Tomsk

Larionova A. – Candidate of psychological Sciences, associate Professor, Federal state Autonomous educational institution of higher education «National research Tomsk state University»; associate Professor, Tomsk state University of control systems and Radioelectronics, Tomsk

Lunev V. – Candidate of Sociological (Social) Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Luneva T. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Siberian State University of Science and Technology named after academician M.F. Reshetnev (Krasnoyarsk)

Makarova M. – Hotline consultant psychologist Crisis Center «812», St. Petersburg

Our authors

Maksimova M. – Postgraduate student, Bashkir state university

Mineev M. – Ph. D. Student, Far Eastern Federal University

Mongush S. – Candidate of philosophical Sciences, associate Professor, FGBOU VO «Tuvan state University»

Musat R. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Neskryabina O. – Doctor of Philosophy, Professor, Krasnoyarsk state medical University named after Professor V. F. Voino-Yasenetsky (Krasnoyarsk)

Obukhovskaya V. – Candidate of psychological Sciences, senior lecturer, Federal state Autonomous educational institution of higher education «National research Tomsk state University»; senior lecturer, Federal state budgetary educational institution of higher education «Siberian state medical University» of the Ministry of health of the Russian Federation, Tomsk

Rakhinsky D. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk)

Salakhova D. – postgraduate student, Kazan (Volga region) Federal University

Shcherbakova E. – Teacher, Russian language Department of the Krasnodar higher military

Sirin S. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Irkutsk State Medical University

Vasileva Ye. – postgraduate student, Lomonosov Moscow state University

Yastreb N. – Doctor of philosophical science, associate professor, Vologda state university

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).